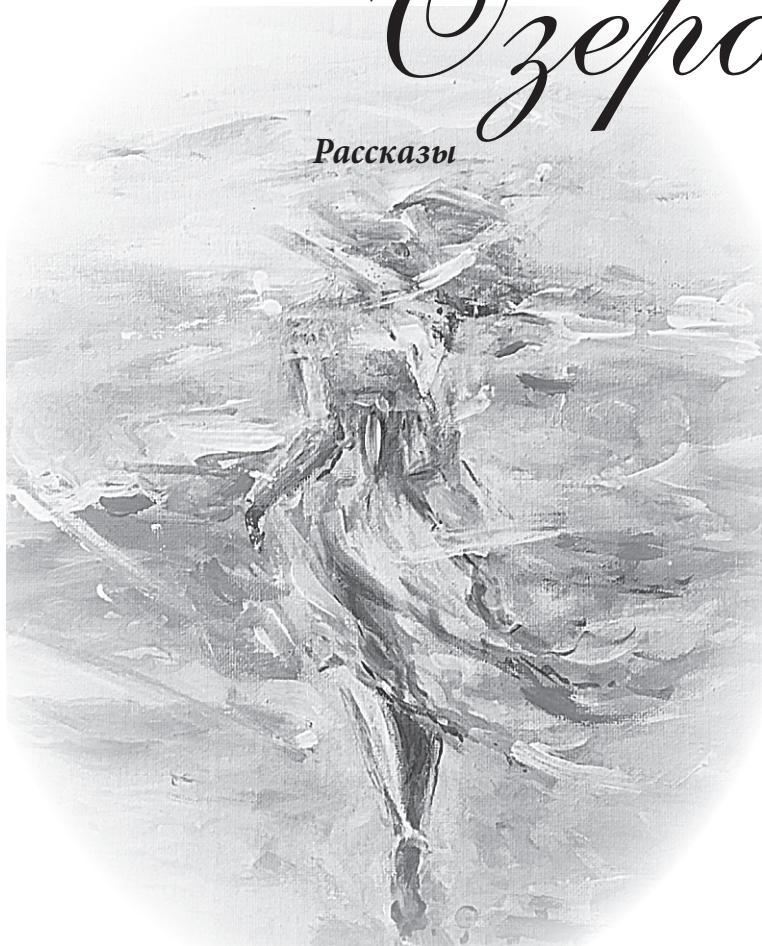

Наталья Елизарова

Озеро

Рассказы

Издательство «3-е ИЮЛЯ»

2023

ББК 84(2Рос=Рус)6
Е-33

Елизарова, Наталия Михайловна

Озеро /проза/ Елизарова Наталия – Орёл:
Издательство «3-е ИЮЛЯ», 2023 – 184 стр.

В новую книгу Наталии Елизаровой вошли рассказы и повести разных лет и различной тематики, но все их объединяет искренний интерес к человеку, его внутреннему миру, чувствам и переживаниям, причинам тех или иных поступков, способности к состраданию.

ISBN 978-5-86843-086-2

© Издательство «3-е ИЮЛЯ», 2023.

© Наталия Елизарова, 2023.

© Ольга Силаева, обложка, 2023.

*Книга издана при финансовой поддержке
Министерства культуры Российской Федерации
и техническом содействии Союза российских писателей*

ISBN 978-5-86843-086-2

Перечитав рассказы Наталии Елизаровой, я вернулся памятью в прошлое её студенческой юности. Прошло 15 лет, я тогда как раз набрал свою первую творческую мастерскую. Наташи Антонюк (я знал её под этим именем) среди моих официальных студентов не было, она училась в другом семинаре, но часто забежала к нам, тем более что студенты Литинститута имеют такое право...

К чему я об этом пишу? А к тому, что – странное дело! – я многие вещицы помню, они не забылись, особенно центральный, на мой взгляд, рассказ сборника «Озеро». Пожалуй, это даже повесть, написанная в проникновенном ключе прозы Паустовского с чеховскими нотками. Неплохая компания... Как вино хорошей выдержки, печально-счастливая повесть тревожит сердце читателей своей интонацией грусти: жизнь в раме русского пейзажа, неяркого, ровного, застенчивого, где всякая эмоция спрятана, как утка в камышах и как щука в воде. Проза Елизаровой нуждается в тишине, в уединении – читать в метро не получится.

Подбирая ключи к её прозе, я нахожу один важный эпитет – свозь буквы всегда просвечивает принципиально другое: например, через быт провинциального городка, или деревеньки, или Москвы – французский Париж, и, когда зонтик героини бесшумно падает в Сену, это читается органично. Или уж вовсе экзотика из экзотик – как витраж виднеется Шри-Ланка, и эта даль удивительным образом проявляет ближнюю печаль неяркой России: тоска, одиночество, неурядицы быта, заусеницы семейного счастья-несчастья...

Рассказы Елизаровой направлены остриём иглы в ткань нашей души, и ткань эта исполнена драматизма. Вот

мальчик узнаёт, что всех впереди ожидает смерть, и божится, что будет кормить своих маму и папу с ложечки, когда они постареют. Или подруга, позавидовав чужому счастью, тайком отрывает броскую пуговицу с новенькой шубки приятельницы...

Но если мелочи бед так многочисленны и пустячны, то и блёстки внезапного счастья так же просты: спрыгнуть с рябины так легко и невысоко, разглядеть шатёр Чингисхана через деревенский плетень – тоже пустяк, если ты любишь читать. А приготовить голубцы или починить старые часы с кукушкой – нет ничего проще, если тебе дорога память бабушки и родни, если ты видишь, как берег озера зарос шиповником и ракетами. Если тебя утешают пионы и пение птиц на рассвете... Если, если, если...

Прочность нашей земли особенно неколебима, если вдруг вспомнить далёкое цунами 2004 года или взять да и порезать ножницами новое платье...

Не нужен мне берег турецкий, бегом подалее от океанских красот – вот в этом любящем бегстве и натиске автора я вижу главную прелесть нежных рассказов Натальи Елизаровой, каждый в ладони, словно живой птенец, рвётся наружу, клюёт пальцы читателя.

Отпустим на волю всех птиц этой книги и будем следить за крылатым полётом под облаками.

Анатолий КОРОЛЁВ

Красное платье

Юля обошла стол снова, проверила количество вилок, ножей и фужеров. Вроде всё на месте. Гости должны быть с минуты на минуту. Тётя Лена — крёстная, тётя Таня — мамина подруга, тетя Надя с двумя дочками — Стеллой и Кристиной. Девочки хоть и старше Юли всего на два года, каждый раз по приезду перекинутся с ней от силы парой фраз и сидят вдвоём, и к ним приедешь — та же история. Юля старалась избегать таких поездок, поскольку чувствовала себя с ними неуютно, глупенькой чувствовала, недалёкой.

Ещё должны были прийти две соседки — тётя Света и тётя Галя. Тётя Галя — казачка и очень любит петь, голос у неё — что надо, сильный, звучный. Юлька иногда тихонько ей подпевала, но подыгрывать на пианино не решалась. А тётя Света немного посидит и уйдёт, у неё мама больная.

— Юленька, салат отнеси, — слышался с кухни голос бабушки.

— Иду, — Юля быстро пересекла крошечный коридор и оказалась на кухне.

Бабушка на день рождения внучки наготовила вкусностей: и холодец сделала, и пирог испекла, а уж салатов и закусок — на стол бы уместить!

Юля взяла очередное блюдо и двинулась в комнату.

— Может, что-то ещё взять?

— Пока нет. А отец-то твой опять опаздывает, на каждый праздник он так. Совсем в своей больнице закрутился. От работы кони дохнут, — вздохнула бабуш-

ка, хотя сама всего лишь несколько лет назад ушла на пенсию — «внучку в школу провожать-встречать», а до этого работала с утра до ночи.

— Юлюсик, матери в окно покричи, она ж без часов.

Юлькина мать гуляла во дворе с полугодовальным братом Виталькой, и Юля обещала позвать её к приходу гостей. Девочка вышла на балкон, распахнула старую деревянную раму:

— Мам, поднимайтесь, через пятнадцать минут гости придут.

Мама, читающая на лавочке, подняла голову вверх:

— Хорошо, сейчас идём.

Юльке исполнилось девять. В школу она ещё вчера отнесла конфет, и учительница поздравила её от имени всего класса и пожелала прилежно учиться.

Бабушка с вечера накрутила её длинные волосы на бигуди, и сегодня они свисали локонами вдоль милого детского личика. Юле хотелось надеть белое платье с воздушной юбкой и короткими рукавами. На улице уже весна, скоро каникулы, можно будет бегать в шортах и сандалиях. Она представляла себя в этом платье лёгкой и воздушной феей, летающей среди ярких цветов, на которых расположились мальчики и девочки — её одноклассники и друзья по двору.

Вошла мама с Виталькой на руках и прервала полёт её фантазии:

— Коляску вниз оставила, отец внесёт. Или пусть там постоит, тут народ будет, не пройдёшь. Юлька, а ты что, ещё не оделась? Давай быстро!

— Мам, а где моё белое платье с кротким рукавом?

— Какое ещё белое? Я тебе красное специально ко дню рождения купила, там ещё цветок такой красивый — бархатный. Надевай скорее — в спальне лежит.

— Ну мам...

— Юль, ты же белое тут же испачкаешь, а в школу в чём пойдёшь? Перед каникулами праздник у вас будет — опять покупать?

— Юленька, слушайся маму, милая, иди скорее одеваться. Белое мы с тобой в школу постираем, отгладим. Я тебе бант завяжу. А сегодня поярче можно, по домашнему.

В дверь позвонили. Юлька кинулась в комнату — одеваться, а бабушка — открывать дверь.

— И причешишься там, а то лохмы во все стороны, — прокричала вдогонку мама, а сама пошла в другую комнату кормить Виталика.

Первой гостьей оказалась тётя Галя, она принесла Юле кружку с большим рыжим котом. Потрепала девочку по голове, мол, расти большая. Следом появилась и тётя Света с коробкой конфет. Идти им было ближе всего — с нижнего этажа и с верхнего. Бабушка пригласила их в комнату, и они заняли свои обычные дальние кресла возле балкона.

Мама переодевала малыша, бабушка продолжала возиться на кухне. Юля не знала, удобно ли уйти из комнаты, ведь гости пришли её поздравить.

— Я на минутку, бабушке помогу, — словно отпросилась она.

Какое-то время постояла на кухне у окна, взяла у бабушки горчицу для холодца и вернулась к тёткам.

— Юль, ну расскажи, как учёба? — серьёзное лицо тёти Светы было обращено к девочке.

— Да нормально всё. Учусь.

— Ну что за выражения — «нормально, ничего». Это как? Ни хорошо, ни плохо — пустота.

Она обернулась за одобрением к тёте Гале.

— Если хорошо учишься, так и рассказать не стыдно. А плохо — так исправляться надо, а не скрывать пустоту за пустыми словами.

Юля смотрела с недоумением. Училась она хорошо, почти на одни пятёрки. Вела себя скромно. А говорят так все сейчас, ничего странного.

Тётя Света с чувством выполненного воспитательного долга уже отвернулась от девочки и сменила тему.

Юлька услышала голос отца и кинулась в коридор. Отец вошёл вместе с тётей Надей и её дочерьми. Те, как обычно, поздоровались, сказали Юле: «Поздравляем!» — и прошмыгнули в комнату. Отец купил Юльке белые хризантемы и сейчас пытался протиснуться к дочке в маленьком коридоре.

— С днём рождения! Будь умницей! Учись! Не болей! Как тебе наш с мамой подарок?

— Какой подарок, пап? — удивилась Юля.

Она ещё с осени просила маму подарить ей куклу-путешественницу. В набор входил яркий чемодан, расчёска, фен и прочие аксессуары. Но главное — в наборе был небольшой глобус, который называл страны и даже некоторые города. Юлька увидела такой у Ритки — одноклассницы и просто влюбилась в этот волшебный шарик. Неужели, неужели он?

— Ну вот же — сразу надела, оно очень тебе идёт! — вернул её в реальность голос папы. — А где последний штрих? Анют?

Из комнаты вышла мама, торжественно открыла бархатную коробочку и приколола на платье большой серебряный цветок: «Поздравляем!»

Они поцеловали дочь с двух сторон в щёки и прошли в комнату. Идущая следом бабушка подтолкнула внучку:

— Пошли уже за стол, Юлюсик, народ собирается.

Юля медленно поплелась сзади.

— А вот и именинница, — тётя Надя, уже пришедшая в себя с дороги, сгребла её в охапку и стала вручать подарки: купальники дочерей, из которых те уже выросли; пенал с цветными карандашами, книжку раскрасок с диснеевскими героями.

Юля кивала и благодарила. «Нужно продержаться только первые пару тостов, — думала она, — дальше разговор плавно перейдёт на другие темы, и можно будет даже выйти в другую комнату — присмотреть за Виталькой». Но у неё ничего не вышло. Приехавшая спустя некоторое время тётя Таня была беременна, и её очень интересовали все вопросы, связанные с детьми, поэтому Витальку плавно переместили за стол, чтобы никого не обременять присмотром за малышом. Юльке пришлось остаться.

Пили за Юлю: за её здоровье, счастье, успехи в учёбе, спокойный характер. Пользуясь случаем, вспоминали смешные истории из её детства: как она во дворе голышом купалась в тазу с соседской девочкой, как описалась на детской площадке, как отрезала себе чёлку под корень. Юля видела, как смеются тёти-Надины дочки — над ней, над этими жуткими историями, над двумя нелепыми цветами на её груди. И взрослые всё продолжали пить и смеяться.

Когда бабушка послала её на кухню принести ещё один прибор — «тётя Лена сейчас подойдёт», Юлька с радостью кинулась вон из комнаты и долго стояла у кухонного окна, высматривая крёстную среди деревьев. От ярлыка на платье чесалась шея, Юля пыталась вывернуть его наружу, но не смогла. Крёстная не пришла. Не смогла. Заболел маленький сын. А Юля стояла и

стояла у окна, уже ушла тётя Света, тётя Галя спела несколько песен, и никто не вспоминал про девочку, пока не пришла пора пить чай и резать торт со свечами.

— Юлѐк, давай, доставай тарелки. Хорошая моя, ещё чуть-чуть посидим, потом посуду помою и семечек с тобой погрызѐм, — шепнула ей бабушка.

Юля задула свечи — без желания, просто так. Она устала от шума: плакал братик, смеялись гости, пела тётя Галя. Хотелось, чтобы праздник закончился, остались Юля и бабушка, можно было уйти в комнату, почитать книжку.

Постепенно всё стихло, гости ушли, мама с папой снова поцеловали её в щѐку, взяли Витальку и, сказав «до завтра», уехали. Бабушка ушла мыть посуду, а когда вернулась в комнату, чтобы самой последней отдать любимой внучке свой подарок — большой говорящий глобус, увидела, как та, сняв своё красное платье, кромсает его большими швейными ножницами.

Деревья

Чтобы залезть на рябину, нужно ухватиться руками за удобный нижний сук, затем подпрыгнуть, зацепиться ногами, подтянуться, вывернуться вправо и, уже оседлав его, переместиться выше, к развилке, где можно спокойно усесться среди трёх толстых сучьев. Вообще-то сидеть там вовсе не интересно. Рябина растёт близко от подъезда, тебя видно каждому выходящему на улицу и с балконов — тоже: «Ишь, залезла! А ещё девочка!»

Куда спокойнее сидеть на одной из яблонь в конце сада, к тому же и сами яблоки вкусные: мельба, коричневка. На дереве погрызёшь, потом ещё рассуёшь по карманам: домой, на шарлотку. Жаль только, что все яблони довольно низкие. Зато раскидистые: можно втроём сидеть.

А с этой рябины здорово прыгать! Поднимешься ещё выше на пару суков, повиснешь как раз на том, что со стороны подъезда — и летишь вниз, на чёрную мягкую землю. Взрослые ругаются, малыши завидуют. Когда идёт дождь, лучше не прыгать. На этом месте под деревом как раз лужа. Да и кто туда в дождь полезет? Ствол мокрый, скользкий, с листьев на голову капает.

В дождь мы в подъезде стоим, буквы на стене ключом выцарапываем. Инна вчера написала «Слава», а я — просто «Д». Это ребята, что приходят во двор по вечерам, играют в карты, поют под гитару. Мы иногда прячемся на яблоне в саду и их дразним, например: «Пашка-замарашка», «Толик-алкоголик». Иногда яблоки в них кидаем. Они особо на нас не обращают внимания,

только если уж совсем достанем. Но совсем доставать страшно, а то Славик вон длинный, подтянется, за ногу схватит и нас самих с яблони достанет. И достанется нам на орехи!

Я вообще больше липу люблю. Она выше яблонь. Ствол у неё прямой, шершавый и много сучьев по бокам. Взлетаешь по ней, как белка, на самую макушку. Видно далеко: парк за детским садом, лес и дальше, на той стороне оврага, — больницу. Жаль только, что липа с другой стороны дома, с его торца, оттуда не подразнишься.

Инна каким-то образом узнала телефон Славки, и мы стали ему звонить. Сначала молчали в трубку, потом стали ему музыку включать — песенку из «Петрова и Васечкина»: «Петров, скажи! Да, несомненно». Фамилия-то у него как раз Петров и была, а если бы была Сидоров, мы бы что-нибудь другое придумали, но точно бы не отстали.

Ещё мы оставляем им на лавочке в саду глупые записки. Про любовь там ни слова, хотя у Инны к Славке, несомненно, любовь. А я даже и не знаю: если мне хочется Димке по макушке яблоком попасть, это любовь? Он ходит мимо, такой высокий, улыбается, ну просто напрашивается на яблоко.

Соседки маме моей пожаловались, что мы к старшим ребятам пристаём, она мне нотацию читала: «Ты же девочка! Веди себя прилично» — ну и так далее...

Прилично — это как? Ходить в пышном платье и белых гольфиках? Мама поначалу гладила мне на прогулку китайские платья с выбитыми на груди квадратами и цветами, но потом поняла, что джинсы практичнее.

В куклы играть? Играли мы тут как-то с девчонка-

ми в семью, дом у нас был в кустах возле забора. Мы с Инной были, Аня с третьего этажа и Ленка из дома напротив. Только мамами были Аня и Лена — у них куклы немецкие, которые плакать и говорить умеют, им из-за границы привезли. А у нас с Инной таких кукол нет, нам пришлось папами быть. Мы сено в бумагу заворачивали и курили.

А ещё мы в ёжиков играли. На поляне под яблонями в траве домики делали для резиновых ёжиков. Связывали аккуратно длинную траву — с ней надо поосторожнее, чтобы не порезать пальцы, — и получался этакий шалаш. Сажали туда ёжиков и придумывали разные истории, как они ходят друг к другу в гости. Это с Маринкой из соседнего подъезда, терпеть её не могу, она-то меня потом и обманула. Я юбилейные рубли собирала, долго, мне родители их всегда отдавали. Собирала я их в голубую коробочку, она уже почти полная была. И тут Маринка говорит: «А давайте купим еды для игры! Давай, Юлька, тащи рубли, я тебе потом отдам». Она же старше меня на четыре года, я и поверила, что отдаст. Принесла рубли, пошли мы в татарский магазин за едой.

Всегда думала: почему же его назвали татарским? Магазин как магазин, посреди города, небольшой, перед ним — палатка с мороженым. Белое — десять копеек, моё любимое фруктовое — пятнадцать, в вафельном стаканчике — двадцать. Брикеты дороже. А эскимо вообще не было, его иногда на жёлтой машине привозили из Москвы, и очередь стояла — хвост в конце площади. А за домом, где татарский, было бомбоубежище. Соседские ребята рассказывали, что залезали туда, но мне кажется, что они врут, потому что страшно. Даже мне страшно, а уж я-то вечером, в темноте, на кладбище ходила на спор!

В общем, накупили мы с Маринкой в татарском хлеба: булок разных, с изюмом и без, с орешками, сахаром и чем-то ещё, оттащили всё это во двор и играли до вечера: еду продавали. А денег она мне так и не вернула, плакали мои юбилейные рубли...

А мама меня за такую ерунду отругала — за записки эти. Теперь придётся в выходные тащиться на дачу, а я так не хочу! Уж лучше вечером идти ночевать к бабушке, посмотреть с ней «Коломбо» и пить чай с вишнёвым вареньем. Зато днём — свобода попугаям! Можно целый день играть во дворе в карты, или пойти к Ленке за настольной игрой, или посмотреть видеоманитофон у Оксаны и ждать — с нетерпением ждать вечера, когда можно будет испробовать вновь придуманные шутки и подвохи против врагов.

Они приходят вечером, где-то после шести. Садятся на лавочку, болтают, курят. Им лет по шестнадцать, некоторые старше. Славик — высокий, крупный, его тёмные волосы вьются и никак не хотят ложиться на место. Инна уже все перила в нашем подъезде изрезала его именем. Ромка — маленький, коренастый блондин. Пашка — рыжий. Димка... Я уже говорила, что он часто мне улыбается, что-то говорит, а я отвечаю резко и убегаю. Иногда он поёт, тогда я тихо сижу на яблоне и слушаю.

Правда, недавно мы с Инной учудили. Идея была в том, чтобы получить сок из дикой войлочной вишни, растущей во дворе. Конечно, мы и до этого ставили подобные опыты, например, отжимали сок из цветов-колокольцев глоксинии, но нам и в голову не приходило его пить. Но это же была вишня! Мы собрали ягоды, положили их в марлю, отжали в кастрюлю и выпили.

Потом нам было плохо, вызывали врача, и было много шума.

Раньше я любила ездить на дачу. Там речка, лес, можно было устраивать пешие походы, переправу, ловить раков, залезать ногами в ледяной родник — да много чего интересного. Там у меня были друзья: Сашка — внук тёти Вали и Даша — дочка учителя.

И тоже есть любимое дерево — черёмуха. Она ещё выше, чем липа во дворе, раскидистая, можно на одной ветке посидеть, потом на другую перелезть, а посередине, где разветвляется ствол, такое удачное сплетение, ну просто кресло. Я брала с собой виноград, яблоки, бананы или другие фрукты, что-нибудь попить и лезла в своё убежище. К тому же летом поспевали ягоды и можно было рвать чёрные сладко-вяжущие точки черёмухи прямо на месте.

Сейчас мне скучно на даче. Я в основном на черёмухе и сижу, когда меня туда тащат. И думаю, чем бы я занималась в городе в это время, что происходит во дворе.

На прошлой неделе все ребята были на городской дискотеке, а я уже поздно, в темноте, вышла позвать собаку. Он появился тихо, выделяясь на фоне тёмного сада белой рубашкой: «Привет». Я вздрогнула и обернулась. Отчего-то гадостей говорить не хотелось.

— Юль, а ты Славика не видела?

— Нет. Они, наверное, все на дискотеке.

— Наверное.

— А ты?

— А я... здесь, с тобой разговариваю.

Он улыбнулся.

Потом мы сидели на лавочке и о чём-то долго ещё болтали, точно не помню, о чём.

А вообще мне очень нравится тополь: он крепкий, высоко-о-окий, голову устанешь задираТЬ. Я бы с удовольствием на него залезла, только у него сучьев внизу нет, а наверху ветки слабые. Я по вечерам выхожу на балкон, смотрю в темноте на тополь: как листва колыхается, словно шепчется, нахожу звезду рядом с кроной и мечтаю о чём-нибудь...

Тут у нас в соседний магазин игрушек завезли гномиков — на ёлку вешать: в колпачках обычных — синих в полоску, а ещё в серебряных и золотых. Ну вот Инна и говорит: «Пойдём, золотых гномиков купим». Приходим, даём деньги продавщице, а она нам — двух гномиков в синих колпачках. Мы ей ещё денег, она нам снова синих. Мы ещё. Она нам одного серебряного. А как мы одного гномика будем на двоих делить? Да и золотого хотели-то... В общем, отдали мы ей все деньги, что были. В улове было: два золотых, три серебряных и с десяток синих. «Лишнего» серебряного Инна себе забрала, по старшинству, а мне было не жалко, я думала: отчего мы сразу не догадались попросить у продавщицы золотых? Но денег всё равно уже не было...

Гномиков потом растеряли, конечно. Но гномики — это так, какая это мечта?.. Я мечтала, чтобы Димка увидел мой полёт с рябины и бросился меня ловить. А я бы обнимала его за шею и смеялась: глупый, мол, там же невысоко.

Голубцы для Гриши

Она долго стояла возле прилавка, выбирая капусту. Хозяин палатки, мужик лет пятидесяти пяти, в телогрейке, шапке и перчатках, что продают в отделах «всё по двадцать рублей», смотрел на неё мутным взглядом человека, который, выпив с вечера, утром похмелился и ещё не понял — где он и зачем, и поминутно спрашивал: «Ну, этот пойдёт?» Она продолжала переводить взгляд с кочана на кочан, все они были подгнившие, с тёмными пятнами на верхних листьях близ кочерыжки. Тогда мужик, устав от её придирчивости, которая была ему совсем некстати, ободрал с кочана верхние листья и снова спросил: «Теперь пойдёт?» Она молча открыла старомодный кошелёк, где в большом отделении лежали четыре сотенные бумажки, перебрала их тонкими морщинистыми пальцами и отдала одну продавцу. Он протянул сотню двум мужикам в таких же телогрейках, стоявшим чуть поодаль за его спиной, возле машины, и сказал тому, что повыше: «Сань, дай сдачу».

Елизавета Андреевна положила десятки в кошелёк и двинулась дальше вдоль торговых рядов. Это было воскресное утро, а к обеду она ждала сына, поэтому, встав пораньше, отправилась на рынок: хотела сделать голубцы, которые её Гриша так любил в детстве. «Так, ещё нужны лук и сметана, — подумала женщина. — Фарш-то я ещё вчера прокрутила. И рис в доме есть, и томат». Гриша должен был приехать часам к четырём, у неё ещё было время найти лук покрупнее и свежую сметану. Жаль, торговаться она никогда не умела.

* * *

Придя домой, Елизавета Андреевна стала аккуратно разделять капустные листья, ошпарив их кипятком. Затем взялась за лук, хотелось порезать помельче, но старческие руки дрожали, и — раз, полоснула по пальцу. Чтобы кровь не попала в еду, она прополоскала лук в дуршлаге, а потом нашла пластырь и заклеила порез.

Голубцы уже тушились в кастрюле, а она сидела и вспоминала Гришино детство: как они жили всей семьёй в этой квартире, ставшей теперь для неё музеем. Муж умер, и, хотя он всегда жил для себя, ей стало ещё более одиноко в четырёх стенах. Гриша вырос, живёт отдельно, но так и не женился. «Видно, не придётся внуков понянчить, годы-то уже какие. Столько и жить неприлично».

Она вспомнила один случай из детства сына. Тогда он в первый раз в своей недолгой жизни столкнулся со смертью. Грише было четыре, когда умер дед. Мальчик не видел похорон, но память уже подсказывала, что был дедушка, а теперь почему-то его нет. Конечно, стал спрашивать её, и пришлось открыть страшную правду: «Да, малыш, все люди когда-нибудь умирают».

— Почему?

— Сначала растут, потом старятся, болеют и умирают.

— И ты умрёшь? — глазёнки испуганные.

— Да, малыш, но это будет нескоро. Сначала ты вырастешь, а я состарюсь.

А он ей опять:

— И папа умрёт?

— Да, и папа.

Тогда он маму за ноги обнял и говорит:

— Когда вы будете старенькие, я вас кормить буду... с ложечки.

Елизавета Андреевна вздохнула и потянулась к плите проверить огонь.

* * *

Григорий Петрович был мужчиной невысокого роста, с животиком, одышкой и небольшой лысиной. Лет ему было к пятидесяти, работал начальником небольшого отдела небольшой компании. Жил один в бабушкиной однушке в центре города. Выходные проводил в основном на диване или в ближайшем баре за кружкой пива. Окружающим старался показать себя дельным человеком, но ничего дельного в жизни не сделал, даже настоящих друзей не имел. В день описываемых событий он собирался навестить свою мать, у которой порой не бывал месяцами, отговариваясь срочными делами на работе. Пару недель назад у старушки был день рождения, и он планировал поехать к ней на обед, прихватив у метро кулёк тюльпанов. В одиннадцать часов он лениво встал с дивана, чтобы принять душ. Из-за шума воды не услышал звонка телефона. Когда он вышел из ванной, звонок повторился снова. В трубке захлёбывался радостный голос Бориса, старого друга по институту.

— Гришка, живой? Я тебе звоню-звоню, а ты с дивана никак встать не можешь? — он залиvisto рассмеялся. — Вставай живее, а то всё проспичь. Через час за тобой заеду. Кольку помнишь Ковальского? Он сегодня новоселье празднует, мы с тобой приглашены.

Григорию оставалось лишь мычать в трубку: отказов Борис не принимал.

— Я это... к матери собирался поехать. Пообедать. Навестить.

— Ну, в другой раз съездишь, на неделе вечером. Колькина жена подруг назвала — выпьем, повеселимся. Сто лет не виделись же.

— Ну как... она ждёт.

— Позвони, скажи, что дела срочные, что работа появилась.

— Не знаю.

— Ну, решайся. Через час буду.

Григорий дважды нажал кнопку и стал набирать номер матери.

* * *

— Гриша, сынок, ну ты что, выезжаешь? У меня уже голубцы почти готовы. Что? На работу вызвали? А отказаться нельзя? Ну, раз надо... В среду заедешь? — Елизавета Андреевна опустила трубку на колени и ещё некоторое время продолжала сидеть в той же позе: плечи сгорблены, голова опущена. Из оцепенения её вывел звонок. Она посеменила к двери, но на площадке никого не оказалось, кроме большого рыжего кота, которого кто-то по ошибке принял за жильца её квартиры.

— Ну входи, раз пришёл, — Елизавета Андреевна впустила кота внутрь. — Красивый ты какой, пушистый. Домашний, наверное. Ну, погостишь да дом свой искать пойдёшь, да? Кушать-то хочешь?

Кот тёрся о её ногу и тихонько мурлыкал.

За окнами было совсем темно, а Елизавета Андреевна так и сидела на кухне, а рядом сидел кот и среди тушёных капустных листьев искал мясо.

Common giant squirrel, или Немного обо всём

— У них совершенно сумасшедшие белки! — с этой фразы я начала свой рассказ о Шри-Ланке.

Когда мне сказали, что белка здесь — священное животное, я порадовалась за милых рыжих зверьков и тут же спросила:

— А белки у вас такие же, как наши?

— Да, — ответили мне. — Точно такие же.

Каково же было моё удивление, когда, приехав в Сигирию и одолев уже несколько каменных лестничных лент, я увидела на дереве над собой странных серобелых животных размером с большого кота, с мордой крысы и длинным-длинным хвостом, свисающим с ветки вниз.

— А вот и наши белки, — сообщил гид.

Мне они жутко не понравились. Но уделить им много внимания не пришлось, поскольку впереди было двести метров высоты, на которую нужно было подняться, чтобы увидеть останки дворца короля Кашипы. Я боюсь высоты, и путешествие по узким стёртым каменным ступеням без перил, далее — по винтовой металлической спирали и ещё дальше — ввысь было для меня порядочным испытанием. С одной стороны, забавно наблюдать, словно откуда-то изнутри или сверху, как слабеют ноги от колена и ниже, как руки сжимают круглый металл перил, а потом отпускают его и ещё долго дрожат, но, с другой стороны, руки могут подвести и отпустить поручень, а нога — соскользнуть со ступени, и тогда, как говорится, костей не соберёшь. Но мне очень

хотелось увидеть фрески. Они внутри зеркальной горы, в галерее. Те, что были внизу, монахи уничтожили, чтобы изображения обнажённых женщин не мешали им медитировать. Наверху фрески сохранились. Считается, что на них изображены наложницы короля Кашипы и что девушки эти из разных стран. Вход в королевский дворец охраняют львиные лапы — всё, что осталось от огромного животного, которое пугало всяк сюда входящих, отбивало желание иметь злой умысел. Кое-как спускаюсь обратно, даже легче. Местные жители предлагают сувениры: абсолютно ненужные в московской квартире статуэтки и шкатулки. Удираем от погони — торговцев платками и тарелками. Белый человек здесь вовсе не человек, а кошелёк, возможность наживы. С одной стороны, это обидно, с другой — то здесь, то там вырвется у белых ёмкое слово, обозначающее цвет кожи местного населения.

Мы должны заехать в Канди в Храм зуба Будды. Нуван — наш гид — вдохновенно рассказывает о жизни Учителя. Видно, что вера его истинна. Он не пьёт, не курит, медитирует. Хотя неясно, что Будде от выпитого им бокала вина или рюмки арака — местной пальмовой водки. Суть длинной вдохновенной речи Нувана сводится к русской пословице: «Что посеешь, то и пожнёшь». Так вот, когда Будда умер и его сожгли, согласно обычаю, а точнее, он сам запалил костёр, его останки хотели разворовать неверующие. Но его отец спрятал зуб и передал его ученикам Будды, которые смогли сохранить реликвию. Сейчас зуб Будды хранится в Канди, и открывают его раз в пять лет по праздникам. В этой истории неясно только одно: неужели у Будды был всего один зуб?

Мы вместе со всеми несём лотосы к столу: дань ува-

жения традиции. Говорят, нельзя вдыхать их аромат. Не знала, не удержалась: очень красивые цветы. На выходе ищем свою обувь: в буддийский храм входят босиком.

Вечером выходим на террасу. Сажусь в кресло, поднимаю голову: на потолке две ящерицы. Рядом бегают бундуки, под пальмой прячется черепаха. Сейчас в темноте вылезут маленькие крабики. Мимо проходит пожилой сенегалец в юбке.

— Интересно, носят ли они под этой юбкой трусы? — задаёт вопрос Кира.

Я не отвечаю. Ром сделал своё дело, и мысли мои далеко. Я заметила, что в последнее время я словно отключаюсь и не слышу, что мне говорят другие люди. Словно немое кино. Подруга, обернувшись ко мне, эмоционально жестикулирует, а я, в лучшем случае, слышу лишь последнюю фразу.

— Что перец? — выхожу я из тумана.

— Говорю, что нужно купить ещё красного перца и сходить на массаж.

Да, массаж — идея хорошая. Лежишь на кушетке, постепенно мышцы твои расслабляются под воздействием душистого масла и чутких рук местных красавиц. На голову льётся тёплая манна. Потом тебя кладут в деревянный «гробик» типа комода из «ИКЕА», только с крышкой. Называется «широдара». Кира говорит, что ненавидит запах этого масла, что оно теперь мерещится ей везде: пахнет одежда, руки, волосы и резинка для волос. Я, смеясь, называла эту процедуру и качапури, и харакири, пока не запомнила название. Штука славная. Я совершенно не умею расслабляться: ни массаж, ни мануальная терапия не срабатывает. Мой врач обычно говорит: «Конечно, можно не доверять миру, но не до такой степени!» И вот, перейдя через дорогу, я лежу под

крутящимся вентилятором, по мне водят горячими мешочками с кориандром, а мышцы доверчиво отзываются. А после обильного полития маслом они совсем сдаются сенегальской девушке с длинной косой и очаровательной снежной улыбкой. Тагальские женщины не так красивы, у них более острые черты лица. Апофеоз процедуры — литьё горячего масла на лоб и глаза (лить на глаза мы отказались!) — открытие третьего глаза. Не знаю, случится ли сие, но для волос очень полезно. Мыться рекомендуют через три часа. Мы пьём аюрведический чай и выходим на улицу. Там ливень. Тёплый цейлонский ливень. Мы идём под дождём, мимо проезжают местные маленькие такси «тук-туки», напоминающие наши скутеры, крытые сзади, но мы идём пешком, напевая: «А мы гуляем, мы такие, ага... А мы хорошие, не злые, ага... когда проснёмся, будет вечер, будут вы-ход-ны-е...»

Выходные наши длятся восьмой день, но мне кажется, что мы живём здесь давно. Видели за неделю столько, сколько не увидишь в Москве и за год. А главное: время чувствуешь иначе. Наш гид Нуван, сенегалец и буддист, говорит, что нужно медитировать так: «Я спокоен. Я свободен. Я счастлив. Желаю, чтобы мои близкие были спокойны. Желаю, чтобы мои близкие были свободны. Желаю, чтобы мои близкие были счастливы. Желаю, чтобы мои друзья были спокойны. Желаю, чтобы мои друзья были свободны. Желаю, чтобы мои друзья были счастливы. Желаю, чтобы все люди были спокойны. Желаю, чтобы все люди были свободны. Желаю, чтобы все люди были счастливы».

Мне нравится буддизм. Сразу вспоминается песня Высоцкого: «Хорошую религию придумали индусы...»

— А вы в кого хотите реинкарнироваться? — задаю вопрос gidу.

— Я не хочу, — он начинает обстоятельно объяснять, что не боится смерти, но не хочет возвращаться на землю для новых страданий.

Думаю, не опасно ли садиться с ним в машину. Движение здесь левостороннее — наследство от англичан. Постоянное чувство, что едешь по встречке лоб в лоб. Ещё остались здания времён английских колоний. От португальцев — форт. Правда, самый старый разрушен. Часто после старого вырастает новое — больше и красивее или просто уродливое. А иногда остаётся пустота. Хемингуэй говорил, что пустоту после плохого заполнить просто, а вот пустоту после хорошего — сложнее. То, что было создано древними людьми в связи с некими космическими силами, восстановлению не подлежит, даже если приложить все суперновые технологии. 5D эффекты и так далее — всё это лишь детские игрушки по сравнению с египетскими пирамидами, храмами Ангкор-Ватта или садами Сигирии. Нет, меня вовсе не посещают романтические грёзы об инопланетянах. Я в них не верю. Я верю в силу и мудрость древних людей и поражаюсь мелочности нынешних. Поверхностности и примитивности мышления. Тому, что деньги подчинили себе всё, любые ценности: любовь, дружбу, человечность.

Мы плывём на лодке. Нас нагоняет местный житель на странной конструкции, которую они называют катамараном. К узкой вроде бы лодке параллельно крепится что-то вроде бревна. Перпендикулярно идут ещё две деревяшки. В руках у человека маленький крокодил, которого он пытается водрузить мне на голову. Я сопротивляюсь. Не потому, что боюсь крокодильчика, — просто неприятно прикосновение к голове. Бедняге всего два месяца, думаю, он так и не будет свободно плавать в реке, хотя, быть может, он выдержит миллион фото с

туристами, хватанье за спину, зубы и хвост; подрастёт — покажет эти самые зубы, и его, наконец, отпустят на волю, заменив более мелким сородичем.

На берегу стоит памятник — память о цунами. Словно четыре волны неравной высоты, изгибающиеся в разные стороны. Нуван говорит, что тогда, в 2004 году, погибло сорок пять тысяч человек.

Мы уже в отеле, я сижу на веранде, смотрю на море.

— А если во время цунами закрыться в туалете, не сразу смоеет? — спрашивает Кира.

Я оставляю вопрос без ответа.

— Можно на пальму залезть, — говорю чуть позже, окидывая взглядом голый ствол метров двадцать пять высотой слева от меня, — ты можешь начать тренироваться.

— Если будет цунами, — снова поднимает малопривлекательную тему подруга, то родители даже не получают страховку, потому что стихийные бедствия нужно было оплачивать дополнительно.

— Да, — соглашаюсь я, — нужно было доплатить приблизительно полторы тысячи, я тоже пожалела.

— Зато, — Кира достаёт из пакета бумажные повязки — респираторы, — если будет цунами и мы случайно выживем, то вокруг на жаре будут гнить и вонять трупы, а мы наденем повязки и не будем ощущать вони.

Её предприимчивость на пару минут лишает меня дара речи. Всё это напоминает мне роман Кормака Маккарти, прочитанный недавно. Там отец и сын после катастрофы идут через континент. Еды нет, животных и птиц нет, кругом только пепел и иногда встречаются люди, переставшие быть людьми. Роман о выживании и смысле жизни. Наш гид-буддист в один из дней спросил у Киры, какая у неё цель в жизни. Она не смогла сразу

ответить, разозлилась, но ему ничего не сказала, унесла свою злость в номер и спустила собак на меня:

— А какая она должна быть, эта цель? Я, может быть, хочу семью и детей, но такого человека, с кем бы я могла её создать, нет. Вот ты сидишь и пишешь, какая у тебя цель? Нобелевскую премию получить?

Я вижу, как у неё из ноздрей и ушей вырывается пламя. У меня сжало желудок, как бывает, когда понервничаешь, то есть я невольно подключилась к агрессии. Неприятно.

Я пытаюсь объяснить, что семья — не самоцель, а лишь возможность смотреть вдвоём на какие-то вещи, помогать друг другу, радовать. А творчество — это образ жизни, когда по-другому не можешь. И дело вовсе не в премиях, а в том, что, уезжая в отпуск, обязательно кладёшь в сумку чистые листы бумаги и несколько ручек, забывая порой нижнее бельё. Это болезнь такая, к счастью, не заразная.

Настроение падает, и водопад за окном уже не приносит такого восторга, как днём. Читаем молча, говорить не о чем. Стемнело. В полудрёме слышу, как стакан на балконе передвигается по столу, как при землетрясении: звяк, звяк... и об пол. Отдёргиваю занавеску: на балконе резвятся десять обезьян, от мала до велика. Отдаю им остатки кокоса, больше у нас ничего нет. Стараюсь не думать о вчерашней ссоре, о словах гида. Я привыкла жить здесь и сейчас, не сверяясь с гаданиями на десять лет вперёд. Допустим, человеку нагадают свадьбу, новую работу, детей, переезд, болезнь, что-то ещё. И он будет думать об этом, ждать, тогда как нужно уметь ценить то, что имеешь, и стремиться к лучшему. Своим путём. Но какой он — свой? Полагаю, что свой путь даёт человеку радость и гармонию, даже если на нём случаются

кусты терновника или обвалы камней. Когда человек с горящими глазами рассказывает о своей работе, о любимом человеке, о детях, пытаясь поделиться радостью, я искренне радуюсь, потому что всё меньше вижу людей увлечённых. Как говорят в классе моего сына: «Кто не знает, что такое Minecraft, тот лох!» Я — этот лох, который никак не хочет признать повальную компьютеризацию, новые технологии, электронные книги и письма, которые не нужно бережно запечатывать в конверт. Я боюсь новостей и не смотрю их, придерживаясь принципа: плохие новости приходят сами.

Мне отчаянно хочется домой, в Москву. Я не люблю её за суету и высасывание энергии, но именно там сейчас самые дорогие для меня люди. Почему никак не придумают машину времени? Чтобы вместо десяти часов в самолёте шагнуть из номера отеля через зеркало в свою спальню или пусть даже ванную. Ладно, не распускаться, осталось два дня. Странное всё-таки существо человек. Когда дома — манят дальние края, как уедет — тоскует. Иногда хочется рвануть на Сахалин, или в Ханты-Мансийск, или во Владивосток — не всё ж по границам шастать, своё ближе и роднее — и сидеть где-нибудь на берегу Оби, Лены, Байкала, Японского моря и думать-думать.

Огород для Матрёны

Семья Ляпкиных заканчивала воскресный завтрак. Старшая дочь Елена четырнадцати лет быстро проглотила хлопья с молоком и унеслась в комнату за компьютер. Средняя — Дарья семи лет — ещё медленно ковыряла в тарелке, словно ожидая, что количество склизких жёлтых комочков в ней уменьшится и доедать не придётся. Младший — трёхлетний Павлуша — сполз под стол за ложкой, которую нечаянно уронил. До этого он уронил туда же салфетку, пластиковую подставку для яйца и гоночную машинку, которую принёс на завтрак.

Мать семейства Матрёна Семёновна уже прибирала со стола и подгоняла детей.

Она убрала в холодильник масло, молоко и сыр, вынула хлеб из плетёной корзинки и, сложив в пакет, положила в ящик, где он обычно хранился. Это была некрасивая женщина тридцати восьми лет с крупными тяжёлыми чертами лица и такой же тяжёлой походкой. Вследствие детской травмы у неё произошло искривление ступни, она загребала левой ногой внутрь, и казалось, что прихрамывает. Когда-то она занималась танцами, но после этого случая пришлось бросить и сосредоточиться на пианино, которое она со временем возненавидела. Матрёна Семёновна избегала слушать музыку, поэтому её дети были избавлены от этюдов и гамм.

Муж её, Матвей Игнатьевич, был человек простой, не отягощённый культурным багажом. Из музыки предпо-

читал блатные песни. Из живописцев знал мишек Шишкина, поскольку, когда был маленьким, как все дети, любил конфеты; ещё знал «Чёрный квадрат» Малевича и «Мону Лизу». Последнюю он видел на привозной выставке, куда ходило полгорода, и он тоже — за компанию. В еде и в быту он был человеком непритязательным. «Главное, чтобы сытно, а все эти шпунтели наверху ни к чему», — обычно говаривал он.

Речь шла об украшениях, начертанных на страницах любимых Матрёной Семёновной кулинарных книг. Было время, когда Матрёна старалась резать фигурно овощи, выкладывать салат слоями, украшать пирожные кремом из мешочка, но всё это обычно тут же смешивалось, переворачивалось, мялось. Она перестала удивлять семью кулинарными изысками и лишь в свободное время смотрела картинки да удивлялась фантазии заморских поваров.

Доход семьи Ляпкиных состоял в основном из заработков главы семьи — мелкого бизнесмена, имевшего пару палаток, и сама Матрёна Семёновна шитьём подрабатывала: кому занавески подшить, кому брюки, кому платье целиком изготовить. Трёх детей содержать — не шутка! Девчонкам то колготки подавай, то заколки, на Павлуше вещи просто горят. Вот и сейчас вылез из-под стола в пятнах от молока, в каком-то мусоре.

— Павлик, пошли в ванную, — скомандовала Матрёна Семёновна, — буду тебя умывать-переодевать.

Сказать по правде, третьего ребёнка Матрёна не хотела, ей достаточно было двух подросших дочерей, да и здоровьем похвастаться она не могла. Но муж хотел сына, и она уступила его уговорам. Павлушу она очень полюбила как последыша, беззащитного, ласкового... И как было не любить этого глазастого озорного малыша!

Звонок раздался, когда Матрёна Семёновна помыла сына и отправила в комнату — играть с сестрой. Она подошла к телефону и взяла трубку.

— Матрёна Семёновна? — прозвучал голос душеприказчика её матери, умершей год назад.

— Да, это я.

— Узнали меня? Это Игорь Леонидович Капуков, друг вашей матушки.

— Я узнала вас.

— Я звоню сказать, что всплыло у меня здесь одно дельце. Матушка ваша была женщиной деятельной и старалась выгодно деньги вложить. Вот тут и выяснилось, что купила она участок земли неподалёку от города. А мы с вами ни сном ни духом. И я подозреваю, что может он неплохую выгоду вам принести, Матрёна Семёновна.

— Как же? — восторженно воскликнула женщина. — Ведь после смерти вроде бы все документы были просмотрены, и, кроме квартиры её, больше имущества никакого не было.

— Вроде так и было, но всплыли новые обстоятельства, нашлись документы. Думаю, если этот участок продать, около миллиона рублей можно выручить, а то и полтора.

Матрёна Семёновна, не ответив, присела на банкетку. Она обдумывала услышанное. Миллион? Целый миллион? Ей не придётся больше покупать крупу на складе в другом конце города, чтобы было подешевле, не придётся бросать Павлушу одного, пока занимается шитьём, можно нанять няню со знанием языка.

— Алло? Матрёна Семёновна, вы меня слышите?

— Да, кажется, да.

Женщина была бледна, руки её дрожали.

— Матрёна Семёновна, Вам нужно поехать туда со мной, посмотреть место, оформить документы, вы же наследница.

— Да, да, конечно.

В голове Матрёны кружили мысли, одна нелепее другой. Как они продают участок, едут в Париж, дети катаются на каруселях в Диснейленде, а они с мужем гуляют по Елисейским полям... Стоп! А при чём здесь Матвей? Он же ничего не понимает в искусстве, зачем тащить этого чурбана в Лувр? И дети, их трое, это тяжело, шумно. Вдруг потеряются? А если на каруселях случится что? По телевизору всё несчастные случаи показывают. Нет, она поедет одна. Или, наконец, она наберётся смелости и предложит сопровождать её Сергею Аркадьевичу — Сергею, как она всегда его называла про себя...

Игорь Леонидович хотел что-то добавить, потом понял, что собеседница уже не слушает его, пообещал захватить за ней завтра и попрощался.

— С кем это ты трепалась? — спросил Матвей Игнатьевич, выходя в коридор.

— А? — понемногу возвращалась из своих мечтаний Матрёна. — С Игорем Леонидовичем. Говорит, у мамы какая-то земля была. Что посмотреть надо, вроде продать можно выгодно.

— Продать? Это было бы дело. Может, машину наконец-то куплю. А то как отдал ту, битую, за копейки, так и ползаю по городу на частниках. И могли бы, наконец, к Вальке съездить, сколько он уже нас зовёт.

— Это он тебя зовёт: в баню сходить, пива попить с рыбкой.

— Ну! Валька такую рыбу коптит и вялит, пальчики оближешь!

— А мы-то ему на что? У него двое ребят, девчонкам в вашей бане не место.

— Я могу и без вас съездить. Поездом туда сколько? Сутки, больше? На недельку...

Матвей развернулся и пошёл в комнату. В мыслях он уже сидел со своим однокашником Валькой в его доме на Урале, пил пиво и чистил таранку.

Матрёна Семёновна заглянула к детям. Ленка так и сидела, уставившись в экран. Мать знала, что дочери нравится Пашка из дома напротив. «Пусть себе пишет, — думала мать, — что от этой переписки, всё не обжигаться по подъездам!» В соседней комнате Дашка пыталась отогнать Павлика от своих кукол.

— Мам, скажи ему, пусть он Юльку не трогает и Ксюшу тоже! Пусть играет в свои машинки или в конструктор.

— Юка — моя дочка, она касивая, — отвечал малыш.

Мать вышла из комнаты, продолжая размышлять о земле и о возможностях, которые можно из неё извлечь. Снова подумала о Сергее. Она осознала, что уже немолода, да ещё нога... Но с деньгами он, возможно, согласился бы поехать с ней в Париж.

Самое время сказать о Сергее Аркадьевиче Снулове — человеку образованном, интеллигентном, который имел часовую мастерскую.

Их знакомство с Матрёной произошло полтора года назад, когда Матвей Игнатьевич задумал починить старинные бабушкины часы с кукушкой. Все отказывали ему, не хотели связываться со старьём, а Снулов взялся. Да не только починил механизм, но и рекомендовал специалиста, который отреставрировал дерево, подчистил резьбу, заново покрыл лаком. Тогда-то Матвей пригласил Сергея Аркадьевича на обед и торжественно

водрузил часы на стену. Матрёна в то время ещё пыталась удивить домашних кулинарными изысками, и гость оценил по заслугам её форшмак с ореховым соусом, запеканку с телятиной и нежный «Наполеон».

— Необычайно вкусно, — отмечал он, угощаясь добавочной порцией запеканки.

— Невероятно, восхитительно! — говорил, слизывая крем с десертной ложки.

Хозяйка разругалась от похвал и старалась подложить гостю «ещё немножко» и первого, и второго, и третьего. На прощанье он поблагодарил её за обед, отметил, что рад знакомству и поцеловал руку. От неожиданности Матрёна как-то дёрнулась и засмеялась. С тех пор Матрёна называла Снулова про себя Сергеем и вспоминала о нём чаще, чем должна была вспоминать о случайном знакомом. Она не пыталась встретиться с ним. Хромая мать троих детей, она понимала, что уже немолода, что всё это — глупости, игры воображения. Но теперь какая-то безумная призрачная надежда мелькнула вместе с упоминанием денег, и ей подумалось, как было бы здорово, если бы Снулов согласился сопроводить её в Париж. Они бы катались на кораблике по Сене, он бы держал её за руку, а она прикрывалась кружевным зонтиком. В мечты Матрёны ворвался резкий звук, это кричал Павлуша.

— Даша, что у вас случилось?

— Забери его отсюда, забери! Он Ксюше платье порвал, — кричала девочка.

Матрёна обняла сына. Он потирал ладонькой затылок и с обидой смотрел на Дашку:

— Она меня такнула, я убийся.

— Даша, я уже говорила тебе, что он маленький, а ты

старше и должна рассчитывать свои силы. Это стыдно, что ты малыша бьёшь.

Дашка что-то ворчала себе под нос, собирая кукольные одёжки.

— Даша, в другой раз я тебя накажу.

Остаток дня прошёл в обычных занятиях. Мать играла с младшим, периодически отвлекаясь на домашние заботы. Лена, оторвавшись от монитора, отпросилась гулять. Дашка села за уроки, школа ещё не успела отбить у неё охоту учиться. Отец лежал на диване и смотрел боевик, из его комнаты постоянно раздавалась стрельба. Спать легли довольно рано, каждый думал о завтрашнем дне: Лена — о предстоящей встрече с Пашкой, Даша — о контрольной по математике, Матвеем Игнатьевичем снилась новая машина, Матрёне Семёновне — Снулов на теплоходе и кружевной зонтик, Павлику — кукла Юля.

Понедельник тоже начался как обычно: Матвей Игнатьевич уехал на работу, девочки пошли в школу. Матрёна Семёновна собрала младшего и повела в садик. В десять часов должен был подъехать Игорь Леонидович. Матрёна вернулась домой, налила себе чаю.

Чем ближе был приход душеприказчика, тем сильнее она волновалась. Когда он позвонил в дверь, Матрёна, рванувшись открывать, зацепилась ногой за стул.

Когда уже сидела в машине, продолжала смотреть на свои руки, которые никак не хотели согреваться.

— Сейчас сорок километров по прямой, — сообщал Игорь Леонидович, потом повернём, и дальше там, за церковь, второй поворот. Вроде так мне сказали. Я, с вашего позволения, оценщика пригласил, он прямо на место должен подъехать, чтобы, так сказать, просчитать вашу выгоду, ну и мой процент...

— Да, да, конечно, — подняла голову Матрёна Семёновна. — Вы столько для нас делаете. Мы так бы и не узнали про участок, а Вы вот проведали, обо всём позаботились.

— Ну как же не позаботиться, Матрёна Семёновна. Ваша матушка была моим другом, вы знаете, что я всегда...

— Я знаю, — поспешно ответила женщина, она снова пребывала в своих мечтах о Париже и не желала продолжать разговор о матери.

Дальше ехали молча. Игорь Леонидович включил радио, но, не прослушав и трёх песен, снова выключил. Повернули у церкви, дальше ехали вдоль деревни и вдоль поля несколько километров. Показалась небольшая посадка, возле близлежащих деревьев стоял синий пикап и прогуливался человек. Игорь Леонидович оставил машину и пошёл ему навстречу:

— Здравствуйте! Вы, вероятно, Василий Палыч. Это с вами мы договаривались о встрече?

— Да, это я. Здравствуйте.

— Это вот Матрёна Семёновна — наследница, — представил он Матрёну.

Она кивнула: «Здравствуйте!»

— Что ж, пойдёмте осматривать владения. В документах участок указан как крайний с той стороны, — Игорь Леонидович указал рукой вдаль.

— Неважное расположение, — отозвался Василий.

— Отчего же? Меня заверили, что можно неплохой доход из него извлечь.

— Да вряд ли. Болото там. Ничего не построишь, да и вряд ли кто купит, хотя и к городу близко.

— Как болото? — Матрёна Семеновна вскинула на него глаза. В этот момент её кружевной зонтик скользнул из рук и упал в Сену.

Подарок

Классе в пятом-шестом вместо обычной школьной похвальной грамоты нам, троим или четверым отличникам класса, дали по десять рублей. Нас вызвали в кабинет директора — Валентины Фёдоровны Самгиной, который располагался на первом этаже возле раздевалки начальной школы, — и вручили деньги. Я сейчас не помню, были ли это цветные бумажки или монеты, но я впервые заработала что-то сама, своим умом и трудом, и была невероятно горда. А когда в руках капитал, сразу возникает вопрос: как его потратить. Мне кажется, что дело было в январе, после второй четверти, потому что у моей бабушки в январе был день рождения — восемнадцатого числа, перед Крещением. И я решила сделать ей подарок. Я пошла в магазин — в Торговый центр, как тогда называли этот единственный в городе полупустой универмаг, имеющий отделы вроде: «Галантерея» — с цветными лентами и крючками в витрине, «Посуда» — с парой уродливых ваз на полке, с толстой нарумяненной тётенькой в отдельной будочке-кассе. Я даже не помню, в каком именно отделе я купила это чудо.

Это был попугай. Да, малиновый попугай с синими крыльями и оранжевым хохолком типа какаду, только размером с пятилитровую банку. Похоже, что из гипса. Он смотрел на меня своими чёрными глазами и по логике вещей должен был громко прокричать: «Зач-чем???» И вот это я и преподнесла бабушке в день рождения. Она была в восторге. А как иначе?! Бабушка

меня очень любила. Летом, когда были каникулы, мы с ней ходили вместе на садовый участок, расположенный за оврагом. Сначала нужно было идти по Центральной улице до парка, затем — через мост в лес, а потом уже — через овраг к огородам. В то время она сильно переживала, что сломала шейку бедра и уже не может свободно передвигаться, только с костылём или палкой. Но на дворе была зима, и мы все утешали её, что к лету она подлечится и будет бегать.

В общем, подарок мой сорвал буйные овации и водруился на шкафу в комнате возле кухни, где стояло пианино и швейная машинка.

Шло время, но, когда бы я ни приехала к бабушке, место попугая на шкафу было неизменным.

В тот год, когда бабушка упала ещё раз и стало понятно, что она уже окончательно потеряла возможность держаться на своих ногах, случилась история, которая и сподвигла меня вспомнить малинового попугая.

Кеша появился в нашем доме в мае. Это был большой красно-сине-жёлтый попугай розелла. Жил он в большой клетке на подоконнике, еду доставал из плоски лапой — благородный, разглядывал и только потом ел. Когда вылетал из клетки, поесть заходил, всегда оглядываясь: если кто-то приближался, чтобы закрыть его там, тут же вылетал, не давая засадить себя за решётку. Кеша летал по квартире, и любимым местом его приземления была плетёная корзина для грибов, стоявшая на шкафу. Как мы обнаружили после, он разобрал ручку этой корзины на отдельные прутья. Вероятно, собирался строить гнездо: что-то вроде генетической памяти. Прошёл год, который принёс много перемен в нашу жизнь. Теперь я жила одна. Лежала бабушка. У неё, пережившей тиф и войну, были здоровы все орга-

ны, сердце работало как часы, только вот подвели ноги, которые никак не держали даже её легкое, усохшее тело. Умирала она, в общем-то, от старости, а не от болезни, на красной софе в той самой комнате.

Наступило новое лето с новыми надеждами, планами и чаяньями. Кеша жил со мной, всё также летал по комнате и клевал обои. В середине июня я уехала в Суздаль. Меня не было два дня, в дороге я очень устала и, вернувшись домой, закрыла дверь в комнату, задёрнула занавески, выключила телефон и легла спать. Встала поздно. Открыла дверь в коридор. Там по полу гулял Кеша. Он иногда так смешно вышагивал, когда ему никто не мешал. Вот и сейчас он не ожидал увидеть меня, испугался, рванулся, полетел и врезался в шкаф, в зеркальную часть. Всё произошло мгновенно. Я сидела на полу и держала его тельце, на котором безжизненно болталась голова. Он сломал шею. Моя вина была велика и глупа, и ничего нельзя было уже не сделать. Я положила Кешу в коробку из-под обуви и закопала во дворе.

Через месяц умерла бабушка. Когда-то в детстве я сказала ей что-то обидное. За годами уже и не вспомнить, что именно. Она тогда ответила, что никогда не простит меня и даже когда будет умирать — будет помнить. Надеюсь, что она меня простила. Думаю, она о многом передумала на своей софе, пока со шкафа на неё смотрел малиновый попугай.

Удивительно, что многие вещи с годами портятся, бьются, теряют части, даже бесследно исчезают из квартиры, но мой подарок и спустя три десятилетия цел. Только в двухтысячных он смотрится ещё более дико, чем в начале девяностых. Абсурдная, бесполезная вещь...

Гера

«Ещё до того, как родилась Алина, мы с Герой занялись отделкой дачи. Точнее сказать — полным её переустройством. Старый домик пришлось сломать. Разумеется, было жалко, особенно Гере. Ведь этот летний домик строил его отец и Гера в детстве проводил там целое лето. Он не раз рассказывал мне о своих детских играх с приятелями. Например, он, его друг Серёжка и соседская девочка Катя играли в птиц. Катя была большой птицей, а ребята — её птенцами, только что вылупившимися, неопытными. Катя-птица учила их жизни, отпускала в первый полёт. Или ещё: возле соседнего участка была натянута сетка вместо забора, а возле неё сложен кирпич — так ребята сделали в этом зазоре дом, куда все дружно забивались и играли. А на самом участке у Геры были любимые деревья: берёза, она тогда была ещё маленькая; старая яблоня с большой розеткой из веток, где мальчик мог надежно укрыться и слышать всё, что происходит вокруг. Жаль только, яблоки на ней были очень мелкие. Но главное — черёмуха. Мой спокойный Гера говорил, что в детстве он был похож на обезьянку, когда залезал на любимую черемуху и прыгал с ветки на ветку, зажав в зубах гроздь винограда или иную детскую добычу.

Гера рассказывал, а я слушала. Я люблю, когда он говорит. Его мягкий спокойный голос окутывает тёплым коконом, хочется замереть и лишь чувствовать это тепло. Я ещё до беременности чувствовала, что у нас родится девочка. Я очень хотела, чтобы у меня был ребёнок от Геры, мечтала, чтобы у нашего будущего малыша было такое

же весёлое детство на природе. И вот мы снесли старый развалившийся домик и построили новый, как я мечтала: небольшой двухэтажный дом, деревянный, светлый, с маленьким балкончиком, глядящим на лес вдаль. Гере проект тоже понравился с первого взгляда. К рождению Алины работы были закончены. На первом этаже была веранда, где стояли плетёные кресла, в которых так уютно вечерами пить чай или просто сидеть, завернувшись в шаль. Гера не раз спрашивал:

— Что ты? Почему ты так пристально смотришь?

Я недоумённо пожимала плечами. А сама не могла наглядеться, ещё не веря, что он вот сейчас здесь, со мной, пьёт чай или укрывает мои плечи. Мужчин нельзя обожать. Они начинают считать нас недалёкими: «Раз смотрит так влюблённо — никуда от меня не денется». Но я верила, что Гера любит меня так же сильно.

На первом этаже мы сделали кухню-столовую, провели газ, и жизнь стала вкусной и комфортной. Ещё на первом этаже была сделана кладовка для запасов и гостевая, а на втором — спальни: наша и маленькой Алины. Имя выбирал папа. Сказал, что оно светлое. Выписавшись из роддома, мы пару недель пожили дома, вписываясь в режим, но весна выдалась тёплой, мы собрали вещи и поехали в наш новый дом. Такая благодать: не сравнить ни с какой квартирой. Я сидела на веранде и качала Алину, а Гера приносил мне чай или Алине соску или просто сидел с нами. Отсутствие слов выливалось для меня в какую-то особую близость. Это словно осязание без прикосновений, музыка без пения.

Позади дома Гера соорудил себе подсобку для хранения инструментов и различных хозяйственных мелочей. На входе мы оставили место под площадку для машин и навеса для уличных посиделок. Рабочие должны были

всё это уже закончить, но, как это обычно бывает, начались проволочки. Мы не расстраивались и не скандалили. Ведь дом готов: есть крыша, есть свет, газ и вода, есть мы и наша кроха — чего ещё желать? Загнав машину прямо на траву, мы наслаждались весенним солнцем и улыбками дочки.

Мои родители, с первого взгляда невзлюбившие моего первого мужа, с первого же взгляда были очарованы Герой. Приветливое выражение лица и светлые глаза располагают к нему людей. На работе он бывает серьёзен и сосредоточен, и, когда мы только начали встречаться, меня часто поражала перемена, происходившая с ним, когда он заканчивал дела и общался со мной. Строгий и официальный прежде, он становился оживлён, шутил, смеялся. Я уже тогда была влюблена в его голос, манеру говорить, думала: «Если этот человек сейчас что-нибудь попросит, я просто пойду туда, куда он скажет».

Познакомились мы случайно. У меня заболела собака. Альме было уже одиннадцать лет, а крупные собаки, к каковому относится лабрадор, живут не больше четырнадцати. Я взяла её совсем маленьким щенком, который, идя по коридору, заплетался в собственных лапах. Она как-то вдруг загрустила и тихонько поскуливала, потом перестала есть. Я думала, что это может быть как-то связано с погодой или её собачьим настроением, но потом собака стала угасать на глазах. Мне нужна была консультация специалиста. Тот ветеринар, что смотрел её раньше и делал прививки, остался по старому адресу, до него было несколько часов езды.

Я открыла интернет и стала искать ветклинику поближе. Не знаю, почему из нескольких страниц Яндекса моя рука выбрала клинику Геры. Наверное, это было то, что

называют судьбой. Он не смог спасти Альму, но очень поддержал меня. Я говорила, что не дам усыпить собаку, он не настаивал. Хоронили Альму мы вместе. Потом я напилась впервые в жизни буквально с двух рюмок водки. Он отвёз меня домой, уложил на диван, а сам уехал. Потом позвонил, потом стал звонить дважды в день, трижды. Я поняла, что, когда мы что-то или кого-то теряем, нам обязательно что-то даётся взамен, порой даже большее. Так я обрела Геру.

Я никогда не думала, что способна на такой порыв. Ведь до этого у меня уже были романы, даже был брак. Во всех этих отношениях события катились по наклонной: симпатия — влюблённость — постель — совместный быт. Здесь же всё было иначе. Я чувствовала необходимость его присутствия постоянно, мне было физически плохо вдали от него. Говорят, что для женщины показатель отношения к мужчине — желание иметь от него ребёнка. Если это о чём-то говорит, то у меня и сомнений не было — рожать или нет, мы оба очень ждали Алину».

Ирина отложила тетрадь, взяла со стола телефон, долго листала записную книжку, потом ещё дольше смотрела на найденный номер, словно ощупывая взглядом каждую цифру, которую знала наизусть, но никогда не звонила. Потом взгляд её переметнулся за окно, в даль над лесом.

* * *

— Папа, мама, пойдёмте же, нас уже давно ждут, — светловолосая девушка возникла в дверях комнаты. — Ну...

— Да, Аля, мы сейчас идём, — Георгий подошёл к зеркалу, пригладил галстук, повернулся к жене. — Таня, пойдём, посидим недолго, ждут ведь.

Цветы меня утешают

Цветы меня утешают. В них нежность. Будь то ирис с его недоступным загадочным нутром, пион — всё наружу или роза — элегантность, будь то незабудка, которую и тронуть не сметь; колокольчик лесной или ромашка — обещание и надежда — все они зачаровывают своим трепетом, неповторимостью созданного сущего. «Как же так, — думаю, — сидел Боженька там у себя наверху и решал: а создам-ка я тысячу разных цветов, взял и создал? Или сидел, каждый выдумывал, вычерчивал линии в воздухе, цвета — в голове, каждую крапинку своей рукой сажал на лепесток?» Не узнать...

Или вот сны. Посылают их нам, чтобы показать что-то из прошлого или из грядущего, или пылкое воображение само рисует нелепые картинки? Читал я, конечно, Фрейда и других, только ничего общего с этими его выводами мне не снится, а то, что снится, не готов я под его тезисы подгонять. Ведь вот видишь во сне сад: и сирень цветёт, и душа распахивается вместе с ней. А Фрейд говорит тебе, что сирень эта — вовсе не сирень, а знакомство, которое продлится недолго, да ещё откровенный разговор с сексуальным партнёром. А тебе сейчас в этом саду никто и не нужен вовсе, весь человеческий род ни к чему, только бы вдыхать аромат да гулять в этом саду, где покой в душе. И ты поёшь песню, тебе кажется, что проснёшься и все слова вспомнишь, а просыпаешься — и помнишь только, что снился сад, и ни одного словечка.

Или вот как-то приснился мне сон, будто я гуляю в

сквере и вдруг вижу их: Лизонька смеётся, волосы — каштановые локоны, концы оранжевого шарфа развеваются на ветру, он тащит чемодан. Они идут по другой стороне, за деревьями, и не видят меня. А я стою за стволом тополя, рябины, липы — не важно, нет, я уже бегу, отчаянно молотя локтями воздух, нелепо задирая ноги, куда — не знаю, куда-то далеко. А потом я уже в доме, в библиотеке, и вижу девочку, она карабкается на шкаф. Я уговариваю её слезть, но она ничего не отвечает мне, только лезет наверх, всё выше и выше. Я с самоуверенностью взрослого жду, что ребёнок попросит меня о помощи и тут уже я вмещаюсь, но на самом верху она вдруг отпускает руки... И я бросаюсь вниз, вперёд.

Всю жизнь мне хотелось кого-нибудь спасти. Ну вот, допустим, предложили бы мне выбор: жизнь любимой девушки или моя, и я с радостью отдал бы жизнь; или побежал бы какой-нибудь малыш под машину, а тут я: кинулся под колёса, схватил его и отбросил от опасности или прикрыл собой. Смешное геройство. Я не понимал тогда, что для того, чтобы я кого-то спас (или нет — это уж как получится), этот кто-то должен был подвергнуться смертельной опасности, как, например, пожар, автокатастрофа, нападение хулиганов или ещё чему-то плохому и совершенно ненужному. То есть я ради своей славы и минуты триумфа над роком готов был подвергнуть чужих или близких опасности. Теперь мне кажется это кощунством. Ведь если честно рассудить: в минуту опасности не всегда понимаешь в одно мгновение, что предпринять; можно замешкаться, или попросту испугаться, или распознать реальную угрозу и бежать с позором. И ничем не помочь. Может быть, поэтому я кинулся во сне спасать девочку, потому что она так нужна была мне наяву.

Я так и не знаю, что случилось с ней. И была ли она. Я почти не помню её лица, пытаюсь сосредоточиться и вызвать его в памяти, но приходит всегда что-то одно. Глаза, или губы, или волосы, или лоб, или ухо. Очень часто в снах близкие выглядят иначе, но ты точно знаешь, что это они. Лизонька выглядела так, как в жизни. Нет, она была ещё красивее. И бежал я, задыхаясь, словно наяву.

Мне очень часто кажется, что мы не настоящие люди. То есть мы, разумеется, живые люди, никакие не роботы и не клоны, мы спим, едим, ходим на работу, и вот тут-то, во всей этой канители и круговерти, проскакивает (или не проскакивает) то, что отличает живых людей от нас. Радость, жалость, участие, любовь, грусть, слёзы, сострадание... Вы покупаете билеты благотворительной лотереи? Я их часто беру: на сдачу или просто так. И мне говорят, что я, покупая их, помогаю больным детям. Вы думаете, я переживаю за детей? Нет, я рассчитываю на выигрыш. Когда я захожу в метро, я сажусь и закрываю глаза, потому что я не хочу видеть бабушек и безногих парней, я не хочу уступать им место и бросать монеты в жестяную банку или шляпу, потому что из шляпы не выскочит белый кролик и у парня не вырастет нога. Я чувствую себя более уставшим, чем целая лавочка пенсионеров. Я что-то пропустил в этой жизни — день, когда раздавали эмоции, когда Бог создавал цветы и бабочек.

В любом деле одинаково. Сначала испытываешь интерес, в чём-то даже удовольствие. Потом привыкание. И равнодушие. Весь цикл уместился бы в одно предложение.

Зимой я катался на лыжах. Друзья позвали за компанию. Первые прогулки по лесу запомнились щебетом

птиц, падением пушистого снега с елей, лыжнёй, уводящей вдаль. Хотелось вдохнуть поглубже морозный воздух и выдохнуть городскую усталость. Мы смеялись над чем-то незначительным, разруганные — бросались снежками и падали в сугроб. После трёх-четырёх таких прогулок я стал сетовать на снег, прилипающий к лыжам, невежливых дачников, не уступающих лыжню, дыхание сбивалось, я возвращался раздражённый и уставший.

Летом я пошёл в бассейн. Поначалу меня радовала тёплая вода, зелёная винтовая лесенка, смешные яркие киты в детском отделении, фрегат на плакате. На какой-то день я понял, что толстого мужика, прыгающего с вышки, я тихо ненавижу, как и семейство, плавающее рядом в розовых шапочках. В эти дни в бассейн стала приходить пожилая женщина, про себя я прозвал её «жабка». Она была неопределённого возраста, думаю, около семидесяти, в двойных очках: обыкновенных, с диоптриями, а на шапочке ещё болтались очки для плавания сиреневого цвета. Она ложилась на спину и закидывала за голову руки, но словно и не доставала до воды, это её лягушачье движение и дало ей имечко — на два дня. Когда она плыла на спине, то пересекала бассейн по диагонали, и на другой стороне она всплывала прямо перед твоим носом, словно делала это назло. И плыла навстречу как ни в чём не бывало. Я злился, а один раз даже толкнул её. А потом уже во всём неравнодушном справедливом гневe спросил: «Вам что, места мало? Зачем вы на меня плывёте?» А она отвечает: «Так я правила соблюдаю, туда-справа, оттуда-слева, а когда на спинке плаваю — у меня координация нарушена, вы уж не злитесь, молодой человек, я здесь вот вдоль перегородки плавать буду, можно?» И гнев с меня схлынул

весь, и словно ледяным душем обдало. Злоба какая-то изнутри лезет, на людей кидаюсь, а что делю с ними?

Когда плывёшь на спине, наблюдаешь потолок бассейна: где-то это прозрачный свод, а где-то — всего лишь серые балки. А ещё над тобой вышки. Людям хочется забраться на самую высокую, опередить всех, взмыть по лестнице и очутиться там — наверху. Но кто обещал, что будет удачный прыжок? Что ты сможешь ровно и красиво войти в воду? А вдруг ты оглянешься, засомневаешься, оступишься и полетишь вниз кувырком, больно ударившись о толщу равнодушной воды?

«Как же так? — думаешь ты. — А где же красивый полёт?» Ты вылезает на бортик, наглотавшись воды и держась за живот, который отбил при падении. Оваций не следует. Ты плетёшься к выходу, тебе больно и стыдно, больно и стыдно.

Лизонька была светом, а свет сменяется чем? Правильно, депрессией — темнотой. А я вроде жизнерадостный был. У меня была работа. Я получал свою зарплату, шёл с друзьями в кафе и в кино, покупал модные джинсы и пару фирменных футболок в придачу. Я знакомился с девушками на дискотеке и на улице, кто-то из них посылал меня, а кто-то оставался на одну ночь или на две. Самая смелая прожила неделю. Думаю, она любила меня, потому что долго ещё звонила, чтобы просто спросить, как дела. Тогда ко мне приехал друг из Орска, у него почти не было денег, да и приличных вещей тоже, и мои приятели стали смеяться над ним, а я, вместо того чтобы заступиться, тоже глупо ухмылялся: мол, смени прикид, чудак. А он приехал по делу, в аспирантуру хотел поступать, посмотрел на меня недоумённо, даже у виска не покрутил, я и так уже о себе всё понял. В общем, надел он старый свой пиджак и уехал. С тех пор я его не видел. А приятели раз-

бежались. Кто спился, кто женился, кто скололся, кто поумнее — за границу отчалили.

И тут появилась Лизонька. Она стояла на площади в середине толпы, обтекающей её, и выглядела растерянной. Точнее, казалась. Потому что Лизонька никогда не растворится в толпе, она особенная. Я протиснулся к ней, встал напротив и стал смотреть на неё. Глаза у неё черешневые в крапинку. Она отчего-то не спросила ничего и не прогнала меня, а дала мне руку, и так мы молча пошли по бульвару, а в конце него, наконец, познакомились. На ней было жёлтое платье, и она была в нём словно бабочка. Мне нравится вспоминать. Как мы бежали с ней на электричку. Как к нам на улице приблизился щенок, и Лизонька решила искать хозяина. Она напечатала объявления, и вечером мы клеили их по району. Как мы ходили на свадьбу моего друга, и Лизонька была красивее невесты.

Вы спросите: что она нашла во мне? Я не раз задавал себе этот вопрос. Мне кажется, что она смотрела вглубь меня и видела там то, чего и я о себе не знал, что-то отличное от внешнего — настоящее, цельное. С ней я становился лучше. Совершал глупости. Менялась даже моя речь: голос изменял мне. Что же случилось потом? Видимо, я принял её как данность, как обыденность. Что свет есть и будет, что она не может исчезнуть. И вот мне остались лишь сны о ней, где всегда присутствует кто-то третий, кто похитил её, мой цветок.

Конечно, я знал, что цыганка меня обманет. В тот день я поехал на вокзальную площадь по необходимости, я вообще вокзалы и толпу не особо люблю. Они шли по одной. Мне удавалось лавировать между, но вот я немного замедлился и задел одну своим мешковатым телом. Она же сразу схватила меня за руку:

— Давай погадаю, всю судьбу расскажу, счастливым будешь или в беду попадешь. Благодарить меня будешь! — голос переливался, словно жидкость в сосуде, она отчего-то показалась мне жалче других.

Я достал сто рублей и отдал ей.

— Не надо гадать, я всё знаю.

— Откуда ты можешь знать? Я буду молиться за тебя, поставлю свечку, и будешь счастлив. Ты добрый человек, а добрым людям мир радуется, богат будешь, в любви повезёт...

Её слова лились как елей. Я понимал, что это стандартный набор и запас природной хитрости в её организме выдаст мне ещё много всего, но мне так хотелось, чтобы это было правдой...

— Смотри, — она протянула мне копеечку, — оберни её в купюру и оставь на счастье, будут у тебя деньги.

Я полез в кошелёк, была тысяча, я протянул цыганке, и она ловко свернула что-то типа оригами, но мне не отдала, а продолжала:

— Мне ничего от тебя не надо, ты добрый человек, денежку мне дал, детей накормлю. Ты будешь с той, кого любишь. Положи эту копеечку к деньгам. У тебя же есть деньги, большие деньги.

В противоположном кармане лежали чужие деньги: две купюры по пять тысяч. Я сказал:

— Нет у меня денег, сюда клади, — и подставил ладонь.

Цыганка вывернулась.

— Только к деньгам можно класть. Достань кошелёк.

Тут я стал понимать, что можно лишиться и своих, и чужих денег, и стал злиться на себя за сердобольность. Хотелось вернуть свои деньги или уже отцепиться от назойливой трескотни. Руку мою она не выпускала. Я

оглядывался в поисках других её товаров, которые могли воспользоваться моментом и вытащить из карманов оставшееся добро.

— Девушка тебя любит, будешь с ней вместе, — заливалась цыганка.

Я видел перед глазами Лизоньку, так хотелось протянуть к ней руку. Неважно, что в этот момент она была далеко и, вероятно, с другим. Мне хотелось верить, и я верил.

— Все тебе завидуют, — продолжала цыганка, — Иван, Пётр, Андрей. Порча на тебе. Всё сниму, всё исправлю, — глаза её горели, голос звенел, — ни тебе, ни мне: она дунула, и моя тысяча исчезла в воздухе. Исчезла и сама цыганка. Я отдышался и пошёл к вокзалу. Рядом со входом продавали цветы.

Удивляться

*«...Что завтра будет — искать не крушися;
Всяк настоящий день дар быть считая,
Себе полезен и иным потщися
Учинить, вышине наследство жадая...»*

*А.Д. Кантемир
«О надежде на Бога»*

Когда едешь из центра по Ленинскому проспекту, удивляешься, в первую очередь, старинным жёлтым корпусам Первой градской больницы, высокой ограде, большому количеству шлагбаумов — въездов с охраной, проходу в Нескучный сад. Это в народе её зовут Первой градской, у нас принято сокращать, чтобы легче произносить было: вторчермет, главпродмаг, существует даже такое — НИИОМТПЛАБОПАРМБЕТЖЕЛБЕТРАБСБОРМОНИМОНКОНОТДТЕХСТРОМОНТ.

На самом деле полное наименование больницы — Городская клиническая больница № 1 им. Н.И. Пирогова, и образовалась она в результате объединения трёх ранее существовавших больниц: Первой градской, Второй и Голицынской. Последняя из них как раз была построена первой по счёту — на деньги, завещанные князем Дмитрием Михайловичем Голицыным. Он указал так: «На устройство в столичном городе Москве учреждения Богу угодного и людям полезного». Было это в 1802 году, и сам князь не дожил до освящения сентябрьским утром церкви святого благоверного царевича Димитрия, видел лишь парк, разбитый до самой Москвы-реки: с беседками, прудом и картинной галереей.

В нашей семье существует легенда, передаваемая из поколения в поколение, которую я хочу вам поведать. Моей прапрапрабабушке, в общем, довольно дальней родственнице — Тамаре Геннадьевне — случилось в ту пору захворать. Она была молода — около двадцати двух лет, жила с супругом — Алексеем Антоновичем — в Арсеньевском переулке, недалеко от Донского монастыря, и преподавала в балетной школе. Детей у них не было.

Когда у Тамары начались сильные боли в животе и правом боку, они с мужем предположили, что это может быть перитифлит, и очень испугались. Так в те времена называли аппендицит и оперировать его практически не умели. Первые операции аппендэктомии были проведены в 1888 году в Англии и в Германии, до этого люди часто умирали от воспаления аппендикса, так как оно переходило на всю слепую кишку.

Поскольку телефонов в то время ещё не существовало, то позвонить в скорую помощь, дабы вызвать реанимацию, да и просто сочувствующей подруге Тамара не могла. Держась за живот, она сидела на кровати и тихо стонала. Алексей Антоныч, будучи немногим старше своей супруги и архитектором по образованию, ничем не мог помочь и испуганно сидел напротив.

— Томочка, тебе не получше?

— Нет, всё так же болит, — Тамара прилегла на левый бок, лицо её было бледным.

— Может быть, сделать тебе чаю?

— Нет, мне ничего не хочется. Наверное, скоро пройдёт. Потерплю ещё немного, главное, чтобы хуже не стало.

Примерно час спустя (Тамаре не становилось легче) супруг решил обратиться к соседке — Глафире Дми-

триевне, вдове заслуженного архитектора Казаринова. Безвременно почивший супруг её принимал участие в строительстве Голицынской больницы, и женщина любила поговорить об этом с начинающим градостроителем Алёшей. Она сразу же открыла дверь, потом накинула шаль и прошла к ним в квартиру, ругая молодых за безответственность.

— Деточка, да на тебе лица нет. Тебе нужно в больницу. Я сейчас надену боты, вернусь и поедем.

Тихонько спустившись по лестнице и кликнув извозчика, они тронулись в путь. По нынешним меркам это совсем рядом: минут десять на машине до Ленинского проспекта. А тогда, на лошади, они ехали по полю среди деревянных изб, и это был вовсе не центр города, а далеко от центра — дорога, ведущая на Калугу, и каждое движение лошади отдавалось болью в животе Тамары. Она продолжала стонать, Алексей был перепуган не на шутку перспективой потерять молодую жену, и только Глафира Дмитриевна сохраняла спокойствие. Она проводила молодую женщину в приёмный покой, поговорила с врачом о своём покойном супруге и попросила внимательно осмотреть больную. Поскольку в палату их бы не пустили ни под каким предлогом, они с Алексеем вернулись домой.

А мою прабабушку поместили на одно из пятидесяти койко-мест новой больницы и стали обследовать. Никогда до этого не бывав больнице, Тамара только и знала, что смотреть по сторонам и удивляться. Кровати в отделении были высокие, и низкорослой моей прабабушке приходилось сначала спускать ноги на приставной табурет, а потом уже с него — на пол. Сёстры милосердия, ходившие по палатам, были добры и внимательны, анализы вовсе не страшны, а только вызы-

вали любопытство юной особы. Один раз к ней даже заходил сам главный врач — Мухин Ефрем Осипович, справлялся о здоровье, выяснял, делали ли Тамаре когда-либо вакцинацию, сокрушённо кивал и шёл дальше.

В первый день ей не разрешили вставать, и она лежала, оглядывая палату на шесть человек: высокие потолки, большие окна, трещинки в штукатурке. Большие плафоны напоминали ей супницы, а доски на полу — палубу корабля, на которую она никогда не ступала.

Соседка по палате — женщина лет шестидесяти с воспалением почек — рассказывала, что земля эта когда-то принадлежала ещё Екатерине I:

— У неё здесь даже дворец был, с пятью светёлками. А после Катька продала землю Строгановым, они развели сад: абрикосы, фиги, сливы, яблоки...

— Ну да, — отозвалась вторая соседка, помоложе, — райские яблочки, как же.

— Не верите, и не надо, об этом в «Московских ведомостях» ещё писали, я сама читала в молодости, мне лет тридцать тогда было, а может, и двадцать пять даже...

— А где же сейчас их фиги?

— А потом землю купил князь Голицын под больницу, у него жена померла молодая, детей не оставила.

Тамара подумала, что сейчас ей только историй про смерть молодой жены не доставало в её состоянии.

— Жемчуг, говорят, покойница любила, — не унималась соседка. — Говорят же, что он к слезам.

Тамаре хотелось уйти домой, больница угнетала её белизной стен и запахом лекарств. Поначалу, казалось бы, добрые сёстры теперь раздражали своей заботой и ласковыми словами. Она закрыла глаза и представила, что плывёт по морю.

Судно было маленькое, брызги залетали на палубу,

покрытую точь-в-точь такими же досками, как пол палаты. Тамара почему-то стояла босая, и вода приятно охлаждала ступни. Тамара посмотрела вдаль — берега не было видно, вода была светлая, спокойная. Чуть поодаль она увидела дельфинов: они поднимали головы из воды и пели. Мимо шли косяки рыб, и было очень спокойно. На корабле не было ни одного члена команды, но Тамара была уверена, что она не одна на судне. Она пошла на корму и опустилась на дощатый пол, волны стали гладить её колени, утяжелять юбку. Не было чувства холода или тревоги, было лишь желание раствориться в этой прохладной прозрачной воде, в этом необъятном просторе. Послышался плач, Тамара хотела обернуться и проснулась.

Наутро кормили чем-то наподобие каши. Ей разрешили встать, и она отправилась осматривать коридор. В нём так же, как и в палате, были большие окна, посты дежурных сестер, в конце — комната врачей, в современности — ординаторская. Тамаре хотелось, чтобы анализы были хорошими, чтобы всё разъяснилось, пришёл Алексей, им сказали, что всё в порядке и её отпускают домой. И они поехали бы в свою маленькую комнатку, а вечером прогулялись до монастыря — поставить свечку Николаю Чудотворцу.

Сколько свечей она ни ставила, сколько монастырём ни посетила, в какие источники ни окуналась за эти три года. Свекровь её, мать Алёши, сначала просто смотрела искоса на молодую невестку, а потом и вовсе стала говорить вслух, что пустая она, раз родить не может. Свёкр пытался сгладить её выпад против Тамары, но и сам частенько напоминал, что не прочь понянчить внуков. Молодая женщина вся извелась, но поделаться ничего не могла.

Тамара услышала в больнице, что в центральном подкупольном зале есть Храм, хотела зайти в него, но её позвали на процедуры. Она дала себе обещание — зайти вечером. И снова её осматривали и ощупывали — то справа, то слева, кивали, переглядывались, успокаивали стандартными словами и уходили. Назначили какие-то препараты: в обед медсестра принесла белые шарики таблеток. Ещё Тамара услышала, что одну из соседок лечат пиявками, и будто ставят их прямо туда, внутрь.

— Вот чудеса-то, — подивилась про себя Тамара.

Она, разумеется, никогда не слышала о сочинении Иеронима Нигрисиоли.

Очень хотелось пить, и она решилась позвать сестру милосердия:

— Пожалуйста, не могли бы вы дать мне воды?

— Да, сейчас принесу.

Она вернулась с большой белой чашкой, на которой был изображён лохматый щенок. Одно его ухо свешивалось набок, другое стояло торчком, и весь его вид словно показывал: меня не проведёте!

Сестра тут же вышла. Тамара выпила воду и поставила чашку на тумбочку возле кровати.

Лежать было скучно, но в тихий час выйти было невозможно. В палате не оказалось ни одной книги. Дома она недавно читала стихотворения Тредиаковского, сейчас отчего-то припомнились строчки из басенки, где пастушка сначала была расположена к своему юному другу, а затем внезапно охладела:

«...Но тщетно думал он её склонить,

И лишь в слезах пришлось повторить

Присловие, что оказалось гоже:

“Как день со днём бывают непохожи”».

«Последние строки очень верны, — подумала Тама-

ра. Неважно, к любви их относить или к жизни вообще. Вот, например, я, — она посмотрела за окно, — ещё вчера была дома, с мужем, а сегодня лежу в палате, ничего толком не понимая. Возможно, я серьёзно больна, супруг мой, как та пастушка, охладает ко мне во время болезни, а потом кинет горсть земли на мою могилу и женится снова. В последнее время и так участились ссоры между нами. Алексей лишь делает вид, что успокаивает меня, но я знаю, что он всегда хотел сына».

Предательские слёзы потекли по её щекам. Она уткнулась в подушку, чтобы не разбудить соседок. «А что, если и вправду моя болезнь очень серьёзна, и я скоро не смогу встать с постели? — Тамару охватила паника. — Тогда... тогда, если узнаю страшный диагноз, я брошусь в реку... это лучше, чем быть больной, бездетной и ненужной. Лучше умереть!»

Сразу после окончания тихого часа она тихонько выскользнула из палаты и отправилась в церковь святого благоверного царевича Димитрия. Там царил полумрак, и не было никого, кроме старушки, продающей свечи. Тамара взяла две: одну поставила за упокой своей рано почившей матери, а вторую — Богородице, попросив помощи во здравии. Она встала на колени и стала молиться о том, чтобы излечить недуги и вернуться в свой дом, а если не суждено ей стать хорошей женой и матерью, то пусть Бог примет её в свои чертоги. Она тихо шептала слова молитвы, когда сбоку послышались тихие шаги и в боковом проёме появилась женщина. Она была очень бледна, на лице выделялись большие карие глаза и чёрные дуги бровей. Незнакомка молча приблизилась, стала рядом перед иконой.

— Тебе страшно? — спросила знакомка низким грудным голосом.

— Простите? — Тамара подняла глаза и заметила на её шее нитку крупных жемчужин.

— Тебе страшно умереть.

— Никому не хочется умирать, — уверенно ответила девушка.

— Но ты же думала об этом совсем недавно — о том, чтобы убить себя.

— Откуда вы знаете? — Тамаре стало жутко.

Незнакомка обошла вокруг неё и сказала:

— Я знаю. Я болела всю свою жизнь, но ни разу мне не пришла в голову мысль броситься с моста в реку.

— Но вы выглядите совсем неплохо, разве что бледны.

— О да, — женщина засмеялась, и смех её зазвенел в уголках небольшого храма, — теперь я выгляжу «неплохо». Но Дмитрий, — она сразу стала серьёзной, — он любил меня даже больной, даже зная, что я не смогу подарить ему наследников.

— У вас нет детей? Как это печально. Я замужем уже четыре года, и у меня тоже нет детей. Я опасаясь, что со мной что-то не так.

— Выбрось мысли о смерти. Ты не умрёшь. По крайней мере, не сейчас. Ты поправишься, уедешь домой. У тебя будет сын, а потом дочь.

— Откуда... — Тамара не успела договорить, незнакомка вдруг исчезла, словно растаяла в воздухе. И зазвучала музыка, красивая и грустная, и это был клавесин, Тамара сразу его узнала: на нём в молодости играла её мать. Музыка взлетала к куполу церкви и спадала к её ногам, обволакивала иконы, освещала полумрак углов, она трогала внутри что-то живое, и ему, живому, от этого прикосновения становилось больно и радостно одновременно.

В храм вошла женщина, одна из пациенток больницы.

— Вы слышите эту музыку? — обратилась к ней Тамара.

— Нет, ничего не слышу, деточка, — удивлённо откликнулась больная. — Это же церковь, здесь тихо.

Тамара быстро прошла мимо неё, пробежала по коридору, вошла в палату. Оказывается, её уже искали врачи, чтобы сказать, что завтра её выпишут.

Дальше, за краем больничной ограды — зелень Нескучного сада, и, когда наступает осень, ближайшая его часть — пяточок за стоянкой — сплошь усыпана рыжими кленовыми листьями, сначала собираешь их для гербария, потом начинаешь думать, а хватит ли твоей библиотеки, чтобы все их высушить, и начинаешь просто бросать эти огненные охапки вверх, и снова удивляешься природе-шалунье, которая так всё раскрасила, рассыпала, высветила солнечными бликами.

Чингисхан

«Вот уже несколько ночей Темуджин практически не спал. Вечерами он обсуждал с братьями ситуацию в племени: они сидели в его юрте, пили молочную водку и спорили, но он пока ещё не видел решения, которое могло бы объединить враждующие народы. Он не мог упрекнуть себя в нерешительности, ведь это он, Темуджин, расквитался уже с множеством своих врагов. Чего только стоила битва с погаными меркитами, укравшими его жену Борте! До сих пор, вспоминая эту ужасную ночь, когда он нашёл, вернул её, руки его непроизвольно сжимались в кулаки. Он хотел бы уничтожить всё это отродье, всех, кого не достал тогда... А сколько бился он с татарами! Но то была уже месть за отца — Есугай-Батура, которого те напоили отравленным вином. Давно ждали минуты отмщения мать и братья: все годы, что маялись голодные в степи, брошенные роднёй. В бой Темуджин вступал решительно, не сомневаясь. Сейчас же душа его пребывала в смятении».

Сергей отодвинулся от стола и некоторое время смотрел на только что напечатанный текст. Нужно было написать рассказ о Чингисхане. Целый год по всей стране проходили события, посвящённые этому герою: снимались фильмы, писались портреты и картины сражений, публиковались романы, вот и в его городе мелкая провинциальная газетёнка решила вступить в этот круг. Почему написать попросили именно Сергея? Да кто ж его знает. Он у них когда-то работал, потом, когда учился, иногда писал для газеты заметки, так что, видимо, по

старой памяти или из-за отсутствия кадров. Честно говоря, соглашаться ему не хотелось. У него было много своей работы, Чингисхан не был его кумиром, да и вообще не так много он знал о нём, разве что в общих чертах. Но Дима Кулешов — главный редактор — был настойчив, и он почему-то согласился. Однако сейчас уже жалел.

В голове была полная неразбериха. Он пытался почитать что-нибудь о великом монголе, но количество персонажей в этой истории просто зашкаливало: жёны, братья — родные и неродные, главы семей и прочие лица слились в голове Сергея в одно сплошное месиво. Плюс ко всему у него было много работы, всю прошлую неделю он провёл в разъездах, времени на окончание статьи оставалось всё меньше, а бросать дело на полпути Сергей не привык.

Из головы не выходил клиент, пришедший вчера в его адвокатский кабинет. Это был мужчина сорока восьми лет, лысоватый, неопрятный, потёртый, который очень любил свою маму и решил подарить ей на день рождения кастрюлю. Придя в магазин с романтичным названием «Ромашка», он выбрал предмет, в котором планировалось далее тушить голубцы, попросил завернуть стальное изделие и оплатил покупку. Потом он долго ехал на метро и уснул по дороге.

«После того, как расходились братья, Темуджин пытался уснуть, некоторое время лежал, затем поднимался, иногда шёл к Борте, иногда просто выходил в степь — под великое небо, глядящее не него глазами всех своих звёзд, снова возвращался, снова выходил, ибо сон не шёл к нему. Уже под утро, когда усталость давала о себе знать и он, наконец, забывался, к нему приходили дурные сны, смутные, тёмные фигуры обступали его, становилось тяжело дышать, и он слышал голос свое-

го названного брата Чжамухи: «Возьми мой амулет, это альчик, кость, пусть он бережёт тебя, пусть бережёт...» Потом горло сдавливало, и он просыпался. Бывали сны более отчётливые: вот рядом идёт его отец и чему-то улыбается; вот козуля, в которую стреляет маленький Темуджин; и мальчик, выбегающий из-за дерева. И снова амулет, темнота, удушье».

Когда Иван Семёнович проснулся, то увидел, что кастрюли нет. Он так испугался, ведь ему и так жаль было двух тысяч рублей — ну юбилей как-никак! — но тут увидел, что кастрюля просто упала у него из рук, пока он спал. Он поднял пакет и пошёл домой, предвкушая, как с утра он преподнесёт подарок, мать пошлёт Ивана на рынок за мясом и капустой, а потом наделает его любимых голубцов, и праздничный день завершится пиром живота.

Он так увлёкся мыслью о еде, что, заворачивая во двор, налетел на таксу Лайму с первого этажа. Собачка завизжала, Иван Петрович упал, и также упала кастрюля, отлетев в сторону.

Когда он пришёл домой, то, развернув пакет, обнаружил на подарке царапины и вмятину. Дело принимало дурной оборот. Дарить бракованную вещь стыдно, голубцов, вероятно, ему не видать. Иван Петрович решил обменять кастрюлю и двинулся обратно в магазин. Он шёл быстро, не отвлекаясь.

«Темуджин просыпался, брал пиалу, пил. Он не жалел, что когда-то давно, в детстве, побратался с Чжамухой, но тогда они были детьми. Хотя порою детям приходится очень рано взрослеть. В девять лет на него легла обязанность кормить семью: мать, вторую жену отца, братьев, сестру. Чего он не мог забыть, так это Бектера — брата, которого убил своими руками. Те-

муджин помнил, как он испугался тогда за мать. Оэлун болела, и Темуджин пытался хоть как-то её порадовать: наловить рыбы, настрелять птицы, набрать плодов. Родные братья помогали ему, а сводные старались навредить. И тут желчный голос анде Чжамухи, бывшего ещё ребенком, как и он, прокрался к нему в сознание: «Он станет шакалом, убей его». Или слова «убей» не прозвучало? Но он убил, убил своего брата, лишил жизни сына своего отца. Он не раз потом думал о том, что этот голос пытался навязать ему свою волю и свои взгляды. Сначала рассорить с братьями, потом вызвать ненависть и презрение к жене, захваченной в плен; заронить семена подозрений относительно его верных воинов».

— Что же вы бракованным товаром торгуете? — сразу же по приходе накинулся Иван Семёнович на продавца.

— Как бракованным? Я проверяю каждое изделие, у нас сертификат качества есть, — отозвалась девушка.

— Вы продали мне изделие с дефектом. Извольте заменить, — мужчина клокотал праведным гневом: дёргал головой, размахивал руками.

— Я сейчас позову заведующую отделом, — продавщица исчезла за дверью.

Заведующая осмотрела кастрюлю, потрогала царапины, уточнила, проверял ли продавец товар перед продажей, и вернула кастрюлю покупателю:

— Нашей вины в происшедшем нет. Вам был продан товар надлежащего качества и вида. Если хотите, пишите заявление, будет проведена экспертиза.

— Какая ещё экспертиза? Дело не стоит выеденного яйца, просто замените мне кастрюлю, это подарок.

— Я понимаю вас, но не могу заменить товар. Извините.

Заведующая ушла, а продавщица занялась другим покупателем.

Иван Семёнович корявым почерком начал писать заявление, черкал, правил, переписывал, наконец отдал продавцу, бубня: «Вы у меня заплатите».

Всё это рассказал сам покупатель, придя к Сергею в контору. Он хотел «наказать магазин». Сергею было непонятно, за что его наказывать, и был глубоко неприятен сам клиент, но он не мог указать ему на дверь, поскольку сотрудники его бы не поняли. За консультацию полагалась плата, из которой юристы получали проценты и кормили свои семьи. Сергей выслушал клиента, оформил договор на консультацию, составление претензии и искового заявления и отправил клиента к Мише — своему помощнику.

«Теперь он уже видел, зачем всё это делалось, а тогда... тогда он просто верил своему названному брату, считал, что тот верен ему, как верен их клятве сам Темуджин.

Но сейчас он проснулся не из-за снов, а из-за криков снаружи юрты.

— Мне нужно к Темуджину! Срочно!

Это голос брата Хасара. Вот он уже вбегает в юрту.

— Темуджин, сюда скачет войско татар. Их две тьмы. Нужно строить воинов.

— Скажи Хорчу, чтобы поднимал людей.

И вот он уже на коне скачет по степи — это привычное состояние, степь — это дом монгола, а конь — его самый верный друг. Жена предаст, и друг, и брат, но только не конь.

Вот уже приближаются факелы, сыплются стрелы, степь окрашивается кровью друзей и врагов, всё перемешивается, кружится, кишит...

После живые уходят хоронить мёртвых, победители забирают в плен побеждённых, слышен плач женщин и детей.

Темуджин видел это много раз, и каждый раз, желая мира для степных народов, он приносил боль, хотя хотел бы не слышать больше никогда этого плача. Когда он сам сидел закованным в колодки, разве он плакал? А когда отец велел ему уничтожить всех татар выше колеса повозки? Скольких он уничтожил сегодня? Когда закончится эта бойня и наступит мир в степи? Ответов у него не было, и великое небо над ним молчало».

Спустя две недели в магазин пришла претензия от гражданина Сумочкина Ивана Семёновича, который хотел получить возмещение ущерба за купленный им товар (кастрюлю с дефектом) в размере двух тысяч рублей. Он грозился подать в суд в случае неоплаты, искренне считая себя правым и, видимо, полагая, что кастрюля сделана из резины и сколько её ни бросай об пол, она не должна испортиться. Наглость этого субъекта поразила Сергея. Он уже жалел, что заключил с ним договор, ведь этот сумасшедший просил у суда, помимо цены изделия и расходов на адвоката в размере двадцати тысяч рублей, моральный вред в размере пятидесяти тысяч. Ну какой нормальный человек будет платить двадцать тысяч, чтобы получить две?! Сергей таких не знал. И теперь он сидел за ноутбуком, писал рассказ о Чингисхане и думал постоянно об этом сумасшедшем, о большом количестве сумасшедших людей в стране, готовых судиться за ложки и вилки, причём не всегда с магазином или складом, а часто и с самыми близкими людьми.

«Когда войско вернулось в лагерь, наступил вечер, солнце садилось, это было снова время тяжёлых раздумий и сомнений. Чаши внутренних весов колебались.

«Да, он помог мне освободить Борте, — думал Темуджин. Но я позволил ему возглавить армию, и только ради славы и власти он пошёл на это. Он вспомнил, как они с Чжамухой праздновали тогда победу: обменялись золотыми поясами и лошадьми, захваченными у меркитов, устроили пир на южном склоне Хулдахаркуна под развесистым деревом, плясали и веселились и, по обычаю, ночью спали под одним одеялом. Улыбка коснулась его губ. А после, когда родился мой первенец, — продолжил вспоминать Темуджин, — это он подползал поганой змеей и шептал мне на ухо: “Это не твой сын, Чжучи — сын меркита!” Он хотел, чтобы я убил и сына?»

Темуджин сидел на камне возле одной из юрт. К нему подошла старая служанка с кувшином, дала напиток.

— Мать у себя?

— Да, Темуджин, она ждёт тебя.

Даже став Чингисханом, он не перестал заходить к матери, чтобы обсудить дела. Это была, с одной стороны, детская привычка и привязанность, с другой — слепая вера в мудрость и справедливость этой женщины, на долю которой выпали многие испытания.

До её юрты было пять минут ходьбы. Он приоткрыл полог:

— Темуджин!

— Мать! — он обнял её и стал рассказывать о схватке.

Она кивала своей совсем уже седой головой, иногда что-то переспрашивала. Темуджин понимал, что скоро потеряет её — самого верного своего соратника, самого родного человека».

Сергей вспомнил свою мать. Она жила в небольшой квартирке на улице Соломенной Сторожки, он приезжал к ней два раза в неделю, и тогда она готовила — не

домашнюю лапшу и не фаршированные перцы, а очень простое блюдо — блинчики, и тоже — не с икрой или красной рыбой, а так, как он любил в детстве, со сметаной. Он потерял её внезапно, как будто кто-то должен был предупредить его: будь осторожнее, будь внимательнее, заезжай в среду. Но в среду он не приехал, а в четверг она уже не открыла дверь. Потом были сотрудники МЧС, скорая, морг, промёрзшая земля на кладбище. И когда он иногда с друзьями заходил в «Шоколадницу», то ничего не брал, потому что блинчики есть не мог.

«Когда-то давно, когда ему казалось, что они с Чжамухой и вправду словно братья, только такая мудрая мать, как Оэлун-учжин, смогла растолковать обратный смысл слов анде. Тот лишь делал вид, что хочет кочевать вместе. “Покочуеть-ка возле гор — для наших табунщиков шалаш готов. Покочуеть-ка возле рек — для овчаров наших в глотку еда готова”, — его слова. “У Чжамухи много лошадей, которых он хочет пасти у гор. А овцам Темуджина там не место, для овец лучше подходят луга. Не по пути побратимам!” — растолковала она тогда своему сыну».

Сергей уже готов был отдать этому сумасшедшему свои две тысячи рублей, только бы не ходить в суд, не позориться, не смотреть в глаза этому человеку, этому вралю, который так напоминал его брата. Игорь всегда врал матери, с самого детства. Смотрел своими честными глазами и врал. И когда порвал рубашку во дворе, и когда ударил одноклассника, и когда украл деньги из её кошелька. А она верила. Не могла не верить. Потом уже, когда пропали деньги, Сергей не выдержал и крикнул: «Как ты не видишь, он же врёт, он же на них себе джинсы купил». Но мать его осекла. И он перестал вмешиваться. Он был моложе Игоря на пять лет, хорошо

учился и, когда тот сел в тюрьму, как раз поступил в институт. Их пути разошлись.

«Ушёл тогда Темуджин, многие люди ушли за ним. Чжамуха не мог стерпеть обиды. Он сам хотел, но не мог стать ханом, потому что племя его считалось нечистым. Чжардаран означало “праправнук чужого сына”, ибо женщина — прародительница его — родила ребёнка от мужчины чужого племени. Гордость не позволяла Чжамухе встать под власть Темуджина, быть его правой рукой. Неужели он унизил бы своего названного брата, показал бы ему своё превосходство?! Нет, но... степь рано или поздно заставила бы показать свою силу, отдать приказ».

Текст Сергей не закончил, утром нужно было рано вставать. Сергей ехал в суд и думал, что он скажет судье. Ну разумеется, он скажет, что клиент не осмотрел товар в магазине, что он вёз кастрюлю аккуратно и бережно и что его старая мама очень расстроена. Суд практически всегда на стороне потребителя, и этому чокнутому взыщут его деньги. Но что же получается: что он такой же враль, как этот человек, как его брат Игорь, как все? А когда он поступал в юридический институт, думал, что будет отстаивать справедливость и высокие идеалы. Смешно. Хотя почему же? Когда молодую девушку Татьяну, случайно приехавшую на дачу к друзьям, обвинили в соучастии по делу об убийстве, он добился её оправдания, и она вернулась домой, к своему годовалому сыну. Когда небольшой магазин с милой бабушкой-хозяйкой осаждали влиятельные люди, желающие получить бесплатно кусок пирога, он довёл до конца оформление помещения, и оно теперь кормит пенсионерку и её внуков. Отчего же сейчас, в этой глупой ситуации, он чувствует себя так неудобно?

«...И вот Чжамуха собрал войска, чтобы сразиться с Темуджином. Три тьмы воинов выступили вместе с ним и потеснили Темуджина, скрывшегося в Цзереновом ущелье. А семьдесят княжичей из рода Чонос были заживо сварены Чжамухой в котлах. В год Курицы, в урочище Алхуй-булах, собрались на сейм многие племена, чтобы принять присягу и возвести Чжамуху в Гур-ханы. Тот, разграбив свой же народ, стал отступать вниз по течению Эргуне. Ван-хан попытался преследовать Чжамуху, а тот, в свою очередь, попытался убедить Ван-Хана, что Темуджин — перелётная пташка, жаворонок, тогда как сам Чжамуха — верная чайка. О, коварство ближнего! О, ложь, скапливающаяся, превращающаяся в ком степной травы, которую уже не расплести после, разве что сжечь...»

— Иван Семёнович, — окликнул Сергей клиента, — мы составили вам исковое заявление, сегодня будет вынесено решение в вашу пользу, вы получите деньги за кастрюлю и какую-то сумму за юридические услуги и моральный вред, но пока мы стоим здесь вдвоём в коридоре, расскажите мне, зачем вы всё это затеяли?! Зачем платили мне двадцать тысяч, чтобы получить две, зачем ходили в магазин и в суд? Отвезли бы кастрюлю на дачу и забыли о ней! Или готовили бы в ней, не думаю, что от вмятины на её стенке еда была бы менее вкусной.

Иван Семёнович удивлённо смотрел на него, словно не понимая, о чём речь.

— Но ведь они продали мне бракованный товар.

— Вы же сами мне рассказывали, что уронили кастрюлю.

— Ну нет! Я уронил, а другой человек не ронял, но они постоянно продают бракованный товар. Их нужно наказать!

Сергей не выдержал:

— Вы сумасшедший! Он достал из бумажника две тысячи рублей, сунул Ивану Семёновичу и уехал.

«...когда араты схватили Чжамуху и привели к Чингисхану, тот сразу же велел казнить их, ибо чёрным воронам не поймать селезня, а воинам — не поднять руки на своего природного хана. И снова предложил Темуджин Чжамухе вернуть былую дружбу — стать второй оглоблей в его телеге...»

Сергей знал, где содержится Игорь, поскольку имел связи в органах по работе. Это было недалеко — километров двести на юго-запад. Он знал, что брат жив, но ни разу не виделся с ним за эти годы. Сегодня он решил поехать туда, вот так просто — прямо с работы поехать и сказать ему всё, что накопилось за эти годы. Про себя, про мать... Он включил радио и тронулся в путь.

«...Темуджин искренне верил, что в дни самых тяжёлых битв, самых смертельных схваток Чжамуха не забывал своего анду, болел за него сердцем. Именно поэтому предупредил его во время битвы с кераитами, напугал найманов своими словами.

— Как бы ни расходились наши пути, ты брат мне! Объединись со мной, будем приводить в память забывшегося из нас.

— Нет, Темуджин! Я всегда буду камнем, о который тебе спотыкаться. Костью в твоём горле. Не жги меня взглядом своим. Проводи скорее в путь далёкий.

— Одумайся, Чжамуха! Встань в мой строй. Ныне, когда во владеньях моих мир, время новых планов, новых свершений. И кому, как не тебе, стоять рядом со мной?

— Темуджин, ты милостив, анда. Ты призываешь меня к дружбе. Зачем тебе моя дружба теперь, когда

пред тобою весь мир? Я колючка в твоём подоле. У тебя — умная мать, братья, дружина. А у меня — лишь жена, сказительница старины. Ты победил меня. Так проводи же меня скорее, и успокоится твоё сердце. Когда я буду лежать мёртвым в земле, Высокой Матери нашей, бездыханный мой прах во веки веков будет покровителем твоего потомства. Лишь позволь мне умереть без пролития крови.

— Не оскорблял я тебя, анда, и не покушался на твою жизнь, но коли не хочешь принять ты ни дружбы моей, ни пощады своей жизни, то пусть будет позволено тебе умереть без пролития крови».

Сергей въехал в город и довольно быстро нашёл здание тюрьмы. Он подал дежурному свои документы и прошёл в комнату встреч с заключёнными. Он в сотый, в тысячный раз повторял в голове то, что скажет Игорю. Пытался представить, как сейчас выглядит брат и что сказала бы мать, узнав о его решении увидеться.

Вспомнилось вдруг, как в детстве он, Сергей, сильно разбил колено, а Игорь привёл его домой и в отсутствие матери мазал зелёной. Вспомнилось, как дрались за котёнка, найденного на площадке. Как к Игорю приходили девочки-одноклассницы, а его выгоняли из комнаты. Как он утащил у брата перочинный ножик и вырезал своё имя на ножке стула. Сергей сидел очень долго и опомнился только тогда, когда молодой лейтенант тронул его за плечо:

— Вы меня слышите?

— Да.

— Ваш брат отказался от свидания с вами.

«Утром Чжамуху предали смерти — подняли кости его».

Роман

Егор Самойлов сидел за письменным столом, но ничего не писал, а лишь нервно покусывал кончик шариковой ручки. Егор обдумывал роман. Писал он его уже давно, и пару глав даже напечатали в серьёзном журнале, правда, ещё весной прошлого года. Рукопись была объёмной, и пора было бы уже заканчивать, но Егор стремился охватить главное, суть того, что он хотел сказать читателям, чтобы поставить жирную точку, и чтобы добавить было уже нечего. А она, эта самая суть, ускользала. Вроде только что рядом вилась — бери руками, а вот уже и всё, и нет её. И никак не мог Егор завершить свой великий труд.

Людмила, его жена, немолодая уже женщина с блёклыми глазами и тонкой кожей, гладила бельё и параллельно болтала:

— Егор, а Егор? А Горынины из четвёртой диван купили. Сегодня привезли, зелёный. А у Тамарки внучка вчера родилась, вторая уже, Анечкой назвали. У бухгалтерши нашей, Петровны, день рождения семнадцатого, отмечать будет. Говорит, ликёр какой-то заграничный купила. Вот только что подарить-то? Тарелку, может, что Сонька мне привезла? Или вазу, что Тереховы на годовщину подарили? Егор, а давай летом съездим куда-нибудь, а? — снова перескочила она на другую тему. — Танька-то большая уже, одна справится. Тамарка в том году в Крыму была, приехала, говорит, там нудистский пляж видела. Бабы на пляже не только сиськи оголяют, а совсем голые ле-

жат. Представляешь? И мужики тоже. Вот потеха была бы поглядеть.

Егор задумчиво повернул голову к жене, переспросил:

— Что поглядеть?

— Нудистов, — говорю. — Срам-то какой. Не знаешь, что ли? Не видел по телевизору?

— Людка, ну что ты мне такой ерундой голову морочишь? — Егор сжал ладонями виски. — Какие нудисты? Ты с ума сошла? Ты голых мужиков не видела, что ли? Ладно б Танька...

— А что? Мне всё интересно. Это ты за своим столом чахнешь, всё бумажки перебираешь. И я из-за тебя все выходные торчу в городе. И отпуск. Мать зовёт-зовёт к себе, твоя же мать-то. Тьфу ты... Ладно бы, хоть денег дали за твою писанину, а то ведь, так сказать, по веле-нию души. А я проще скажу — прихоть это...

Егор во время этой тирады смотрел в окно. Стояла осень. Но не та золотая пора, что так любят описывать поэты, а поздняя — с голыми деревьями, частыми дождями, грязью на сапогах. Егор не любил осень. Вот весна — другое дело. Теплится что-то в груди, просится наружу песня-птица. Да куда там...

— Люда, ну я столько раз уже тебе говорил, — начал он устало, — этот роман очень важен для меня. Возможно, именно он — дело всей моей жизни. Нужно только довести ниточку, не оборвать. И она станет словно бикфордов шнур.

— Какой ещё шнур? — подбоченилась Людмила. — Опять заумь свою плетёшь? Несовременный ты, Егор. В выдуманном мире живёшь. Вот буду как-нибудь уборку делать, возьму все твои эти папочки да листочки — и в помойку.

Егор вскинул на неё глаза.

— Что, и вправду сможешь?

— Да ладно уж, — пошла на попятную Людмила. — Пошутила я. Что волком-то смотришь? Жалко писулек-то? Бумагу жалеешь, а жену нет.

— А что мне тебя жалеть? — завёлся уже и Егор. — Ты вроде не хвораешь. На своих ногах. И дом в порядке. И зарплату получаешь. Чего тебе сегодня в голову втемяшилось?

Людмила с силой стукнула утюгом о доску.

— А то мне втемяшилось, что тоска заела. К Тамарке зайдёшь — пригласят на ужин, стопочку нальют. Семён её ещё на баяне сыграет, а ты как сыч сидишь. Гостей у нас не бывает, а тебя к себе звать кто будет? На лицо глянуть — будто на поминки пришёл. Семёновы, те вон на курорт ездили, Тереховы тоже.

Людмила что-то говорила ещё, но Егор уже вышел из-за стола, прошёл в прихожую, обулся, надел куртку и захлопнул дверь.

Людмила заревела.

— Пакостни-и-и-к, всю жизнь ма-а-аюсь. У всех мужики как мужики-и-и-и: выпьют, погуляют и дальше живут, работаю-ют. А энто-о-от...

Егор шёл по скверу. Замечал, где посажены новые деревья, переделаны дорожки, перекрашены лавочки. Он раньше часто гулял с дочкой в этом сквере — так просто или с велосипедом. «Вот ведь как жизнь учудила, — подумалось ему. — Молодой был, мечтал, как самостоятельным стану, как обязательно поеду на Байкал — красоту необъятную своими глазами посмотреть. Потом отучился. Устроился на работу — бухгалтером на фабрику, да только вместо отчётов всё стихи писал,

так и выгнали. А я и не огорчился вовсе. Где только не работал, куда не заносила нелёткая! Женился на Людке. Дом всегда в порядке был. Не шиковали, конечно, но и не бедствовали. Всё как у людей вроде».

Он подошёл к самой крайней лавочке, которую больше всего любила Танюшка, погладил шершавую деревянную спинку: «Да, выросла дочка-то. Скоро жениха приведёт». Задумался.

— И роман этот... Может, зря всё это и затеял. Люд-ка злится, да-а. Может, и права она: «Выпьют, погуляют», только мне сроду это неинтересно. Презирал всегда пьянчуг этих, слабые они. Может, и зря... Но если так рассуждать, то можно вообще не начинать ничего. Сразу руки опустить. Рот себе зажать. Грызть зубами подушку, но так и не крикнуть ничего миру. А роман... Усольский вроде похвалил. Две главы напечатали. Но так это уж полтора года назад было, а с тех пор продвинулся-то всего ничего, всё развязка никак не складывается, как быть с героями-то — кому счастья кусок отмерить, кому горя. Они ж для меня живые. Как я их убивать — мучить-то стану? Э-эх».

Егор прошёл сквер туда и обратно — на улице было сыро, накрапывал дождь, — свернул в проулок, к дому. А куда же ему ещё идти? Людмилы не было. «Наверное, опять к Тамарке припустила — махнуть по рюмашке. Простовата она, конечно, что говорить. По молодости женился. Танюшка родилась — дочка любимая. Никого у него больше в этом мире не было. А с другой стороны, рядом с ним все эти годы жили его герои, которых он выдумал. Дал им жизнь, придумал судьбу, беды и радости. И за них отвечает он, больше некому».

Зазвонил телефон. Подойдя к телефону, он услышал голос Ермолаева:

— Ты где пропадаешь? Я тебе уже звонил. Представляешь, у Пашки Фокина в издательстве «Медиум» роман взяли. Псевдоним ему придумали — Семён Судиров, и всё — в печать.

Егор поморщился, как от боли. Фокин был абсолютно бездарен, но невероятно активен.

— Сегодня обмываем это дело в «Аисте». Ты придёшь?

— Да как-то неудобно без приглашения. Да и не люблю я Пашку, выскочка он.

— Приходи, ребята все будут. Такой успех! Ну давай, до вечера.

Егор положил трубку и подумал: «Зачем идти? Пашка — неприятный тип, думает девяносто процентов времени о нужных связях и только десять — о самом творчестве. Но, видно, не зря. Вот, роман продвинул». Егор поймал себя на мысли, что завидует Павлу. «Да, брат, вроде ведь творческие люди, парим, так сказать, выше грешной земли, а туда же». Противно стало. Пошёл, заварил чай. «Это как же так получается, что в голове человека, с которым толком и поговорить не о чем, рождается мысль, которая интересна большому количеству людей? Или литература стала таким же бизнесом, как ресторан или казино? Да, Егор, как видно, ты стал старым занудой: злишься на молодёжь. Обошли тебя, вот и все дела».

Егор сидел за столом, постукивая чайной ложкой о его край, смотрел на стену напротив или, скорее, сквозь неё, мысли перескакивали с одного на другое: то думал о своих героях, то ругал Павла и прочих, то вспоминал молодость. За окном стемнело, вечера осенью стали короче и тоскливее: чего-то мучительно жалко, а чего именно — и самому не ясно.

Раздался стук входной двери — это вернулась Людмила. Прошла на кухню, тоже налила чая.

— У Тamarки была? — устало спросил Егор.

— У них.

«Ответила с задором каким-то, с вызовом, — подумал Егор. — Опять, наверное, под гармошку плясала».

— Верка Тamarкина замуж выходит. Свадьбу обсуждали. Планируют банкет в «Ладоге» заказать. Прикинь, во сколько это обойдётся...

— У Фокина книгу взяли, — сказал Егор, перебив её, — в «Медиум», сегодня в «Аисте» обмывают, звали.

— У Фокина?! А я всегда знала, что он далеко пойдёт. Молодец! А ты что же не собираешься? Уже восемь почти.

— Да не пойду я, что мне там? Ты же знаешь моё мнение.

— Мнение, его мнение! Когда Пашку печатать решили, твоего мнения никто не спросил.

— Если бы спросили, — вскинулся Егор, — Пашкиному роману пришлось бы пылиться в архиве, на полке.

— Но не спросили. Так что собирайся и иди, пей с будущей знаменитостью. Может, и тебя потом куда-нибудь пристроит, горе ты моё.

Егор ненавидел, когда она так говорила: что он «горе», что жизнь ей сломал. Чтобы не слушать дальше и не показывать своих чувств, он засуетился, стал собираться. Взял в шкафу чистую рубашку, сменил брюки, на которых остались следы от прогулки под дождём.

Выйдя на улицу, порадовался, что дождь закончился. Во дворе было темно, лампочку под козырьком подъезда разбили дня два назад. Влажный воздух бодрил.

Сел в автобус — не в тот, что шёл через школу и клуб

к нужному кафе, а в объезд по другой части города — мимо пожарки, бани, швейного училища.

Проезжая мимо серо-розового старого здания вокзала, он устало подумал: «Купить бы сейчас билет до Иркутска, там автобусом или ещё как... Исполнить мечту детства, поглядеть хоть одним глазком — и обратно». Но не поднялся с сиденья, прикинул, что через две остановки выходить.

Кафе было в двух домах от дороги. Подходя к зданию, Егор приготовился приветственно улыбаться везунчику Фокину.

Растерянность

Обычно я приезжала на три дня, точнее, на два с половиной. Вечер пятницы традиционно посвящался семье: родителям и бабушке. Мы сидели за столом, обсуждали новости — мои и местные, ужинали, смеялись. Потом бабушка шла смотреть новости по телевизору, отец — гулять с собакой, мама гладила, а я могла «прилипнуть» к знакомым с детства полкам с книгами: гладить корешки, перелистывать, выбрать что-то «с собой».

В субботу я бежала к своей однокласснице Машке, работавшей парикмахером, постричься и потрепаться про общих знакомых. Дальше была Людка с очередным новорождённым: ныне их у неё уже пять, и все мальчики. Потом поход в парк с Лёшкой — первой любовью, превратившейся в долгую дружбу.

Воскресенье было заранее омрачено отъездом, поэтому на него особо ничего не планировалось: ленивый поздний завтрак, сборы. Эта программа могла меняться: например, стричься было ещё рано, а у Людки могли болеть дети, и тогда я ехала к Жанне, гуляла по роще или просто оставалась дома.

В этот раз всё было иначе. Звонок мамы застал меня врасплох. Я как раз провожала на поезд свою подругу из Киева. Кругом шумел вокзал, и мне приходилось переспрашивать:

— Что?

— Папа в больнице.

— Что?

— Папа в больнице. Инфаркт.

Кто-то больно толкнул меня в бок и выругался. Площадь закружилась вокруг, от чемоданов и тележек зарябило в глазах. Прозвучал гудок отходящей электрички.

— Когда?

— Ночью.

— Я приеду. Сейчас. Скоро.

Тут же на вокзале покупаю билет. Еду домой, собираю какие-то вещи, забываю то, что приготовила раньше. Еду обратно на вокзал, долго жду, пока откроются двери вагона, падаю на холодное сиденье к окну.

Поезд идёт уже пару часов. Пытаюсь дремать, но не получается. Вспоминаю, как отец возил нас с сестрой на реку. Стояла жара, очень хотелось купаться. Он хитрил, говорил: «Девчонки, вы собираете ведро смородины на компот, а я везу вас на речку». Что делать — собирали. Потом на берегу он надувал нам круги: мне — лебедя, а Надюшке — котёнка, и мы барахтались в лягушатнике, отделённом от реки маленьким островом. В реке было сильное течение, и туда можно было заходить только с отцом.

А зимой он гулял с нами в парке — катал с горки на санках. Санки подпрыгивали на трамплинах, мы визжали, иногда даже падали, а отец кричал сверху: «Девчонки, вы целы?»

Оттого, что он часто шутит, у него морщинки в уголках глаз.

А когда умерла его старшая сестра, он долго-долго сидел возле дома, на каменной лестнице, и лицо у него было каменное. А мы — мама, сестра и я — были в доме и не знали, чем помочь. Было очень жалко тётю Зою, но страшнее было его молчание.

Вот и сейчас: мама не звонит, и я не звоню. В тишине

слышен только стук колёс, да изредка проходят продавцы журналов и прочей дребедени.

А жизнь, её можно купить? Мне кажется, что некоторым людям нужно выдавать свидетельство о жизни — самым отчаянным, пережившим войну, голод, хождение в школу по пять километров заснеженным полем, смерть близких, предательство, — таким, как мой отец.

Я сижу на диване посреди комнаты. Пытаюсь оторвать заусенец на большом пальце левой руки — не поддаётся. Рядом ходит мама, перекладывает вещи, протирает стол, лишний раз открывает и закрывает дверцы шкафа.

Я пытаюсь понять, что я делаю обычно в это время в родительском доме. Пытаюсь переставлять книги, роняю Чехова и иду обратно к дивану.

Наконец отрываю заусенец — идёт кровь.

В больнице неприёмные часы, поэтому мы маемся дома, ждём. Потом всё же не выдерживаю, еду туда.

Надо ждать. Я стою у окна и с десятого этажа смотрю на жизнь, движущуюся внизу, не замирающую ни на секунду. По трамвайным путям едут машины: кто-то из водителей движется прямо по самим рельсам, рискуя повредить резину, кто-то уходит правее или левее. Подрезают друг друга, криво паркуются. Хочется двумя пальцами взять эти машинки, поставить ровно, упорядочить этот суетный мир, некоторые — помыть. А маленьких человечков внизу — одинаковых в осенних чёрных куртках и пальто — построить в шеренгу и попросить спеть в один голос что-нибудь оптимистичное, вроде: «Пусть бегут неуклюже пешеходы по лужам, а вода по асфальту рекой...» На дворе ноябрь, как раз

время дождей, даже снега, но трава зеленеет, а на деревьях набухают почки. Кажется, что мир сошёл с ума.

По коридору идёт девочка лет четырнадцати, подходит ко мне:

— Пойдём, пойдём со мной! — тянет за руку.

— Куда? — отнимаю руку.

— У меня в палате есть волшебная шляпа, мы надем её и будем загадывать желания.

«Может быть, я тоже сошла с ума? — думаю устало.
— Ну почему, почему так долго?»

В конце коридора показывается врач. Он что-то говорит девочке и идёт ко мне. Я ещё ничего не знаю наверхняка, но слёзы уже набухают в глазах, мешая чётко видеть.

Кольцо

В общем-то, конечно, безделка, но больно дорогая! Два довольно крупных бриллианта в белом золоте. Подарок от когда-то близкого человека. Как говорится: дорого как память. Что кольцо пропало, Соня обнаружила вчера. Вечером собиралась на встречу. Платье выбрала, колготки, туфли, волосы уложила. Показалось, что не хватает детали, которая бы подчеркнула длинные тонкие пальцы со свежим маникюром. Полезла в шкатулку и, увы, кольца не нашла. Для того, чтобы вспомнить, где искать какую-то вещь, Соня обычно восстанавливала в памяти тот момент, когда она эту вещь видела в последний раз и куда убирала. Сейчас она, сколько ни старалась, не могла вспомнить, когда в последний раз надевала кольцо, но все остальные украшения: и изумруд, и опал, и сапфир — хранила в этой шкатулке. Кольца с драгоценными камнями лежали отдельно от бижутерии. Серьги Соня не носила: так и побоялась проколоть уши. Просмотрев лакированный ящичек дважды, Соня стала думать, куда могло деться кольцо. Потерять его на улице девушка не могла: в последнее время она немного поправилась, и украшение сидело на пальце как влитое. Выходит, что кто-то взял его из шкатулки. Но кто?

В общем-то, сделать это было несложно: открыть дверцу шкафа, приподнять крышку ящичка, протянуть руку и – готово! Соня стала перебирать в памяти тех, кто в последнее время бывал в её доме. Ну, сантехник был, чинил кран на кухне. Так она стояла рядом, а потом расплатилась и проводила его до двери. Выходила

только в коридор за кошельком, он никак не мог попасть в комнату. Была соседка – тётя Лена. Посидели на кухне, попили чаю. Пожилая женщина, ей скоро семьдесят, зачем ей воровать? «Ни за что не поверю, что она побежит сбывать в ломбард краденую вещь», — подумала Соня. Приезжал Фёдор Кузьмич — друг отца. Оставил коробки с материалами в прихожей и уехал. Вот, в общем-то, и все «гости». Нет, был ещё один человек в доме — Светка, лучшая подруга, ночевала на прошлой неделе. Ну да, Светка знает, где что лежит, и открывать шкафы ей не возбраняется. Соня скривилась, будто откусила лимон: «Ну и ну! Как же это она могла! Столько лет...» Соня вспомнила, как ещё пятнадцать лет назад они со Светкой покупали одну кофточку на двоих и носили по очереди, благо, жили в разных районах города. Вспомнила, как восхитилась Светка, впервые увидев подарок Руслана.

— Раскошелился, — ухмыльнулась Соня.

— Ну при чём тут это? — возмутилась подруга. — Дело ведь не в цене. Зато теперь ты можешь носить это кольцо и, глядя на него, вспоминать Руслана. Мне вот очень хочется, чтобы Коля подарил мне хоть серебряные серёжки, я бы радовалась подарку, потому что от него, и, глядя в зеркало, вспоминала бы о нём и лишний раз улыбалась. Разве не здорово? Но говорить что-то боюсь: подумает, что я корыстная, что мне только подарки и украшения подавай.

— Ну и дурочка! По мне — хоть от него, хоть от кого другого, бриллианты на дороге не валяются.

Вспомнилось ещё Соне, как под Новый год они со Светкой планировали поехать в Европу, побродить по заснеженным улицам, украшенным к Рождеству, закупить подарков-мелочей. В итоге Соня уехала с Русла-

ном на Гоа, а Светка так и просидела дома весь отпуск, разве что покрасила стены в ванной. Сейчас девушке казалось, что та, другая, всегда завидовала ей. Память подсказывала одну за другой ситуации, где подруга выглядела не лучшим образом. И на день рождения к Соне не приехала: отговорилась, что заболела. И когда Соня решила пройти в салоне курс массажа и обёртываний, заявила: «И на моей улице будет праздник!»

«Да, точно Светка, кому ж ещё? Не было больше никого в доме», — вздохнула Соня. И, как бывает в тех случаях, когда ясно осознаешь, что близкий человек поступил подло, вдруг становится понятно, что он и раньше был таким, просто ты не замечал.

Утром Соня решила позвонить Светке, хотя и волновалась.

— Алло! Как делишки? Да? Светик, тут такое дело... Ты кольцо моё не видела? Какое? То, что Руслан подарил. Нет? Точно не видела? Ну, если вдруг вспомнишь — набери. Да. Пока.

Девушка все ещё держала телефон в руках, трубка гудела.

«Говорит, что не видела. Ну, а ты что хотела, чтобы она призналась, что спёрла у близкой подруги дорогую вещь? Как же, дождёшься! Всё, пропало кольцо. Жалко, конечно, зато буду знать, кого не пускать в дом».

Прошло полтора месяца. Светка пару раз звонила, но разговор не клеился. Как-то в пятницу она вдруг приехала к подруге и спросила прямо с порога: «Ты что, воровкой меня считаешь?» Соня промычала что-то в ответ, поскольку давно решила для себя этот вопрос положительно. Светка хлопнула дверью и уехала.

Осень закончилась как-то внезапно: в ноябре выпало много снега. Соня стала разбирать шкаф в поиске

тёплых носков. «Вот они, мои любимые, с собачками. И просто тёплые шерстяные, и...» Вдруг из одного носка выпало что-то и покатилося по полу. Это было пропавшее кольцо.

Соня какое-то время смотрела на него, а потом вдруг вспомнила, как к соседке пытались пробраться воры, та напугала девушку, и Соня спрятала деньги и это кольцо в носок. Вот ещё и оставшиеся двести долларов нашлись. И Светка не виновата, хотя могла... Или нет? Ведь тогда, в школе ещё, она не выдала Ларисе Игоревне, что это Соня разрисовала классный журнал. И прикрыла, когда Руслан не мог дозвониться Соне, потому что у неё было свидание со Стасом. А сколько слёз она пролила подруге в телефонную трубку и «в жилетку» на кухне. Девушка подняла кольцо, надела на палец, подошла к окну, покрутила кольцо на пальце, поёжилась. «Да, холодно сегодня, нужно и впрямь надеть носки».

Мысль извиниться перед Светкой пришла внезапно, въедливой занозой засела внутри. Соня пыталась отмахнуться, вытащить её и выбросить подальше. «Ну, подумала на неё, всякое бывает! А на кого ещё было думать-то?!» Перед Новым годом было много работы, встреч, каких-то дел, в общем, обычной предпраздничной суеты. Соне вспомнилось, как они год назад сидели со Светкой в кафе, вот здесь, в сквере, мимо которого проезжала сейчас Соня, и гадали, что принесет им этот год — радость, удачу или слёзы и разочарования? Ничего особенного не принёс. Работа как работа. Любовь... Да нет её на свете, любви-то: так, встречи-расставания, каждый человек другому — лишь временный попутчик. Вопрос времени... Соня развернулась и поехала к подруге.

Светка открыла дверь, разговаривая по телефону:

— Да, хорошо! Я буду часа через полтора. Я тоже тебя целую.

Глазами показала Соне: проходи.

На стуле были развешены платья, было видно, что Светка куда-то собирается. Когда она закончила разговор, улыбка не то чтобы исчезла, но скорее превратилась в гримасу, глаза подёрнуло холодом.

— Чем обязана?

— Я тут ехала по проспекту, вспомнила, как мы с тобой сидели в кафе, поняла, что очень давно тебя не видела.

— Так ты и не хотела, наверное. С воровкой неприятно было общаться.

— Свет, я нашла кольцо.

— А-а, ну хорошо хоть так! И давно?

— Что давно?

— Нашла давно?

— Где-то с месяц...

— Спасибо, что хоть сейчас сообщила. Ты приехала снять с меня почётное звание kleптоманки?

— И это тоже. Я просто давно тебя не видела. А мы никогда не ссорились надолго.

— Мы и сейчас не ссорились. Сонь, мне нужно собираться. Меня ждут.

— У тебя новый молодой человек?

— У меня — любимый человек, — отрезала Светка.

— Можно я посижу, пока ты будешь собираться? — попросила Соня.

— Посиди, но я быстро, ещё нужно доехать, сама знаешь, какие перед Новым годом пробки.

— Новый год с ним встречаешь?

— С ним, — глаза Светки снова потеплели. И знаешь, — она вдруг словно вспомнила, что перед ней лучшая

подруга, — я так счастлива! Мы ведь с тобой в кафе думали, гадали, планировали, что год принесёт. А тебе он что принёс?

— А мне... похоже, забрал, — Соня отвернулась.

— Я тут шубу купила, — Светка уже не слышала её, она кинулась к шкафу, достала короткую светлую шубку из стриженной норки, надела прямо на футболку, покрутилась.

— Тебе идёт!

Подруга улыбалась и, похоже, и впрямь была счастлива. Она повесила шубу в прихожей и вернулась к Соне.

— Думаю, какое платье надеть — серое или бежевое?

— Бежевое, тебе всегда шёл этот цвет. Свет, я, пожалуйста, поеду.

Соня надела сапоги, подкрасила губы. Светка в комнате гладила платье, напевая что-то под нос. Взгляд Сони упал на новую шубу подруги: на воротнике блестела большая перламутровая пуговица. Соня с силой дёрнула за пуговицу, положила её в карман и вышла, не попрощавшись.

Кощей

Мы не знали, когда и откуда появился новый жилец. Худой, иссохший, он вселился в квартиру номер один на первом этаже первого подъезда. До него в квартире жила ослепшая баба Нюра, детей у неё не было. «Туберкулёзник», — слышался шёпот взрослых. Жилец почти не выходил из квартиры, а когда вдруг шёл, ни на кого не глядя, по двору, казалось, что его собьёт с ног лёгкий порыв ветра.

Не помню уже, кто — Танька, наверное, — вдруг закричал: «Смотрите, Кощей идёт». Так и прицепилось: Кощей. Жили мы все в первом подъезде, квартира Таньки была через стену от Кощея, моя и Машки — вверх по стояку. Заходя в подъезд, мы всегда проверяли, не открыта ли дверь в первую квартиру. А если она вдруг была приоткрыта, прошмыгивали мимо стрелой.

Никаких дружб и общений сосед не водил. Люди не знали, то ли он сидел в тюрьме, то ли лежал в туберкулёзном санатории или больнице, оттого побаивались его и держались в стороне. Он никогда не приставал к нам, детям, не задавал вопросов, не пугал, просто проходил мимо почти незаметной тенью, словно извиняясь за своё присутствие в этом мире.

Во дворе в саду было много яблок, мы часто собирали их на шарлотку. В тот день, набив карманы и завязав футболки узлом на животе, мы несли свой яблочный улов домой. Вдруг из подъезда вышел Кощей. Он посеменил своей шаркающей походкой вдоль дома. Мысль

пришла внезапно: а если кинуть в него яблоко, он рассыплется?! Мы обогнули дом, зайдя с другой стороны, и все разом кинули ему в спину свои «камни». Когда он обернулся, нас уже скрывали кусты. Яблоки были мелкие, но Кощей словно ещё больше согнулся от ударов и ускорил шаг. Нашим родителям он, разумеется, не пожаловался.

А потом случилось то, что случилось. В тот день все взрослые были на работе, а дети в школе. Только я заболела и осталась дома. Со мной оставили и четырёхлетнего брата. Проснувшись я от шума за входной дверью. Посмотрела в дверной глазок: вся лестница была полна дыма, и в этом дыму мелькали фигуры людей — они спешно спускались вниз. Я побежала к домашнему телефону, чтобы позвонить отцу: он работал очень близко, в нескольких домах от нашего, и у него в кабинете был телефон. От волнения я никак не могла попасть пальцами в кружки циферблата. Наконец набрала номер и выдохнула: «Пожар». Это слово спустя двадцать лет ещё раз спасёт мне жизнь, но тогда я только помню, как отец стучал в дверь, как пожарные вынесли меня в одеяле, хотя мне было стыдно: я ведь была уже «взрослая».

На улице валялся обгоревший матрас, стояли люди. Говорили, что сосед закурил в постели и уснул. Я смотрела на этот матрас, и мне было нестерпимо стыдно, что мы обижали Кощея. Захотелось извиниться. Но после больницы он в свою квартиру не вернулся. Уехал куда-то...

Облака

Первые двести километров всё было нормально, но потом она неправильно повернула с трассы и только через пару промелькнувших мимо деревень поняла, что следует вернуться. Дорога была спокойная, машин мало, справа и слева поля или небольшие посадки — всё яркое, сочное, летнее. Проехав последний на пути райцентр, Юля свернула на более узкую дорогу, проходящую через деревни, словно нитка, на которую насажены разноцветные линиялые домики, осевшие в землю почти по самые окна. На дорогу выбегали куры, плавно вышагивали гуси, играли деревенские ребяташки. Иногда на обочинах попадались коровы. «Чёрт бы тебя побрал, Игорь! — самозабвенно ругалась Юля. — Если бы не твоя чёртова щепетильность, лежали бы сейчас в джакузи в каком-нибудь приличном пансионате. И я не тащилась бы в эту дыру. А вообще, — взглянула она на часы, — мог бы уже и позвонить». Вскоре поток эмоций был остановлен указателем «Деблово 3 км». Юлино любопытство взяло верх. Снова указатель. Неспешно проехав пару домов, она остановила машину на обочине и пошла к стоявшей возле калитки бабуле.

— Не подскажите, где дом Катерины Клюевой?

— Что, дочк?

— Катерина Клюева где живёт — не знаете?

— Отчего ж не знаю?! Знаю я. Вона тама, дальше по дороге голубой дом, — старуха махнула рукой вдоль улочки.

— Ступай, моя, тама Катерина живёт.

— Спасибо, — кивнула Юля.

Подъехав к голубому дому, она остановилась и ещё какое-то время оставалась в машине. «Как зайти? Что сказать? Вот я, ваша племянница, здравствуйте? Вы рады? Всего-то лет пятнадцать не виделись», — Юля недобро усмехнулась.

В её памяти осталась тихая женщина, побывавшая в их доме после похорон мамы. Образ был нечёткий, стёртый временем с ненадёжного негатива Юлиной памяти. Больше навестить племянницу Катерина не приезжала.

Юля уже ругала себя за то, что поддалась этой затее. Как-то вечером, покупая в магазине книги, на кассе увидела атласы автомобильных дорог — большие красные брошюры с жёлтыми надписями: Тверская область, Тульская, Липецкая... «Интересно, — подумала Юля, — а есть на этой карте ДеблOVO?» Купила атлас, вечером, сидя на диване с коробкой пиццы, нашла деревушку. Тогда же пришло решение ехать.

Отцу она решила ничего не говорить, она частенько уезжала с друзьями за город на выходные: в пансионат, на чью-нибудь благоустроенную дачу или просто на пикник. Деревню Юля не любила. Дороги — не проехать, как дождь пройдёт — грязи по колено. Удобства на улице. Да ещё скотина, которую некоторые держат прямо в доме. Брр.

И вот теперь она стоит возле забора и не знает, что делать. Но уехать, не повидавшись, не узнав, кто у неё здесь остался, будет глупо. Так что нужно идти, потом, возможно, ещё придётся возвращаться в город. На всякий случай записала номер телефона гостиницы в райцентре: может, вовсе не рады будут здесь неожиданной гостье.

Она толкнула калитку, зашла на крыльцо, постучала в дверь. Откуда-то сбоку послышалось:

— Щас я, щас, потерпи, Милка.

— Я не Милка, я Юлька, — удивилась девушка.

— Да это я корове, — из-за угла появилась полная женщина в тёмном платке, обрамлявшем её загорелое лицо.

— Как, говоришь, тебя звать? — она с интересом оглядела девушку, которая ещё не успела переодеть светлые брюки и открытые сандалии. — И кого ты здесь ищешь?

— Ключеву Екатерину, — Юля вглядывалась в черты лица женщины, но не могла уловить в них ничего знакомого: от мамы остались считанные блёклые чёрно-белые фотографии.

— Ну, я Ключева Екатерина, а ты кто да откуда по мою душу?

— Я Юля, Танина дочка, ваша племянница, из Москвы приехала — познакомиться.

По лицу женщины скользнуло удивление и недоверие.

— Юля? Племянница? Помню, что Татьяна дочь родила — давно это было. Да. Да померла Танька. В городе. Врачи там, больницы. А не спасли. Ей цыганка ещё в школе нагадала, что не надо ей замуж ходить — беда будет. А когда Володька появился, она все предсказанья и позабыла. Да... Только было я подумала, что и дочка за матерью отправилась: известий уже лет пятнадцать как не было, если не больше. Исчез Володька. Думала, нет у меня племянницы, во сырой могиле спите обе.

— Ну, нет так нет. Раз похоронила ты меня, так что же старое ворошить. Поеду я. Увиделись ведь.

— Да погоди ты, заполошная. Поедет она. Не моя же вина, что не знались-не виделись. Жизнь так развела.

Я от своего хозяйства ни на шаг. Корова, свиньи, гуси, утки, кролики были. А от отца твоего ни письма, ни открытки. У тебя вещи-то какие есть? Проходи в дом, вечером Федька приедет — сын мой, с братом, стало быть, познакомишься. Завтра в лес ходим по ягоды.

— Вещи в машине, — ответила девушка, подумав, что поверили ей на слово, даже паспорта не спросили. — Можно мне её во двор, поближе переставить?

— Вот прямо сюда и загоняй, чтоб никто не позарился.

Юлька переставила машину и вошла в дом. Тут же головой ударилась о низкую притолоку и взвизгнула от боли:

— Чёрт!

Внутри дом состоял из маленьких помещений-клетушек: в первом валялась разнообразная разношенная обувь и стояла непонятная ветхая тумба. Во втором — древняя газовая плита и стол, на котором лежало несколько яиц. Следующее помещение было проходное. Одна дверь вела в большую комнату, где стояли стол, диван и буфет, а другая — в комнату с печкой, умывальником и дверцей в сени. Юля по ошибке прошла туда. В сенях стояла банка молока, Юля потрогала банку: молоко было ещё тёплое. Видимо, Катерина как раз доила корову, когда она приехала. Чуть поодаль, в стойле, стояла сама Милка, кося на Юлю крупным глазом цвета спелой сливы и обмахиваясь от мух хвостом.

— Юля, ты куда ушла-то? — Катерина стояла в проёме двери, стаскивая платок с тёмных, как и у Юли, волос с мелкими серебряными нитями седины.

— Пойдём, накормлю тебя с дороги. Только у нас всё простое, своё.

Она положила в тарелку дымящейся картошки, достала масло, яйца, наполнила большую кружку молоком из той банки, что стояла в сенях, отрезала большой ломоть белого хлеба. У Юли даже в желудке засосало.

Уже после того, как она поела, Катерина спросила:

— Отец-то как, живой? Женился?

— Да, женился. Очень давно. Ира меня и воспитала. Я маму почти не помню — так, отдельные картинки. Если бы они скрыли правду, я так бы Иру мамой и называла. А у тебя, тётя Катя, один сын?

Катерина вздохнула:

— Два было, Юлечка, два. Фёдор и Семён. Семён как-то убежал с ребятами на рыбалку, Фёдора отчего-то не дождался, да там на пруду и утоп.

Она ещё раз вздохнула и прошла за полог, которым была отгорожена часть большей комнаты. За пологом Юля увидела кровать, рядом с которой на стене висел ковёр с изображением оленей.

— Я тебе здесь постелю, чтобы потише и поспокойнее. Фёдор, видно, поздно будет. Он у меня тут при комбинате шофёром работает. Я рано встаю корову доить да выводить, а ты спи. Юля вышла во двор в поисках удобств. Прямо напротив деревянного домика была лужа. А с той стороны, где можно было бы её обойти, торчал острый край металлического жёлоба, свисающего с крыши. Девушка пожалела, что не достала из машины сапоги. Наскоро сполоснув лицо водой из умывальника, она легла на кровать, вдыхая незнакомые запахи деревенского дома. «Почему он так и не позвонил?» — подумала, уже засыпая.

С утра Юлю разбудил петух. Он настойчиво кричал своё, и никак нельзя было это прекратить — выключить, как будильник в мобильном телефоне. Очень хо-

телось пить. Юля потихоньку вылезла из-за полога и, надев шлёпанцы, пошла к умывальнику, где стоял бак с колодезной водой. Наклонилась зачерпнуть.

— Доброе утречко! — раздалось из-за спины.

Юля от неожиданности уронила кружку, обернулась и, увидев в проходе высокого бородатого мужчину, попыталась притянуть футболку к коленям.

— Аа, Иван, ты, — вошедшая Катерина, похоже, ничуть не удивилась его присутствию. — Знакомься, Юля, это Иван — сосед наш. А это моя племянница, Юля.

— Рада познакомиться, — кивнула Юля, прошмыгнув в комнату за джинсами. Когда она вышла, Катерина обсуждала с соседом что-то насчёт хозяйства.

— Тётъ Катъ, да я тебе говорю, что сам съезжу, не переживай ты.

— Ну как мне не переживать: Фёдор на работе, а если помрут куры? Ни мяса тогда, ни яиц.

— Да привезу я тебе этот порошок, буду во вторник в районе и привезу.

Когда Иван повернулся в её сторону, Юле удалось получше его рассмотреть, и она поняла, что, несмотря на бороду, он молод, едва ли старше тридцати.

Увидев Юлю, Катерина захлопотала по хозяйству:

— Давай, завтракать садись. Что будешь-то? Бери вот: хлеб, сыр, яйца. Фёдор-то ещё на сутки остался, а я думала: в лес нас отвезёт, за ягодами. Я, было, хотела предложить на твоей машине доехать, да по нашим ухабам тебе не с руки куролесить. Придётся завтра с самого утра набрать кузовок: так, на еду тебе.

Иван, до этого тихо попивающий чай, вдруг предложил:

— Тётъ Катъ, а давайте я вас в лес отвезу, всё равно ж без Фёдора на рыбалку сегодня не поеду.

— А и правда, с тобой-то спокойнее по лесу... Я сейчас соберусь, да поедем.

Юля съела пару домашних деревенских яиц и вышла во двор. Солнце радостно било в глаза, и жизнь в деревне не казалась такой уж мрачной, как мерещилось Юле.

«Интересно, что сейчас делает Игорь? Едет с семьёй на дачу?»

Подошёл Иван.

— Тётя Катя сейчас выйдет, и поедем. У меня машина — вон, прямо за воротами. А ты к нам надолго?

— Да нет, на выходные. Потом на работу.

— А чем ты занимаешься?

— Перевожу с немецкого: книги, документы.

— Майне кляйне поросёнок вдоль по штрассе покакал... — заулыбался Иван.

— Оо, в школе немецкий учил?

— Не, — покачал белокурой головой сосед, — французский. Да не помню ничего. Зачем мне французский на хлебозаводе? Я электриком там. А вот и тётя Катя идёт. Сейчас ягод наберём: варенье сварить и так поешь.

Юле стыдно было признаться, что она не знает, как варить варенье. Она просто покупает в супермаркете аккуратные баночки с джемом, которые любит мазать на хлеб Ирина.

— Я сейчас. Только переоденусь. Вчера вещи из машины не взяла.

Иван суровым деревенским взглядом окинул её новенький опель.

Юля усмехнулась: «Интересно ему, а попросить посмотреть стыдно. Думает, я и водить-то не умею». Юля представила здорового Ивана в её маленькой машинке в центре Москвы и уже вслух рассмеялась.

Иван оставил свой газик возле леса, в тени деревьев, и они вышли на огромный луг, усыпанный красными горошинами луговой земляники. Она была спелой и душистой, и первое время Юля клала ягоды только в рот, минуя корзинку, выданную Катериной. Затем по одной — две ягоды стали попадать и туда. Уже несколько часов провели они на лугу: корзина Юли была наполнена до половины, а Катерина собрала полную и принялась за вторую.

Юля думала об Игоре. Их встреча была случайной, и знакомство должно было закончиться в тот же день, что и началось, а растянулось на долгие-долгие месяцы её тоски и ожидания: когда он позвонит? когда напишет? У Игоря была семья, росли два сына. В начале их романа Юле, как и другим молодым и влюблённым девушкам, казалось, что со временем все препятствия между ними исчезнут и настанет безоблачное счастье. Конечно, у него давно с женой ничего нет. Конечно, он не может бросить детей. Вот они немного подрастут. Надо подождать, подождать. Ещё немного подождать. Он звонил, когда ему было удобно. Когда звонила она — злился, отсоединялся. Выходные часто проводил с семьёй. Но она терпела всё это, лишь бы увидеть его снова, прижаться к его сильному телу, ощутить, как его губы скользят по её шее.

«Он так и не позвонил вчера. Может быть, написал? Надо срочно набрать Дашу и попросить проверить почту. Чёрт, телефон вне зоны действия сети. Вернёмся — обязательно наберу».

Ягоды слились в одну красную массу, хотелось отбросить корзинку и найти, наконец, телефон. Внезапно налетел ветер. Девушка подняла голову и увидела

огромную чёрную тучу, приближающуюся из-за леса. Из неё вырывались серые вихри, словно лапы, они тянулись в сторону луга, к Юле. Трава полегла, пыль поднялась на дороге. Зрелище было столь захватывающим, что Юля не сразу услышала крик тётки — зов в машину. Она замерла под этим небом, словно сошедшим с полотен великих художников, стараясь уловить каждое движение стихии. Потом всё-таки опомнилась, побежала. Она успела запрыгнуть до того, как по кузову замолотил дождь — резвый и меткий дождь летней грозы.

Когда они вернулись в дом Катерины, дождь утих. Юля мерила шагами площадку возле курятника, набирая Дашкин номер.

— Привет! Ты не занята? Я сейчас не в Москве, ты не могла бы посмотреть мою почту? Логин — juka, пароль — мой день рождения, год полностью. Посмотри: есть письмо от Игоря? И сразу же перезвони мне, хорошо?

Юля стояла в сотнях километров от Москвы, от дома, от Игоря, возле старого осевшего сарая, сжимала в кулаки руки и чувствовала, будто он где-то рядом, совсем близко, стоит только протянуть руку и дотронуться. И ещё сильнее сжимала кулаки. Она понимала, что вляпалась в некрасивую историю. Что так быть не должно. Этот мужчина — чужой. Она не хотела никому причинять боль. Но и оставить его не могла. Стоило только подумать, что больше не увидит его умное лицо, пронзительные глаза, не погладит тёмные волосы, сквозь которые начинает пробиваться седина... Она понимала, что это тупик, что ничего не изменится, лишь её смоем волной с этой лодки.

«Как я могла так разнюниться?» — Юля плакала. Небо было серым. Несмотря на то, что дождь закончился, было понятно, что вскоре он повторится. Чёрная

туча со своими серыми лапами ждёт где-то поблизости. Зазвонил мобильный.

— Написал? Что там? Какие это дни недели? Да, конечно, среда. Нет, не пятница. Напиши сейчас же, что в среду! — прокричала в трубку Юлька и снова заплакала.

Завтра понедельник, и она планирует вернуться домой. Во вторник нужно попытаться попасть в салон красоты — привести себя в порядок. А в среду она наконец увидит Игоря.

Из дома вышла Катерина:

— Юль, ты здесь? А то я тебя уж потеряла, забеспокоилась, всё-таки городская ты, непривычная. Расстроилась, чоль? Домой захотелось? Замуж тебе надо, годков-то уже достаёт...

Катерина продолжала говорить, не подозревая, что льёт горячий воск на Юлину рану.

— Есть у тебя жених-то?

— Есть... друг.

— Как друг? Друг-то это друг, а жених — совсем иное дело.

— Так. Ни то, ни сё, — вздохнула Юлька. — Это я так думала, что он у меня есть.

Слёзы потекли снова.

— Ну, ну, — Катерина положила руку ей на плечо, потрепала, не решаясь обнять, — приедешь домой, поговоришь с ним, всё и решится.

— Поговорю...

Юля не знала, о чём с ним говорить. О жене и детях он не рассказывал. Мечтать о совместном будущем и строить планы не приходилось. Обсуждать с ним своих друзей было ни к чему. Чтобы иметь общие интересы, нужно хотя бы ходить куда-то вместе, а они не

ходят. Он боится огласки. Да и Юле не нравится, когда судачат за спиной. Про Игоря знают только две близкие подруги. Так противно прятаться по чужим квартирам. Как всё надоело....

— Пойдём, холодно. Молока попьёшь, а то где потом в городе придётся... Я тебе завтра ещё банку дам.

— Да куда, тётъ Катъ, ехать-то далеко, скиснет.

— А может, довезёшь. Родителей напоишь.

— Тётъ Катъ, я ведь не сказала родителям, куда еду.

Тётка замерла.

— Отчего ж? Стесняешься нас, деревенских? Ни чета вам?

Юля порывисто и неловко обняла тётку:

— Нет, нет, что ты. Понимаешь, это был порыв, словно потянуло что-то. А для них это прошлое, поросшее быльём. Отец начнёт расспрашивать, вспоминать маму. Ира нервничать. Зачем это? Есть только я — у вас, а вы — у меня.

Катерина оттаяла:

— Что ж ты, Юлька, раньше-то? Эх, — махнула рукой, — ну да хоть теперь не пропадай!

Возле дома им снова встретился Иван.

— Фёдор-то ещё не приехал, тётъ Катъ?

— Да нету пока чой-то. Вань, да ты не уходи, Юле, небось, со мной скучно — со старухой. Может, прогуляетесь по деревне? Только оденьтесь теплее или в доме телевизор посмотрите.

Юля согласилась пройтись. Иван накинул ей на плечи свою куртку — «тепло, тётъ Катъ», — и они двинулись вдоль домов к дороге, что вела к старой церкви.

— Нравится тебе у нас? — спросил Иван после долгого молчания.

— Хорошо. Воздух такой... вкусный, — Юля улыбну-

лась и посмотрела на небо: оно прояснилось, и вместо туч появились светлые облака.

— А тебе завтра на работу обязательно? Может, ещё останешься?

— Вань, мне и правда надо ехать. Никто не знает, что я здесь. Спасибо, что свозил сегодня в лес. Я уже и не помню, когда вот так ягоды на лугу ела. И дождь какой был красивый.

— Смешная ты: дождь красивый.

— Может быть, и смешная. А тётя Катя добрая: приняла меня как родную.

— Да ты же и есть родная ей, куда уж родней-то?

— Родная... Столько лет не появлялась.

— Так ты же маленькая была.

— Да, а теперь выросла... только не поумнела, — грустно добавила Юля.

— Ладно тебе на себя наговаривать. Ты это — грустить брось. Я тебе сейчас нашу церковь покажу. Тут когда-то усадьба старинная была — на кирпичи разобрали, а в этой церкви местный помещик венчался. Говорят, что его потом жена того... убила. Врут, наверное.

— Кто знает... Может, изменял ей со служанками, вот и убила.

— Идём, только не оступись здесь.

Юля любила старые камни, разрушенные здания. Любила представлять людей, которые когда-то там жили. О чём они думали? Чем занимались? Из-за чего страдали?

День получился насыщенный, яркий, словно праздник. Юля будто бы ожила на свежем воздухе, и сама уже пожалела, что не оформила на работе пару дней отпуска.

Они уже подходили к дому, когда Иван вдруг взял

её за руку: «Не уезжай! Поедем завтра на пруд. Там заход хороший, ребята песка насыпали. Поплаваешь, а я рыбы наловлю. Пожарим». Юля мягко его отстранила:

— Когда-нибудь ещё увидимся. Извини, меня дома ждут.

Во дворе послышался шум мотора: это вернулся Фёдор и разворачивал свой грузовик.

Вышла тётя Катя. Процедура знакомства повторилась. Фёдор извинился за свой вид:

— С работы я, грязный. Двое суток не спал. Утром ещё побалакаем, сестрёнка.

Катерина увела Юлю в дом, Иван отправился к себе.

— Ванька-то наш глаз с тебя не сводит, — Катерина вновь поставила чайник и подмигнула Юле. — А то, может, останешься? Парень он хороший, непьющий. Ну так, если рюмку-другую по праздникам. Электриком работает, калымит ещё где придётся, всегда рубль имеет. Он бы тебя на руках носил. В доме всё своими руками делает. Мать его одна тянула, так он сейчас её в санаторий отправил: отдохнуть, подлечиться.

— Тётя Катя, а любовь как же?

— А какая любовь? Я вот девчонкой замуж вышла, сразу дом, хозяйство, потом дети. Некогда было о любви думать: то корову доить, то сынка кормить, то гусей выгонять, то курицу рубить.

— Но сейчас же время другое. Люди другие.

— Что ты, Юлечка, люди всегда одинаковые. Люди бывают или светлые, честные, порядочные, или с червоточиной. У нас ведь не все такие, как Ванька. Этот, если надо, всегда поможет. И даже если не просишь — поможет. А с другой стороны Матвей живёт, так тот только и может, что собаку свою на курей травить да яблоки воровать. А один раз и вовсе камень в окно бро-

сил. Так что ты подумай: такие, как Ванька, на земле не валяются.

На следующее утро Юля уехала.

Провожали её тётка с Фёдором. Иван подошёл, молча руку пожал.

Дорога домой всегда короче той, что от дома. Привезла она молоко и яйца, сказала, что купила в какой-то деревне по дороге из пансионата.

На следующий день с утра помчалась в салон красоты, и пока ей красили и стригли волосы, делали маникюр и педикюр, не переставала думать об Игоре. Выходные в деревне стёрлись перед предстоящей встречей с ним. Юля думала, как она войдёт, что ему скажет и что он ответит. Останется он или уже через час уедет домой.

Она приехала за полчаса до назначенной встречи, сидела в машине и теребила мобильный. Руки дрожали. «Господи, только бы голос не дрожал!»

Она видела, как подъехал Игорь на тёмной тонированной машине, как вышел из неё, поигрывая ключами, вошёл в подъезд. Она не находила в себе сил двинуться следом. Следила за стрелкой часов: «Вот сейчас, без пяти, пойду».

Он открыл ей дверь — «какая ты красивая!» — и сразу прижал к себе. Юбка упала к ногам...

«Давненько не виделись», — позже заметил он и тут же стал собираться.

— А разве... — начала было Юля.

— Извини, малыш, сегодня ещё дела, — заколка для галстука уже ровно сидела на законном месте. Шнурки ботинок завязаны.

Игорь на бегу чмокнул её в щёку, хлопнула дверь.

И потянулись долгие дни ожидания.

Пришла осень, и дожди стали нормой. Юля несколь-

ко раз звонила тётке, та рассказывала про хозяйство, про Фёдора. Юля вспоминала солнечные дни, проведённые в деревне, неловкого Ивана, прогулку, землянику.

За это время она всего несколько раз виделась с Игорем. Та встреча, после деревни, была памятной. Игорь сказал, что тоже соскучился, и они до боли сжимали друг друга в объятиях. Но и в другой раз, и в последующий всё было иначе. Его лицо выражало скуку и равнодушие. Юля старалась не думать, кто ещё бывает в этой квартире, которую он снимал якобы для работы. Он целовал её на прощание – «увидимся» — и исчезал на неопределённый срок. А Юля снова сходила с ума, пила успокоительное, принимала ванну, занималась йогой, но ничего не спасало.

Во сне она видела огромные здания с пустыми окнами-глазницами, где в одной комнате был он, а в другой — она, и какие-то люди, а их было великое множество, никак не давали ей к нему пробиться. В другой раз во сне были старые развалины. Ей нужно было пройти через них, чтобы увидеть его. Она шла, а под ногами падали балки и сыпалась штукатурка, и казалось, что следующий шаг будет последним в её никчёмной жизни. Просыпалась в слезах, снова пила успокоительное. Даже родители заметили, что она стала очень раздражённой, дёргалась по любому поводу. Она понимала, что не может ему позвонить, не может написать гневное письмо, потому что это будет означать конец. Но это и был конец, только замедленный и оттого ещё более мучительный. Он переносил встречи, забывал написать. Он устал от своей игрушки, точнее, она просто перестала быть новой.

Зима выдалась тяжёлой. Юля много болела. За три месяца она виделась с Игорем дважды, и каждый из них ей казался последним.

— Ты не хочешь меня больше видеть? — пыталась поговорить с ним Юля.

— Почему ты так решила?

— Ты не пишешь, не звонишь мне, я не знаю, где ты.

— Юленька, а тебе это и не нужно знать. Ты мне не мама, не жена. У меня действительно много работы и разных проблем. Появится время — позвоню.

На Новый год Юля отослала Катерине подарок — льняную скатерть. Тётка прислала ей новогоднюю открытку. Писала, что всё в порядке, скотина цела, жаль, что Юля не приезжала за яблоками: «Уж очень их было этот год много». Юля вспоминала свою поездку, тот день на лугу, чёрные тучи — предвестники её несчастий. Нет, на самом деле всё началось гораздо раньше. Просто она этого не замечала.

Игорь даже не поздравил её с Новым годом и вообще пропал на все праздники.

Уже в середине месяца прислал короткое письмо: «С прошедшим! Как поживаешь?» Ещё раз они случайно встретились в городе, он пролетел мимо — чужой равнодушный человек, знающий каждую родинку на её теле.

Весна для Юли началась ещё хуже зимы. Она любила это время года, когда сердце оттаивает, словно сырая земля, и хочется кружиться, срывая шапку, и что-то напевать под нос. В самом воздухе веет любовью. Хочется вдохнуть ещё глубже, и совсем оторваться от земли, и

плыть, не касаясь лужиц подошвами демисезонных сапог. А в эту весну словно выкачали весь воздух. И дышать Юле было тяжело, словно астматику, забывшему в гостях ингалятор. Игорь был далеко, с кем-то ещё, и весь мир сузился до одной мысли: он не напишет. Подруги пытались вытащить Юлю из дома развестись, но ни улицы, ни знакомые лица подруг, ни алкоголь — ничего не срабатывало. Юля возвращалась домой и падала ничком поперёк кровати.

Есть что-то возвышающее в страдании. Как только начнёшь себя жалеть, и уже нет сил остановиться. И внешние проблемы, и чужие доводы уходят прочь. Ведь ты страдаешь — незачем отвлекаться.

В один из ясных дней апреля умер отец. Это событие вывело Юлю из оцепенения, но повергло в ещё большую пустоту и одиночество. Они с Ириной бродили по дому, словно две тени больших раненых птиц. Одна боль заменила другую. Да разве болью была та, прежняя?

Ей было одиноко, хотелось любви и тепла, и тут появился он: уверенный, умный, внимательный. Они иногда встречались — так, чтобы это не мешало его семейной жизни. Чтобы Юля не мешала ему жить. А она жила только им...

Юля как-то притихла, стараясь занять своё время будничными делами. Чтобы отвлечь Иру и отвлечься самой, предложила ей сделать ремонт. Та отказалась:

— Пусть всё будет так, как было при отце. Мне так легче его вспоминать.

Юля поняла и даже пожалела о своём предложении. Она хотела в начале лета поехать к тётке Кате, но новая работа потребовала больше времени и усилий. В августе пришла открытка от Фёдора — приглашение на свадьбу. Юля выклянчила отгул и поехала. Тихим вече-

ром она стояла возле того же старого сарая, где год назад захлёбывалась от желания прыгнуть в машину, пересечь все расстояния и обнять Игоря. Вспомнила свои слёзы, звонки Даше, мгновенный порыв на мановение кончиков его пальцев. Кто бы мог сейчас рассчитывать на то, что она проедет шестьсот километров, чтобы просто обнять и посмотреть в глаза?

Во дворе гуляла деревенская свадьба. Не обошлось без гармониста, весёлых частушек, криков «горько». Юля смотрела на закатное небо. Прямо над её головой оно было розовым, а немного дальше, над куполом сельской церкви — оранжевым. От неё, Юли — туда, к позолоченному кресту, среди перистых и кучевых плыло удивительное облако — длинное и узкое. Оно напоминало змею или даже дракона, только было совсем белое и стремительно двигалось мимо девушки, вот уже над головой только хвост этой змеи.

«Виновата ли я? Виновата ли я?» — несло со стороны дома.

Пасха

Привычка планировать свой день заранее сродни пословице: «Человек предполагает, а Бог располагает». Стоит только подумать, что успеешь переделать то и это, выедешь в три — в четыре на месте, и всё тут: дела не спорятся, транспорт стоит, словно упрямый ишак, — просто беда. Нервничаешь, будто от тебя, марионетки, что-то зависит, будто вся твоя суета что-то значит для человечества, для Вечности.

Вовсе не планировать не получается: есть дела, обязанности, и кто с тебя их снимет?! Жизнь несётся так, что малые радости и приятности тоже приходится включать в график, будь то чашка кофе с подружкой, поездка на выставку или долго откладываемый визит к родственникам.

То, что задумала Надежда на субботу, было нечто сродни последнему, давно уже давило и мучило вечно откладываемое на потом посещение близких, потому что они могли ещё чуть-чуть подождать и уж точно не обиделись бы, ибо давно уже стройным рядком лежали под липами на сельском кладбище. Если бы оно находилось чуть ближе к городу, если бы Надя чуть меньше работала, если бы...

В пятницу она дала себе слово выехать рано утром следующего дня и почти его сдержала. Заранее купила красивых искусственных цветов — живые не выдержали бы дороги, а сажать что-то — брать лопату, воду, тряпки, саженцы или семена — сомнительная затея.

Дорога до кладбища пролегла по хорошей трассе, день был солнечный, деревья в посадках вдоль дороги зеленели той свежей листвой, которая спустя несколько недель покроется пылью и будет лёгким намёком на увядание и скорую уже, долгую зиму.

На обочине с досадной периодичностью стояли кресты и висели венки, иногда встречались даже памятники. Надя встречала их по всей России, на всех её дорогах — широких и узких — и часто задумывалась, отчего только здесь, в её стране, есть привычка напоминать о боли. Вряд ли во Франции или в Италии встретишь на обочине памятник разбившемуся мотоциклисту. Она помнила такой памятник из детства: когда она с родителями ездила на речку, возле дороги, в тени деревьев, стоял камень, а на нём — две фотографии: парень и девушка, молодые совсем, наверное, влюблённые, и лежали-то они наверняка где-то совсем в другом месте, но этот памятник каждый раз поражал Надино детское воображение.

Возможно, это был отголосок какой-то книжной мечты о вечной любви: Ромео и Джульетта, Тристан и Изольда. Всё, что быстро и трагично заканчивается, не успевает перерасти в трагифарс, в комедию, во что угодно, переставая быть идеальным или даже просто терпимым.

Сергей ни разу не съездил с ней на кладбище. Не то что просто на Родительскую или на Пасху, а даже тогда, когда она хоронила близких. Когда Вера мучительно умирала от саркомы, а Надя не знала, чем помочь — он был где-то там, в законном благополучном мире: играл в бильярд, пил виски с друзьями, находил и терял любовниц. Впрочем, он и своих мертвецов не баловал: памятники давно покосились, а квадраты земли

внутри оград заросли непроходимой травой. В его семье это было как-то не принято: ездить вместе на кладбище.

* * *

Надя вдруг вспомнила себя совсем маленькой. Дядя Толя всегда приезжал утром на Пасху. Сразу после завтрака Вера садилась к окну и выглядывала машину, его белые «жигули» появлялись слева, из-за поворота рядом со школой, где чуть позже будет учиться Наденька. Тогда же девочка сидела перед дверью большой кладовки и разбирала свои игрушки. У бурого медведя с бочонком мёда куда-то подевался ключ, и он не мог ходить и издавать звуки. Мелкие человечки-пупсы растерялись в большом пространстве кладовки, нельзя было найти поцарапанную розовую Дюймовочку, Карандаша и остальных. Книги лежали большими стопками, но девочке сейчас было не до чтения: она хотела играть, а взрослые были заняты.

«Цмаки приехали», — раздалось из кухни. Наденька подбежала к окну, в которое смотрела Вера, и увидела зелёный «москвич» дяди Володи. Она привычно звала их дядями — бабушкиных братьев, как мама и Вера. Она любила, когда приезжали гости, накрывался стол в большой комнате, доставалась длинная жёлтая скатерть. Её просили помочь поставить стаканы и разложить приборы. Если скатерть тоже доставала Наденька, она непременно заглядывала в нижний ящик буфета: там лежали немецкие свечи. Они были белые, но переливались всеми цветами и оттенками, когда их ставили на стол и зажигали, но это случалось нечасто. Из буфета пахло совершенно особенно: какой-то домашней наливкой, салфетками, конфетами и чем-то ещё неуловимым, от чего приятно щекотало в носу.

— Ну вот, Цмаки уже приехали, а Толи всё нет, — Вера начала волноваться.

Через некоторое время в дверь позвонили. Первой вошла Петровна, за ней — дядя Володя, дядя Лёша и тётя Наташа. Все члены большой семьи Морозовых столпились в узком коридоре бабушкиной квартиры и наперебой здоровались.

Мужчины жали друг другу руки, женщины целовались. Наденька наблюдала за ними из кухни, она не любила Пасху. В этот день родители вместе с бабушкой ездили на кладбище и брали девочку с собой. Они переходили от своей могилы, то есть могилы дедушки, к могилам других родственников, встречали там живых, христосовались, обменивались яйцами. За день девочку успевали расцеловать десяток тётушек, бабушек и двоюродных сестёр постарше, ей хотелось вытереть лицо (а лучше бы умыться), выбросить яйца и оказаться на кухне с Верой, где та в их отсутствие готовила на стол что-нибудь вкусенькое. Она могла бы резать продукты для салата или относить тарелки на стол в зале.

* * *

В её мысли внезапно вторгся резкий звук: из слепой зоны, чуть не зацепив зеркало, вырвался мотоциклист и с таким же резким звуком ушёл вперёд, становясь всё меньше, превратился в жёлто-чёрное пятнышко вдалеке — маленький незащищённый человечек.

В школьные годы она дружила с Лёнкой, а его девушка — Лариса жила с Надей в одном подъезде, только выше этажом, на пятом. У Лёнки был красный мотоцикл, он бесстрашно гонял по городу, то удирая от милиции, то наперегонки с другими байкерами. Из девушек обычно выстраивалась очередь покататься. Однажды Надя из окна квартиры услышала страшный

визг тормозов, сильный тупой звук удара: в рябину напротив её балкона на полной скорости влетел мотоцикл. Лариска потом рассказывала, что за какие-то секунды сбежала по лестнице босиком, задыхаясь, не желая верить, и лишь убедившись, что не он, не Лёнька, села на каменную ступеньку напротив злополучной рябины и заплакала.

* * *

Дедушка умер первым. Наденька была слишком маленькой, чтобы понимать, что такое смерть. Она только видела, что плачет мама, видела дедушку, прикрытого простынёй, в комнате говорили тихо, а зеркала были завешены чем-то чёрным. Взрослые отправили её погулять, а на выходе из подъезда девочка встретила соседку — бабу Клаву, и та пошутила:

— Надюша, дедушка твой просто заснул, пойди, посмотри, может, он уже и проснулся.

Девочка кинулась по лестнице наверх, потом в комнату, но дедушка был недвижим, а рука его была холодной, страшной.

Если быть совсем точной, то первым умер прадед, которого Надя никогда не видела, да и не могла, её тогда ещё и на свете не было.

Михаил Григорьевич Морозов был председателем сельсовета, и когда в сорок первом в деревню пришли немцы, то уводили его, допрашивали, хотели получить какие-то бумаги. Детей у соседки в погребе прятали, боялись. Потом, как и многие из их деревни, ушёл на фронт, воевал в пехоте, в сорок третьем был тяжело ранен, комиссовался, несколько месяцев пролежал дома. Рана была в брюшину. Шестерых детей нужно было поднимать, то есть вставать и идти работать. Между тюрьмой и милицией — такой предложили выбор —

выбрал последнее: очень уж не хотелось в тюрьму, да проработал недолго, месяца три, да там же, на рабочем месте, и прихватило — в больницу увезли.

И по той же дороге, где ехала сейчас по асфальту Надя, её бабушка — семнадцатилетняя девчонка — бежала во всю свою девичью прыть в деревню сообщить это известие. Благо, экзамен в городе сдавала, увидели её отцовы сослуживцы, кликнули. А потом бежала обратно с узелком — вещами для отца. Километров там было порядочно, даже по прямой. Точно не измерить уже, но тринадцать-пятнадцать есть. Бабушка рассказывала, что лягушки тогда громко квакали в деревне Бузякино. Пока добежала до места, отец уже умер. А в деревне на шее у матери шесть голодных ртов: война. Бабушкину подругу, Таську, убило во время налёта. Они вдвоём по полю шли, увидели самолёт, бежать кинулись — ну и всё.

Прадеда, Михаила Григорьевича, похоронили тогда на сельском кладбище, но сейчас от старых могил остались только большие, поросшие мхом плиты, сваленные у забора, на которых уже не различить письма. Когда рыли могилу деда, будто бы нашли в земле древний склеп: много крупных камней и череп. Но кто знает, кто и когда был там захоронен.

* * *

Надя свернула к заправке, купила воды, плеснула на лицо. Отчего-то в глазах поплыли круги, пришлось опереться о капот.

— Вам плохо? — к ней подошёл мужчина, управлявший свой джип напротив.

— Н-нет, мне... — в глазах вдруг совсем потемнело.

— Вам нужно присесть. Это от духоты, — мужчина помог ей сесть на водительское место, сам расположил-

ся рядом, закрыл двери, завёл двигатель, включил на всю кондиционер.

* * *

Как давно это началось? Да, конечно, прошлой весной, когда она решила вспомнить детство и побегать с ракеткой для бадминтона. Вдруг как-то съёжилось что-то внутри, не хватило воздуха и перед глазами заплясали чёрные точки. Она опустила ракетку и присела на траву. Сергей ещё спросил, что с ней. Нет, он не испугался, просто раздражённым тоном спросил: «Ну что там ещё у тебя?!»

Потом, спустя ещё пару таких приступов, она пошла, наконец, к врачу, и когда услышала про что-то там с клапаном, долго просидела на стуле в коридоре, а потом шла домой пешком, через сквер с памятником кому-то, кто давно умер, возможно, от сердечного приступа.

Сергей был на кухне, когда она открыла дверь:

— Привет! Ты откуда так поздно?

— В поликлинику заезжала.

— И что там?

— Там... врачи.

— Ты поняла, о чём я спросил.

— Что-то с клапаном.

— То есть?

— То есть я не знаю точно, сколько мне осталось.

— Глупостей не говори. Что они сказали?

— Сказали лечь на обследование.

— И когда ты ложишься?

— Я не ложусь. Извини, я устала.

* * *

— Вам лучше? — поинтересовался мужчина. В окно уже стучал сотрудник заправки, намекая на то, что пора

бы освободить место у колонки. — Далеко вам ещё ехать?

Надя словно очнулась и удивлённо посмотрела на человека, сидящего рядом:

— Спасибо вам. Мне недалеко, я доеду.

— Уверены?

— Да, как обычно, — она улыбнулась.

Это значит, что рассчитывать нужно только на себя. Не доверять, не раскрывать душу, чтобы потом не на что было обижаться. И ещё: никогда нельзя вкладываться в пустоту, пустота — она всё возьмёт и ничем не ответит.

Надя выехала обратно на трассу, оставались и впрямь считанные километры: шины шуршали, мотор урчал, играло радио. Мысли шли сами по себе.

* * *

— Михайловна, ты поправилась, что ли? — Петровна оглядела бабушку. — Вера, здравствуй.

— Здравствуй, тётъ Тамар. Как доехали?

— Лёша за рулём был, я с ним не боюсь ездить, мы с Володей сядем сзади и по сторонам смотрим.

И начинались разговоры, долгие, нудные, кто как пережил зиму, сколько солений съелось, когда делать новые посадки, кто сменил работу, как поживает вторая дочка Петровны и так далее.

Наденька уходила в дальнюю комнату, садилась на кровать, где не так давно спал её дедушка. Он очень любил внучку, любил с ней читать, петь песни, самая любимая у них была:

«Пора в путь дорогу,

В дорогу дальнюю, дальнюю, дальнюю идём.

Над милым порогом

Махну серебряным тебе крылом...»

Дедушка в войну был авиамехаником. Бабушке очень хотелось вспоминать его вместе с Наденькой, но у девочки сохранились только обрывки воспоминаний, а потом ушли и они. Ни строительство берлоги в снегу, ни как кормили белок в лесу — ни-че-го. Детская память мимо-лётна.

В комнату заглянула мама: «Надюш, поедем, все собрались уже». Это значит — на кладбище. Это значит — пакеты с искусственными цветами в багажник, туда же бутылки с водой, какие-нибудь тряпки — протереть ограду, хотя нет, убираться мама ездит заранее, до Пасхи. Тогда обязательно тётя Рая, тётя Валя и многие другие, которые будут лезть целоваться.

Наденька неохотно встала и пошла за матерью. В машине она сидела слева сзади, за спиной отца, он вёл машину спокойно и аккуратно.

— Вези меня, как пасхальное яичко, — шутила мама.

Яички лежали в корзинке, которую держала Наденька. Красные, жёлтые, зелёные и коричневые — традиционные, окрашенные луковой шелухой. Это Вера придумала красить яйца копировальной бумагой — не только фиолетовой, но и красной, зелёной, жёлтой. Где Вера достала её, никто не знает.

Наденька взяла яркое красное яйцо и сунула в карман ветровки.

Бабушка рассказывала, что первое пасхальное яйцо Мария Магдалина преподнесла императору Тиберию в возвешение о воскрешении Христа. Тиберий не поверил, а яйцо вдруг стало красным. Наденька тоже не поверила. Как же это оно: было белым и сразу стало красным?!

Ещё бабушка рассказывала, что красное яйцо в языческие времена считалось символом солнца и что сла-

вяне издавна расписывали яйца: на неварёном яйце — писанки, на варёном — крашенки, и яйца эти служили оберегами для младенцев, молодожёнов, защищали от болезней, наговоров, зависти. И Наденька пыталась нарисовать на белом варёном яйце буквы своей кисточкой для гуаши. Бабушка смеялась, давала девочке ещё одно яйцо и продолжала рассказ, что для изготовления красок использовались травы, лепестки цветов, кора дерева в различных комбинациях, а потом яйца покрывались орнаментом из воска.

Мама читала Наденьке книжку о Кельтской богине любви и красоты Клионе, у которой были две птицы красного цвета с зелёными головами, и эти птицы откладывали голубые и пурпурные яйца. Наденька просила маму поподробнее рассказать, какого они размера, эти птицы. «Как павлины?» — спрашивала девочка, она видела их в зоопарке. «Или как голуби? Какой у них клюв, какие крылья?» И потом всю ночь вокруг девочки порхали волшебные красно-сине-зелёные птицы счастья.

* * *

Дядя Толя приехал сразу на кладбище, он был с женой и старшей дочерью — Ириной. Всё, что помнила Наденька про похороны бабушки — это то, что её отдали Ирине, и они пошли гулять в парк. На углу дома рос высокий каштан. Была весна, и он цвёл.

Сейчас снова была весна. Кладбище было в низине, там росло много деревьев и было мало света, поэтому земля долго прогревалась и просыхала после зимы. Было ещё довольно грязно, поскольку Пасха выдалась ранняя. Людей было много, за яркими пятнами курток и плащей почти не было видно потемневших за зиму оград деревенского кладбища.

— Ну что, здравствуй, малыш? — дядя Толя улыбался в бороду.

Наденька боялась его из-за большой бороды и громкого, гудящего голоса. Почему-то ей казалось, что он недобрый. Она спряталась за маму:

— Здравствуй, Толь. А мы тебя дома ждали, Вера всё в окошко смотрела. Поедем потом к нам?

— Да, пойду пока с Витей поздороваюсь.

Он отошёл к брату. Они стояли под липой: Анатолий, чуть сутулый, с нахмуренными бровями, что-то доказывал Виктору. Виктор был ниже и крупнее с печатью ежедневной деревенской рутины на лице, но более — на крепких руках шофёра. Они часто виделись, но не были близки, отчего-то Толю тянуло больше к сестрам, может быть, зная их нелёгкую жизнь, он пытался хоть чем-то помочь, несмотря на то, что был самым младшим.

Мамины двоюродные сёстры, троюродные тётушки, ещё какие-то родственники передавали Надю из рук в руки, чмокали, в карманы падали цветные яйца с треснутой местами скорлупой, конфеты — липкие леденцы. Подошла тётя Рая, обняла девочку, сунула в руку яйцо, окрашенное луком.

— Надюша, где твои-то?

— Мама с дядей Толей говорила.

— Толя приехал? А я его ещё не видела. Пойду поздороваюсь.

И она, прихрамывая, пошла к братьям. Ногу она повредила, когда косила траву для скотины. На ней было всё хозяйство: овцы, свиньи, куры, утки, ещё и огород. Дети считали себя городскими, не помогали.

Вот тётю Раю Надя любила из всей многочисленной родни, она была тихая и добрая. К ней можно было приехать в светлый деревенский дом, поднявшись на три

покосившиеся ступеньки, войти на крыльцо, затем — в сени, а оттуда уже — в комнату, залитую солнечным светом. Сесть на кровать с железной спинкой, прижаться спиной к цветному коврику с оленем, разглядывать старые фотографии и журналы за стеклом старого серванта, а устав сидеть со взрослыми, побежать смотреть цыплят и утят в загоне, можно было даже их покормить. Потом пойти с кем-нибудь из взрослых на пруд. Наде нравилось у тёти Раи.

У тёти Вали и дяди Вити – нет. Туда нужно было ехать по разбитой дороге, отец часто буксовал или проваливался в ямы. Потом входить в тёмные холодные сени, а уже оттуда — в дом, где всегда было много народу, все ругались, и было как-то неуютно, словно и не в гостях. Часто, когда они приезжали, главы семьи, дяди Вити, дома не было. Потом во двор въезжал грузовик, и хорошо, если успевал затормозить до забора, а то и сносил его. Сам дядя Витя выпадал из кабины, шатающейся походкой направлялся в сени и падал в тёмную комнату — спать. Тётя Валя ругалась прямо при родственниках: «Опять нажрался, ирод!» Но семья была привычна к этим появлениям. Надина бабушка только вздыхала, ибо дед в своё время тоже выпивал. Они сидели ещё некоторое время, потом уезжали.

Сейчас Наде было бы любопытно поехать в тот дом, ведь там родилась её бабушка, там жили они с дедом, там родилась Вера, но сейчас там её, Надю, никто не ждал. В доме жили абсолютно чужие люди, правда, родные по крови, но это не имело значения. И Катька, и Машка, и Люська — дочери Виктора — вряд ли поняли бы желание Нади увидеть дом предков, они бы решили, что она претендует на наследство, а уступать ни пяди они не намерены. Какое уж тут наследство: никаких до-

кументов нет, свидетелей того, что там жила вся семья, уже и в живых нет... Сначала умер Володя, затем Виктор, потом тётя Рая, дядя Толя, бабушка... Да и зачем? У Нади есть свой дом — просторный и светлый, ей чужого не нужно.

* * *

Вот и Сергею чужого, оказалось, не нужно... Только разве может быть для него её дом чужим? Оказалось, что может. Надя в который раз пыталась понять, почему он не стал их общим домом, и не могла. «Чистота в доме не главное», — говорил Сергей. В другой раз не главным было: готовка, общие интересы, секс. Что было главным, девушка так и не смогла от него добиться. Нельзя сказать, что он вовсе был равнодушен, но какая-то холодность постоянно сквозила в пространстве жилья, и хотелось взять из шкафа тёплый плед и укутать плечи. Когда с каждым днём становится холоднее, то жизнь твоя превращается в жизнь на Северном полюсе, и не каждому она придётся по вкусу.

Когда она пыталась прояснить, что не так, Сергей молчал. Иногда Надино терпение кончалось, и она вскидывалась: «Ну, скажи хоть что-нибудь, брось тарелку об пол, ударь кулаком по столу, закричи, только не сиди вот так, я же не могу так больше!» Сергей продолжал молчать, Надя хватал с тумбочки ключи от машины, хлопала входной дверью и сбегала по лестнице. Потом гнала по Садовому, плутала в тёмных переулках в районе Арбата, стояла на набережной, глядя на воду. Немного успокоившись, возвращалась, тихо проходила в комнату, гасила лампу, отворачивалась к стене.

* * *

Дядя Толя поехал с ними один, жена и дочь остались в деревне у бабушки.

— Верочка, здравствуй! — дядя Толя прошёл к ней на кухню. — Опять ты тут какие-то вкусности готовишь?

— Здравствуй, Толь, — он наклонился к её инвалидному креслу, и Вера чмокнула его в щёку. — Да всё уже, надо на стол нести. Надя! — позвала она.

Стали носить на стол салаты, рассыпчатую картошку, селёдку, сало, пироги, солёные грибы и огурцы. Мужчины сели во главе стола у балкона.

— Толь, тебе что налить? — спросил отец.

— Водку наливай. Что мы будем девчачьи эти вина пить, — улыбнулся в бороду, наколол вилкой огурец.

Вера пересела к столу на высокий стул, бабушка и мама — ближе к выходу, чтобы с кухни нести горячее и уже после — чай.

— Толь, тебе салат положить? — засуетилась мама.

— Да, чуток.

— Ты завтра поедешь?

— Да, своих заберу только. Они сегодня что-то хотели успеть там, у матери.

— Как Клавдия Кузьминична-то? — спросила бабушка.

— Да потихоньку: зимой приболела, сейчас получше. Памятник просила подправить Ивану Иосифовичу, приеду как-нибудь один — справлю.

— И нам Сергею надо поправлять, и ограда просела.

— Сейчас земля просохнет — сделаем, — уверяет отец.

Уже разъеден Верин фирменный салат «Мимоза», и винегрет, и холодец.

Когда разговоры переходят на политику, Наде становится совсем неинтересно, она уходит в другую комнату и играет там со своими зайцами — рыжим Колей и белым Сашей. Саша учит Колю по праву взрослого, подаренного девочке ещё на прошлый Новый год.

Заглядывает дядя Толя.

— Ну что, малыш, скучно тебе? Хочешь, научу тебя в «пьяницу» играть?

— Это как? — интересуется Надя.

— Это игра такая. Дядя Толя просит у бабушки карты, и начинается долгое их переключивание из стопки в стопку.

— Если у тебя больше карта, берёшь ты, — объясняет он. — Вот, смотри, валет. Он старше, чем девятка. А дама старше валета.

Так они сидят больше часа, пока мама не зовёт пить чай.

Надя не помнит, кто взял трубку. Наверное, бабушка. Раздался громкий возглас: «Васька разбился!»

Васька был сыном тёти Раи, безалаберным и бесхарактерным. В молодости женился на актрисе и уехал с ней в Санкт-Петербург, потом она нашла другого, а Васька вернулся в родную деревню, пил, работал электриком на автобазе, матери больше хамил, чем помогал. Он был примером того невероятного обстоятельства, до какой степени дети бывают не похожи на своих родителей.

У него было своё учение, которым он делился, когда Надя с родителями приезжали к тётке Рае в гости. Васька, дурак, верил, что Бог — главный по лампочкам, там, на том свете. Что когда он, Васька, закончит здесь, на земле, с проводами, кабелями и лампами дневного света, он попадёт туда, и Бог зажжёт для него лампочку, которая была приготовлена именно для него, Васьки Гусева, и именно для него зажжётся.

И вот теперь этот самый Васька попал в аварию на шоссе, недалеко от деревни: машина всмятку, у него переломы, но точно ещё ничего не известно. Все забежали,

отец стал звонить в травматологию, бабушка с Верой и мамой вслух жалеть тётю Раю. Отцу ответили, что у Васки предположительно перелом позвоночника, рёбер и раздроблена ступня. Женщины заохали. Тут же мама, отец, бабушка и дядя Толя поехали туда.

Наденька осталась с Верой. Она любила такие дни, когда они оставались одни: Вера переставала колготиться на кухне и катила своё кресло в комнату — играть с Надей, шить, смотреть телевизор. В её руках всё спорилось, всё получалось. Она шила прекрасные вещи, не просто наволочки какие-нибудь 70 на 70, а костюмы и платья для мамы и бабушки, для Наденьки тоже. Девочка была на праздниках то Снегурочкой, то Красной Шапочкой, то принцессой. Конечно, сегодня был не такой спокойный день, и повод им остаться одним был печальный, но Надина детская душа радовалась любому дню — солнечному или пасмурному.

* * *

Сергей удивлял её своим недовольством по отношению ко всему окружающему миру. Просыпаясь утром, он сразу становился хмурым: «Утро добрым не бывает!» И это была живая чёрная туча, перемещавшаяся по квартире. Надя поначалу огорчалась, старалась его чем-то порадовать, сделать сюрприз, но лучше не становилось. Сегодня по радио крутили песню: «Когда я ушёл, тебе стало проще мечтать!» Хотелось спеть «дышать», что, в общем-то, одно и то же.

Говорят, что спустя время вспоминаются лишь светлые моменты. Вот они в Италии на берегу моря, темно, Надя купается, а когда выходит из воды, Сергей встречает её с огромным рыжим полотенцем — на нём ярко сияет солнце, Сергей заворачивает девушку в него, как в кокон, и так они стоят на берегу обнявшись.

Вот устанавливают в зале высокую ёлку, украшают её гирляндой и игрушками, а потом прячут под нижние ветки подарки друг для друга.

Вот летят на парашуте, далеко внизу земля.

Вот сидят на диване в комнате, смотрят фильм и ужинают: Сергей приготовил спагетти. Надя смеётся.

Вот лес, огромные мухоморы под ёлкой, солнце протягивает свои нити-лучи сквозь деревья. Они гуляют, потом жарят хлеб и отбиваются от комаров. Много, очень много светлого. «Ты хочешь всё это вернуть?» — задаёт Надя вопрос сама себе. И сама же отвечает: «Это нельзя вернуть!» Жизнь пошла по какому-то другому пути, по иной колее, и то, что отжито, не нужно протягивать.

Когда посещаешь храм, обычно ставишь свечи и пишешь записочки за здоровье и за упокой. Стараешься упомянуть пожилых родственников, крестников, друзей. И вдруг замечаешь, что всё больше людей перекочёвывают из одной бумажки в другую. И если ещё пару месяцев назад ты просила здоровья для тети Тамары, то сегодня ты заказываешь по ней панихиду. Тогда ты понимаешь, что смерть — это что-то вовсе не страшное и неизвестное, а просто уход к своим.

* * *

Вернулись все поникшие, уставшие. Отец договорился, чтобы машину перетащили с дороги на участок за домом, хотя от неё практически ничего не осталось. «Вот Васька-то, в рубашке родился», — сказал отец. Взяв тётю Раю, съездили к Ваське в больницу. Они с бабушкой обе там наревелись на горькую свою судьбу. Врач осмотрел Ваську, сказал, что ему нужна операция и, вероятно, не одна, только в областном центре, здесь таких операций не делают, нет оборудования.

— Допустим, со скорой-то я договорюсь, чтобы отвезли, — отец посмотрел на маму, бабушку, дядю Толю по очереди, — но нужны будут деньги на операцию. Думаю, у Раи их нет.

— Если нужно, значит найдём, — дядя Толя уже не улыбался, смотрел на отца спокойно и серьёзно.

— У меня тоже есть немного, — подала голос бабушка, — на книжке, схожу сниму.

Следующие две недели разговоры постоянно возвращались к Василию.

Весть эта разнеслась по родне — дальней и близкой, но у тёти Раи в деревне не было телефона, поэтому соблаговолений ей никто не выражал.

Дядя Толя приезжал ещё дважды: в первый раз привёз деньги, во второй — поехал вместе с Васькой на скорой в областную клинику. Володя и Виктор не звонили. Бабушка ругалась, что им наплевать на сестру, а Вера успокаивала её, насколько могла:

— Мама, ну хорошо, что у Раи есть ты и Толя, а если б вас не было, может быть, и они бы помогли, кто знает.

Вера вообще всех утешала. Когда спустя несколько лет Васька умер от удара током, а тётя Рая вслед за ним — от рака. Когда мама болела. А потом Вера вдруг стала подолгу лежать на диване в комнате, всё реже бывала на кухне, где все чашки и тарелки знали только её хозяйские руки. Черты лица её заострились, выступили костяшки пальцев. Доктор, по фамилии Волчков, коренастый седой мужчина, говорил, что Вере нужно лечь в больницу на обследование — так он сказать ничего не может. Веру мысль о больнице приводила в ужас. Проведя в них всё детство, она панически боялась больниц. Люди в белых халатах говорили бабушке, что девочка и до пяти лет не дотянет, и вешали табличку со смертель-

ным диагнозом ей в изголовье. Вера не хотела туда, не слушая никаких увещеваний. Она таяла в своём упрямстве, да и было в общем-то понятно, что лечить её уже поздно. Упав ночью, она уже не вставала больше, но ещё узнавала мать, сестру, Наденьку, обнимая её и приговаривая: «Ласточка моя». Надя плакала только тогда, когда её не видели. На кладбище тоже не плакала. Стоял мороз минус тридцать, и могильщики с трудом выбивали мёрзлые комья земли, чтобы освободить место для маленького, нестандартного гроба.

* * *

Надя перебралась через трубу, пролегающую вдоль кладбища, отодвинула рукой высокие заросли травы и шагнула к ограде. Положила руку на горячий чёрный памятник. Вера смотрела на неё пристально, через очки, которые носила всю свою жизнь. Смотрела, будто спрашивала: «Ну, как ты живёшь, моя птичка?» Надя стала раскладывать цветы: Вере, дедушке, бабушке, тёте Рае, прабабушке, даже Ваське нашлась гвоздика. Она присела на лавочку у своих, долго смотрела на фотографии. «Потом и я...» — промелькнула мысль, быстрая и тёмная, как тень в подъезде, обожгла чем-то терпким и горячим. «Надо бы в больницу лечь», — пришла логичная, трезвая следом. И вдруг всплыли они все, потянулись из разных сторон кладбища к ней с красными пасхальными яйцами: вот тётя Рая в коричневой своей кофте, дядя Толя с неизменной бородой, Вера в кресле, бабушка — высохшая, с прозрачной кожей, как была в последние дни жизни. «Христос Воскресе», — прошептала Надя.

Равнодушие

Удара я не слышала. От улицы меня отделял металл кузова автомобиля и звуки Вивальди, тёплыми волнами разливавшиеся по салону. Я, как любая женщина, постоянно смотрю в зеркало, правда, это левое боковое, и меня там никогда не видно. Девушку отбросило, и она упала на бордюр. Рыжие волосы поверх чёрной куртки.

В общем-то видела я всё — от начала, от её робкого протискивания между стоящими в пробке машинами: все так делают, когда лень идти до перехода. Две полосы она преодолела легко, а третья должна была быть свободна и всецело принадлежать троллейбусу, но в этот момент по ней спешил большой белый Land Cruiser по своим большим делам.

Вивальди сменил ведущий, читающий стихи. «Ну зачем ты так с Есениным?» — подумала я, отмечая, как нелепо переврали строчку. Девушка пошевелилась. Кажется, жива. Из двух машин впереди вышли люди, помахали руками и сели обратно. Констатировав, что ошалевший водитель джипа вывалился из машины, толпа зевак собралась, я переместила правую ногу с тормоза на газ. Машина плавно тронулась.

* * *

— Нельзя же так с живым человеком! — Глеб уже полчаса ковырял завтрак в тарелке. — Мам, ну когда ты вечером будешь дома?

— Когда, когда... когда рак на горе свистнет, — себе под нос закончила Алёна. Нужно отвезти Глеба в школу

и бегом на работу: шеф, вероятно, уже приехал в офис и ищет балансы. Если бы Валера не был в командировке, можно было бы попросить его отвезти сына. Как всё не вовремя, ещё праздники эти!

На ходу зажала ухом телефонную трубку:

— Да, я на работу бегу. Да. Вот и Глеб то же самое спрашивает. Не циклиться? А как не циклиться, голова кругом. Ага, мне мешает жить моё чувство вины. Да, Инна, спасибо, я уяснила, давай потом только.

— Глеб, иди уже, опоздаем.

Привычная очерёдность: сын надевает обувь и куртку, берёт портфель, она обувается, набрасывает на плечи шубу, берёт кейс с документами. Потом откапывание машины из сугроба и несколько автобусных остановок до школы.

— Вечером тебя заберёт папа.

— Мы с папой уже переиграли во все компьютерные игры и в шахматы тоже. А ты обещала меня научить на гитаре играть.

— Глебушка, попроси папу, пусть научит тебя играть на балалайке: насколько я знаю, он целый год в школе этому учился, — улыбнулась Алена. — Ладно, не обижайся, в выходной приготовлю вам что-нибудь вкусненькое и сходим в кино, может быть. Вот проект сдам, и будет посвободнее со временем.

— Мам, а что за проект?

— Беги, потом расскажу. До вечера!

— Ты же опять придёшь, когда я спать буду.

— Я найду и поцелую тебя. Пока.

Поворот, ещё поворот. Да что ж она не проезжает, вот копуша, пока слева светофор, можно проскочить. А, ну да, учебная, ещё и на меня катится.

Что же делать с балансами? Сдать часть, остальные

пока оставить? Или поменять цифры в последнем отчёте? Надо подумать вместе со Степаном Игнатьевичем, их отдел должен сдать документацию в срок, иначе... А что иначе-то? Уволить их не могут, такими сотрудниками не разбрасываются, и кто работать будет? А вот нервы потреплют изрядно, и к новому году премии не видать как своих ушей.

И с Глебом так нельзя! По несколько дней не видимся. Что это — утром пять минут! И вечером иногда десять. А помочь, а расспросить? Кажется, что у него всё в порядке, а я ведь и не знаю ничего о нём на самом деле. Да, учится неплохо. Да, в футбол свой играет. Музыкакой вот хочет заниматься. А с кем дружит, что любит, что у него в голове...

И Инка ещё подзуживает: не позволяй чувству вины поработить себя. А куда его деть-то? Отца последний раз навещала полгода назад. Непросто взять вот так, купить билет на поезд и уехать. Дня четыре надо минимум, а где их взять, дни эти? И получается, что у неё на близкого человека нет жалких четырех дней. Как вообще такое может быть? Она лучше знает привычки шефа, чем распорядок дня ребенка; пристрастия вредной Тамары Михайловны из соседнего отдела знает прекрасно, а что подарить отцу на Новый год — не может придумать.

Валера, конечно, тоже много работает, но он мужчина, ему нужна цель, занятие, дело, но нужно и внимание, а она... Боже, и здесь тоже чувство вины. Ещё Инка — психолог доморощенный! Недоучилась, консультировать не может, отыгрывается на мне. Жить для себя! А как, когда жизни этой два часа в сутки остаётся, а порой и того меньше. И всем нужно уделить время: хотя бы поговорить.

Когда нет собственных детей, можно говорить, что дети неблагоприятны, не чутки, грубы, требуют только денег и внимания к себе, но, когда ты всегда помнишь о том, что вот этот подросток — тот малыш, которого ты катала в коляске, а до этого он был у тебя в животе, не можешь ты абстрагироваться и относиться к нему как к неблагоприятному и постороннему. Да и зачем, когда он на самом деле ласковый и чуткий ребёнок? Или это просто материнские чувства кипят, и никакой объективности?

А Валера... ну почему я должна подозревать его во всех смертных грехах и искать что-то там, где ничего, может, и нет. Кому она нужна, эта правда? Искали её некоторые, а потом... потом хоть вешайся. Вечерами он дома, днём в офисе. Телефонных звонков, смс вроде нет никаких. Ну что мне, в карманах рыться, что ли? Фу, противно!

Резко вильнув вправо и нажав на тормоз, Алёна остановила машину у аптеки, купила таблетки пустырника, выпила сразу четыре. Стеклоочистители раздражали то своей медлительностью, то шарканьем по стеклу с бешеной скоростью. Раздражали люди, перебегающие дорогу, где попало, одетые во всё чёрное, так что сливались с тьмью зимнего утра, дня и вечера. «Полярная ночь», — констатировала Алёна.

На работу она приехала вовремя, но Степан Игнатьевич был уже на месте и в нетерпении мерил шагами кабинет.

- Ну что, Алёна Игоревна, мы с вами делать будем?
- Отчёты сдавать, Степан Игнатьич, что же ещё?
- А они у нас готовы?
- Готовы-то готовы, только я вот затрудняюсь...
- С чем же, Алёна Игоревна?

— С решением, все ли их сдавать.

— А какие варианты?

— Если все, то нужно немного цифры подогнать или просто часть оставить пока у нас.

— А велика ли разница? В цифрах?

— Да нет, не очень. В последнем отчёте на пару позиций. В предпоследнем — в пределах десяти.

— Тогда, я думаю, лучше подогнать и сдать всё, так будет проще. Меньше вопросов. Я тут ещё подумал, Алёна Игоревна, — шеф сделал паузу, — а не сходить ли нам с вами в ресторан? Отметить удачный конец года.

— Степан Игнатьич, так корпоратив послезавтра общий, ещё отчет подогнать и сдать. Времени совсем не остаётся, — ответила Алёна, будто не поняла намёка.

Она углубилась в сметы, а мужчина усмехнулся и, рассеянно разведя руками, сел в кресло у окна. Некоторое время оба они молчали: он смотрел в окно, Алёна — в бумаги, затем он вышел из кабинета.

«Ещё этого мне не хватало! — она с силой захлопнула папку. — Свидания в офисе! Или вне его, разницы нет. Похоже, он даже не понимает, что я замужем, и насколько он старше меня, и вообще... Работу менять не хотелось бы».

Мысли её прервал телефонный звонок.

— Да, Инн. Да, на работе. А ты как? Где? Я даже ещё не думала. А ты? Кофе? Мне нужно отчёт сдать срочно, и шеф тут ещё... ага, в ресторан. Зачем мне это? Ну что ты! Да, я неправильно живу, скучно, ты уже говорила. Давай завтра кофе выпьем где-нибудь, сегодня никак. Если Валера не успеет, мне ещё Глеба забирать. Да. Хорошо, я позвоню.

Инна когда-то предлагала ей пройти что-то вроде те-

ста: сесть, глубоко вдохнуть-выдохнуть несколько раз подряд и представить, чего бы ей хотелось больше всего. «Это как игра, — учила подруга. — Не стесняйся, не ограничивай себя ничем». Вот сейчас, отложив отчёт, Алёна глубоко вдохнула и представила себя далеко-далеко на острове. Там не было людей, только природа и тишина. Большие розовые цветы склоняли головы к её лежаку, а Алёна подставляла тело солнцу, а потом бежала к воде и смеялась. «Ни сына, ни мужа. Наверное, это плохо. Или я просто очень устала».

В дверь постучали. Алёна придвинула отчёт и сказала: «Войдите!»

* * *

Пальцы снова и снова набирали знакомые клавиши-цифры, сотовый оператор неизменно отвечал: «Абонент недоступен». Его нет в городе? Он не хочет разговаривать со мной? Почему? Что я ему сделала?

Она никогда не думала, что тишина имеет свой цвет и запах. Утром она прозрачно-серебристая, немного звенящая, после чашки кофе — устойчиво-фиолетовая, в машине или в метро серая, либо окрашивается цветом ауры подходящих близко людей в общественном транспорте. В офисе она жёлтая. Пахнет свежей канцелярской краской. Вы спросите: ну какая же может быть тишина в транспорте или в офисе? А вот такая, даже уши закладывает, звук усиливается, словно это уже звенят не серебристые колокольчики, а кто-то сильный, могучий раскачивает тяжёлый многопудовый колокол...

Хуже всего вечером. Тишина становится густой и тёмной. Иногда в стекло ударяется ветка дерева, растущего перед домом, и нарушает тишину. Но от этого только страшнее. Какой-то первобытный страх вполза-

ет в щели комнаты, заставляет сжиматься в кресле, становиться невидимой, недостижимой. Иногда она сидит так всю ночь, а утром уже не слышит колокольчиков, засыпает в дороге. Попытки ночевать вне дома, на мягкой постели с новой зубной щеткой, заботливо предложенной хозяевами, не приносят радости избавления, а лишь досаду по утрам, что нет под рукой каких-то своих вещей и дольше ехать до работы.

Отпуск тоже не спасёт от того чудовища, что останется охранять дом: придётся вернуться и снова корчиться в кресле. В выходные бежать к родителям — ночевать рядом с людьми. Мелькает мысль: «Я спасена!» Дом, где ты вырос — всё-таки возможность отогреться, пусть и временная. Вторая мысль оглушает сильнее гонга: «Они все умрут, дом будет пуст. Тебе придется войти сюда одной. Ты сойдёшь с ума».

Нужно звонить, я должна позвонить. Андрей поможет мне.

* * *

В кабинет вошла Тамара Михайловна, выглядела она устало.

— Алёна, вы отчётом занимаетесь? Ещё не закончили?

— Нет ещё, Тамара Михайловна, немного осталось.

— Я с вами посоветоваться пришла.

Это было не похоже на Тамару Михайловну, вечно отпускающую колкие шуточки в адрес коллег. Алёна кивнула на кресло:

— Да вы садитесь.

— Я вот о чём хотела спросить, Алёна Игоревна. Вы только не подумайте плохо, но вы работаете со Степаном Игнатьевичем в постоянном, так сказать, контакте.

— Что вы имеете в виду? — Алёна было подумала,

что Тамара Михайловна подслушала их утренний разговор про ресторан, с неё станется.

— Ничего плохого. Просто вы больше с ним общаетесь. А я... я просто хотела поздравить Степана Игнатьевича с Новым годом, но не знаю даже, что ему нравится, что он любит. Не могли бы Вы мне что-нибудь посоветовать?

Алёна поняла, что Тамара Михайловна смущается, и сделала вид, что задумалась.

— Степан Игнатьевич любит футбол, зелёный чай, баню. Или для машины ему можно что-нибудь подарить, освежитель там, например. Или рубашку с галстуком, правда, размера я не знаю, если только навскидку. Или только галстук.

Тамара Михайловна засуетилась, стала подниматься из кресла:

— Спасибо вам, Алёна Игоревна, я последую вашему совету, спасибо большое!

Женщина вышла. Алёна усмехнулась: «Ну вот, Степан Игнатьевич пристроен, это хорошо, одной проблемой меньше». Она закончила отчёт, сложила папки в стол и поехала домой.

Валера забрал Глеба из школы. Когда Алёна вошла домой, они сидели на полу и собирали модель самолёта.

— Привет! — прозвучало в два голоса.

— Привет-привет! Как вы тут? Как съездил? — Алёна чмокнула мужа в щеку, потом повернулась к Глебу и сделала то же самое. — О, какой у вас самолёт! А ёлку мы будем наряжать? Осталось три дня всего, завтра уже двадцать девятое декабря.

— Нарядим, дел-то, — отозвался Валера. — А где у нас ёлка?

— В том году не ставили, уезжали же. До этого всег-

да живую заказывали. На шкафу, наверное, лежит. Посмотри.

Ёлка была старая, с тощими ветками (язык не повернётся назвать это лапами), хранившаяся когда-то в сарае, отчего некоторые ветки её были обгрызены мышами. Инструкция по сборке тоже была частично съедена грызунами, поэтому подставку приходилось собирать «на ощупь», т.е. путём логических прикидок. Раньше всё это делала Алёнина мама, сборка ёлки была целым ритуалом: Зинаида Семёновна смотрела в инструкцию и командовала дочери, что с чем соединять. После её смерти ёлка, игрушки и дождик лежали на шкафу, и никто не знал, с чего начать. Провозившись около часа с подставкой и нижними ветками, Алёна бросила ветки на пол: «Я все руки исколола об эту рухлядь. Мы что, не можем купить нормальную ёлку?»

— Я подумал, что она дорога тебе как память о маме, поэтому ты хочешь поставить именно эту ёлку. Если бы знал, давно бы выбросил её на помойку.

— Ты мог купить новую, не выбрасывая эту.

— А зачем нам две ёлки? К тому же, выбор сейчас огромный, можно пойти и купить. Хочешь, поедem сейчас в ближайший магазин?

У Валеры вдруг зазвонил телефон, он взглянул на экран и убрал телефон в карман.

— Не хочу я никуда ехать, — взвилась Алена. — Я вообще ничего не хочу.

Она ушла в кухню и захлопнула за собой дверь.

«Вот оно, началось», — подумала она, отдышавшись.

* * *

«Абонент временно недоступен», — уже две недели отвечал сотовый оператор. Она поняла, что он уехал. Без неё, но с кем? А разве он должен был уехать с ней?

Ведь между ними ничего нет. Они просто знакомые. Или нет? А тогда, когда она слишком много выпила на даче у друзей, было что-то? Спрашивать стыдно и глупо.

Андрей назначил встречу в четверг, попытался обнять на пороге, она отстранилась.

— Что-то случилось?

— Да, случилось. Я не могу спать.

— И есть тоже? Это любовь, вероятно, — он усмехнулся. — А меня ты любила или так, развлекалась?

— Андрей, ты врач, и я пришла к тебе как к врачу. Мне плохо, я не справляюсь сама. Это не любовь. И любовь тоже.

— То есть?

— То есть я люблю человека, который не любит меня, всё банально. Я вижу его и схожу с ума. И я не понимаю, кто или что мешает нам быть вместе. Но самое страшное не это. Я не могу спать в своём доме. Эта тишина! Я так хотела её. Так ждала. А сейчас я боюсь. Я с ужасом жду вечера, когда она становится тёмно-синей, густой, обволакивает меня и давит. Я понимаю, что это глупо, что я взрослый, умный человек, но я теряю волю, рассудок, не знаю, что ещё...

— Расскажи, как это началось?

— Я не знаю. Не помню. Всё было хорошо: мне нравилось слушать музыку, смотреть кино, приглашать в гости друзей, а потом вдруг и музыка, и кино, и гости — всё исчезло, а осталась лишь тишина. И мне тоже было хорошо.

— А потом?

— А потом я поняла, что живу я лишь утром и днём, а вечером превращаюсь в напуганного зверька, мечущегося по квартире, ищущего звуки и боящегося их одновременно.

— Попробуй описать то, что тебя пугает.

— Я уже описала.

— Что-то ещё?

— Пустота. Молчание.

— Ты считаешь, что пустота может говорить с тобой?

— Нет, я же не сумасшедшая.

— Я не говорил этого, я просто пытаюсь помочь.

— Я знаю, — она опустила голову, волосы упали на лицо. — Я так устала бороться с пустотой.

— Ты борешься с собой, этот страх внутри тебя.

— Я знаю. Ты не можешь мне помочь.

Она встала. Вдруг зазвонил телефон. Она сбросила вызов и вышла из кабинета.

* * *

Алёна не знала, что сделать, чтобы успокоиться. Дождаться вечера, когда он уснёт и посмотреть номер, а заодно проверить смс? Но это же подло. Нет, она не станет этого делать. Спросить прямо и в ответ услышать ложь? Показать, что она всё знает? Надо позвонить Инне.

— Привет! Ты что не отвечаешь? У меня тут... в общем, у Валерки, кажется, кто-то есть. Да, сбросил при мне вызов. Я? Ты с ума сошла? Нет, не могу. Что делать-то? Ладно, попробую понаблюдать пока. Завтра встречаемся, как договорились. Да, хорошо, пока.

Алёна положила трубку и вышла из кухни.

— Валер, извини, у меня на работе сложности, вот и вспыхнула из-за ерунды. Поедем, правда, посмотрим новую ёлку, а?

— Хорошо, мы как раз самолёт закончили. Глеб, поедem за ёлкой?

— Да, пап.

— Вот и хорошо. А по дороге эту выбросим.

Ёлку купили высокую и пушистую, почти три метра, под потолок. Выбирали долго: Алёна хотела серебристую, Глеб — сосну, но Валера объяснил им, что они за ЁЛКОЙ пришли, вот и купили ёлку в итоге. Когда вошли в квартиру, Валера посоветовал, что забыл купить сигарет и вышел в магазин. На кухонном столе лежала начатая пачка. Алёна взяла её и убрала в шкаф. Потом прошла в комнату и стала обшаривать один за другим карманы пиджака. Вытащила платок, положила обратно. Так, чек за бензин, за телефон, больше ничего. Дальше были брюки. Ещё один пиджак. Когда в замке повернулся ключ, Алёна уже была в коридоре.

Ужинали молча. Когда Глеб пошёл спать, Алёна присела к нему на постель:

— Глебушка, мы так редко видимся, рассказывай мне иногда, что происходит у тебя в школе, хорошо? Мне же интересно, чем ты живёшь, с кем общаешься. С кем ты сейчас дружишь в классе?

— Мам, сегодня в школе одного мальчика избили.

— Господи!..

— Не из нашего класса, из параллельного. Повалили на пол возле учительской старшеклассники и били ногами. А несколько учителей проходили мимо и ничего не сделали. А потом его увезли на скорой и, говорят, зашивали бровь или ещё что-то.

— Как это, молча мимо прошли? И никто не вмешался, не заступился?

— Мам, мы с Вовкой были там, видели. Я жалею, что не вмешался, я испугался тогда. А сейчас...

— Вы и не должны были вмешиваться, на это есть взрослые.

— Мам, но я...

— Ты никогда не лезь, а то и тебе будут потом голову

зашивать! У вас в детском саду была девочка, сама влезла под качели, ей потом всё лицо зашивали, но она сама виновата.

— Мам, а если я...

— Если ты не будешь нарываться, лезть к старшеклассникам, с тобой ничего не случится.

— Но он не...

— Спокойной ночи, Глеб, я очень устала, завтра ещё поговорим.

Алёна прикрыла дверь, прошла на кухню, налила кофе.

Мысли её были в левом непроверенном кармане последнего пиджака.

А Глеб так и не мог понять, почему, когда бьют беззащитного, не нужно лезть? И что будет, если завтра его будут бить ногами — все остальные пройдут мимо? И почему его родная мама так рассуждает? Видимо, она не поняла: он как-то неправильно рассказал. «Попробую завтра рассказать правильно», — подумал Глеб и с этой мыслью уснул.

Алёна сидела на кухне, механически накручивая на палец прядь рыжих волос, глотала кофе и думала, спит ли Валера. Если да, то что ему снится? Если нет, то... она боялась зайти в комнату и понять, что он не спит. Боялась сорваться, ведь она ещё ничего не знает. Или знает, чувствует? Она подумала, когда последний раз они с Валерой оставались одни: ходили в кино, в ресторан, ездили в отпуск? Работа, кредиты забирали всё время и силы. У неё. А у него? Она достала спрятанные ранее сигареты, открыла окно и затянулась. Она не курила лет пятнадцать. Так, баловалась в старших классах и после школы. Рукой смахнула дым, выбросила окурочек в унитаз и решительно пошла в спальню. Валера ровно дышал во сне.

* * *

Как они познакомились? Она чётко помнила ту минуту, когда ей представили его: «Это Кирилл». Голова как-то закружилась, и жизнь пошла на новый виток. На этой даче друзей всё кружилось, как в карнавале: люди мелькали, дни текли, и казалось, нет конца веселью. Кирилл приехал позже остальных, был серьёзен, приглядывался к незнакомым людям. Они много разговаривали, гуляли по территории, пили и танцевали. Ту ночь она не помнила, проснулась уже у него в номере. Просто он не знал, в каком она... Ну да, ну да. Ничего такого. А ей хотелось остаться. Совсем. Быть с ним безо всех этих людей. В этот день они вернулись в город, он подвез её к дому, сказал: «До встречи». И не позвонил. Она позвонила первая, ведь женщина может так и не дожидаться первого шага мужчины, приходится наступать ему на ноги. Они встретились в центре, выпили кофе. И он снова не позвонил. А теперь абонент недоступен. А она... нет, она не могла представить, что больше не увидит его. Взяв у подружки телефон знакомой гадалки, она отправилась уточнять цену своего счастья.

Гадалка сидела в подвале. Она оказалась довольно молодой женщиной без всяких стеклянных шаров и сушёных лягушек. Взяла за руки, сказала, что немного барахлит печень и желудок.

— Что вы хотели узнать у меня?

— В общем-то, я пришла из-за одного человека.

— Напишите имя на бумаге. У вас есть его фотография?

— Нет, фотографии нет.

— Тогда имя.

— Вот.

— Красивый. Умный. Но к вам он равнодушен. У

него кто-то есть. Женщина, рыжая, длинные волосы. С ним не живёт, но он не может её забыть. Она... да, она замужем.

— А я могу как-то переключить его внимание? — она замялась.

— В смысле — приворожить?

— Ну... в общем, да.

— Вы уверены, что этот человек вам нужен?

— Я как помешанная. Я не могу не видеть его. Не знаю, что со мной.

— Подумайте. Этим вы можете навредить ему. Да и себе тоже. Если решитесь, приходите в среду вечером сюда же, я дам вам средство. Это будет стоить... Цифру она написала на бумажке, но девушка уже доставала кошелёк.

— И запомните: пузырьёк на три дозы, паузы — не меньше двух дней, если выльете всё сразу — он может умереть. Если выпьет кто-то другой, тоже будет беда.

* * *

В девять утра Алёна была уже на работе. Глеба сегодня в школу завезёт Валера. Тревожность не проходила. Она удержалась от просмотра его телефона, но руки так и чесались. Достала папку с отчётом: «Надо уже сдать его и забыть!» В коридоре она встретила улыбающуюся Тамару Михайловну: «Я последовала вашему совету, Алёна Игоревна! Кажется, Степану Игнатьевичу понравился подарок!» — и она протанцевала дальше по коридору мимо остолбеневшей Алёны. Заглянув в кабинет шефа, Алёна удержалась от того, чтобы прыснуть: на шее Степана Игнатьевича болтался розовый галстук с рисунком в виде серебряных оленей. Он удивлённо разглядывал это чудо, но, видимо, всё же был тронут вниманием коллеги.

— Я пошла сдаваться!

Степан Игнатьевич жестом показал, что будет держать кулаки, и вернулся к созерцанию серебряного стада.

Алёна шла по коридору, заглядывая в кабинеты, где вовсю шла подготовка к Новому году: наряжались небольшие офисные ёлки, под них ставились Санта-Клаусы, Снегурочки и бутылки с шампанским. На стены вешали мишуру, готовые поздравления, гирлянды, которые держали симпатичные обезьянки, самодельные газеты с фотографиями сотрудников. В общем, жизнь кипела. Алёна постучалась и открыла дверь. Руководитель отдела, Игорь Юрьевич, разговаривал по телефону и жестом пригласил присаживаться.

— Да, и вас с наступающим! Всего доброго! До свидания!

Он отложил трубку.

— Здравствуйте, Алёна Игоревна! Принесли долгожданный отчёт?

— Да, Игорь Юрьевич, простите, что задержалась: работы было много.

— У нас у всех её много, — и кто бы мог подумать после этой фразы, что начальник отдела работает полдня, а потом уезжает к себе на дачу?

— Я знаю, Игорь Юрьевич, мы все стараемся для общего блага. Я могу идти?

— Подождите. Он открыл папку, но Алёна не переживала, он вряд ли поймёт что-нибудь в цифрах, таблицах, схемах. Всё это начнут читать-сверять в середине января, а в праздники можно спать спокойно.

А почему, собственно, она вообще должна беспокоиться? Потому что её заставляют менять данные в отчёте? Ну прямо-таки «заставляют»? Скорее, просят. А она

может отказаться? Может, конечно, вместе с заявлением об уходе. Начальству нужны удобные работники. А ей нужна работа и зарплата. Зачем вообще об этом думать? Нужно просто выйти из кабинета и заняться своими делами. Встретиться с Инной, наконец, и попить кофе.

— Хорошо, Алёна Игоревна, — Игорь Юрьевич оторвался от созерцания цифр, — вы можете идти. С наступающим вас! Впрочем, завтра ведь корпоратив, ещё увидимся.

— Да, до завтра, Игорь Юрьевич!

Алёна вышла. «Интересно, она моложе меня? Наверное, моложе. Наверняка парикмахерша или маникюрша». Она автоматически кивала проходящим мимо коллегам. «Интересно, где они встречаются? Впрочем, неважно. Интереснее — когда? В рабочее время? Надо позвонить Инне, может, она подскажет что-то дельное». Алёна полезла в карман за телефоном, и в этот момент он зазвонил.

— Да? Добрый день! Кто? А, да, помню, конечно. Рада тебя слышать! Сегодня? Знаешь, у меня сейчас встреча в районе двух-трёх часов дня. Где-то в центре, я думаю. Позвони, как освободишься, я скажу адрес. Да, хорошо. До встречи!

Она набрала Инну.

— Привет! Ну что, мы встречаемся? Да, ещё один старый знакомый позвонил, хочет к нам присоединиться. А мне нужно с тобой поговорить до него. Он? Приятель друзей, в студенческие годы были в одной компании. Говорят, даже был в меня влюблён. На Павелецкой? Кольцевая или радиальная? Ладно, подъеду. Ну, через час точно. Кафе «Эль Гато»? Хорошо, не найду — позвоню.

* * *

Отчего-то ей показалось, что он может вернуться именно сегодня, и вполне вероятно была их встреча утром на Белорусском, куда приходил экспресс из Шереметьево. Она не знала, улетел ли он самолётом, уехал ли на машине, не знала ничего вообще, но идея с экспрессом показалась ей убедительной. Нет, не всё потеряно, ведь он мог прилететь в Домодедово, а я стою как раз возле Павелецкого вокзала, а он... вполне возможно, что он сейчас идёт от красненькой змейки-экспресса к метро. Она бросилась к вокзалу, расталкивая толпу: «Ну же, скорее!», протиснулась в двери подъезда, рванулась туда, где сквозь железные ворота пропускали пассажиров экспресса. По эту сторону стояли встречающие. Возле перрона отдыхали сразу два красненьких поезда — это уже два шанса из ста или из миллиона. Она прижалась к железной решётке и жадно вглядывалась в лица, выискивая знакомую фигуру с синей сумкой. Люди сплошным потоком проходили мимо. Вот прошёл парень с большим белым медведем в руках. Медведь был очень странный, каждая его шерстинка торчала нахохлясь, словно колючая снежинка, отчего вид у медведя был вовсе не дружелюбный, а словно наэлектризованный. Вот девушка с большим малиновым чемоданом, её встретил парень и прижался к её губам в поцелуе. Вот ещё и ещё встречающие отлавливали своих, долгожданных. Молодая пара встречала друзей — таких же молодых и счастливых. У всех какие-то вещи, подарки. До Нового года остались считанные часы. Людей становилось меньше, и вот уже последние пассажиры экспресса покинули перрон, ворота стали закрывать. А она всё ещё стояла, ухватившись за кованую створку, в животе было пусто и холодно.

«Вам плохо?» — спросил сотрудник вокзала.

Она отрицательно покачала головой и побрела обратно на площадь. Она переходила от ларька к ларьку, скользя взглядом по маленьким обезьянкам — символам наступающего года и большим уродливым гориллам — тоже символам чего-то неизбежного. По упаковкам с чаем, по разнокалиберным коробкам конфет и прочей предпраздничной мишуре, рассыпанной на лотках. Наверное, можно было бы ещё успеть что-то купить, кого-то поздравить. Она поняла, что ей в другую сторону, только когда дошла до конца улицы. Давно кончились палатки, по правую руку тянулись унылые серые здания, пахло общественным туалетом, обозначенным впереди «М/Ж». Запах вернул её в реальность, она вздрогнула и повернула назад.

* * *

В кафе было сильно накурено. Алёна поморщилась. Вечно Инна забывает, что она не курит. Подруга сидела в дальнем углу и казалась расстроенной.

— Привет! Что-то случилось?

— Нет, с чего ты взяла? — взгляд Инны был отстранённый.

— Ну, ты явно где-то не здесь.

— Я тут. Что там у тебя с Валерой? Рассказывай.

— Ну, пока только пара неопознанных звонков. Но у меня такое ощущение, что я до этого просто спала и ни на что не обращала внимания. На него тоже. И вся эта ситуация — естественное развитие событий. Только что делать — не знаю. И хочется убедиться и не хочется.

— Подожди, ну ты смс-то посмотрела? Входящие? Номер записала?

— Нет, я не вошла в его телефон. Это неправильно, нечестно.

— А он честно? А жене изменять, пока она на работе день и ночь пашет, честно?

— Инн, не трави, а?

— Что «Инн»! Я помню, как меня зовут. А он помнит? Он тебя ночью чужим именем не называл ещё? Ну, жди, назовёт.

— Я ночью сплю крепко, иногда прямо на диване в гостиной засыпаю, до спальни не дохожу, сил нет.

— Вот-вот, на диване. А она доходит. И, может быть, до твоей спальни.

— Ну нет, не может быть!

— Почему не может?! Дачи у вас нет, лишней квартиры тоже, за эту только-только кредит отдали. Где тогда?

— Ну, у неё, может, или в гостинице.

— Надо всё выяснить и поговорить с этой профурсеткой по душам.

— Инн, может, и нет её... А если есть, волосы драть, что ли? Ты посмотри на меня, я что, похожа на Медузу Горгону?

— Нужно уметь постоять за себя!

— Я верю, что всё складывается в жизни так, как должно. Если счастье Валеры — быть с другой, значит так и будет. Если моё — с другим, оно тоже случится.

— О, вот, может, моё счастье к нам едет или твоё! — Алёна улыбнулась, взглянув на телефон. — Алло! Да, Кирилл, да, я на Павелецкой, кафе «Эль Гато», знаешь? Это, если ехать с Дубининской, то по левую руку на Садовом кольце. Если по Садовому, то на внешней стороне. Да, ждём!

— Давай закажем ещё кофе! Инн, ты меня слышишь?

— Да, слышу. Я буду латте.

— А ты не веришь в судьбу?

— Я? Знаешь, мне кажется, иногда нужно помогать

тому, кто не вовремя отвернулся. То есть как-то корректировать события.

— И как ты их скорректируешь?

— Ну, кому позвонить, кому помочь — подсказать что-то. Или просто убедить, что так будет лучше для человека.

— Ну хорошо, ты советуешь одно, а он делает другое. Ты считаешь, что для него будет лучше вот так, а он так вовсе не считает.

— Ну что ты ко мне пристала?! — Инна повысила голос. — Не знаю я. Тогда силой!

— В смысле — силой?

— Насильно делать людей счастливыми.

— Это как?

— Это делать, как считаешь нужным, а потом сами поймут, что ты желала им добра и счастья.

— Ну ты даёшь! — Алёна отпила из чашки. — То есть ты вот сейчас решишь, что мне лучше бросить работу, отдать сына в интернат и выйти замуж за иностранца, и силой будешь это воплощать в мою жизнь для моего же счастья?

— Да при чём тут ты! — Инна воодушевлённо посмотрела в окно. — Вот, например, молодой, красивый входит сейчас в эти двери и идёт вон к той уродине, сидящей за твоей спиной.

Алёна обернулась: «Девушка как девушка, зачем ты её обзываешь?»

— В общем, к этой вот прыщавой девушке с жиденькими волосёнками и кривыми ногами он и идёт. Ну и где справедливость в этом мире? А я хочу, чтобы он шёл сюда, к нам.

— И как ты его заставишь?

— Ну, для начала можно уронить что-то или тол-

кнуть нечаянно, помощи попросить, ещё что-то придумать. Чтобы познакомиться. Потом надо как-то добыть телефон и уже активно действовать.

— Инн, я раньше за тобой такой активности не наблюдала что-то.

— А это я решила, что, чем всю жизнь ждать, пока тебе твоё счастье с неба свалится, а всем плохим людям отольётся, лучше один раз купить дубинку и бабахнуть им всем по голове!

— Я даже не знаю, что тебе на это ответить.

— А нечего отвечать, потому что я права. Вот ты. Сидишь и думаешь: судьба. Вот уйдёт Валерка к двадцатилетней, а ты будешь сидеть в шестьдесят лет одна в коммуналке и жалеть, что ничего не сделала.

— Может быть, ты и права, но лишь отчасти. Потому что нельзя дубинкой направо и налево размахивать.

— Кто ж говорит, что направо и налево, нужно бить точно в цель. Нельзя быть нюней, как ты. Я всегда тебе говорила...

Инна замерла, глядя за спину Алёны. Та тоже обернулась.

— Вот вы где. Добрый вечер! — поздоровался Кирилл.

— Привет! Сколько лет, — улыбнулась ему Алёна.

— П-привет...

— Вот так встреча! — обратился Кирилл к Инне. — Вы знакомы? — этот вопрос был адресован Алёне.

— Да, это моя подруга Инна, но я так понимаю, что вы тоже знакомы.

На Инну было страшно смотреть. Она как-то вдруг уменьшилась в кресле, быстро допила остатки кофе и, пробормотав: «Ну, мне, наверное, пора», попыталась встать.

— Тебе же никуда не нужно. Оставайся! Расскажите, где вы познакомились? — удивилась Алёна.

— Отмечали прошлый Новый год на даче у общих друзей. В общем-то, вот и всё. А ты всё хорошеешь, Алёна! Сколько лет мы не виделись?

— Года три, наверное. Последний раз на дне рождения Стёпы, помнишь?

— Да, время как летит! Кстати, я у него и узнал твой телефон, ты же поменяла номер. Поэтому я не мог дозвониться.

— Да, у меня украли в метро телефон. Кирилл, а что ты ничего не закажешь? Мы бы тоже ещё выпили по чашке кофе. Да, Инн?

Но девушка не ответила. Она думала лишь о пузырьке, стоящем на тумбочке в квартире далеко-далеко от кафе.

* * *

— Спасибо, что подвёз, — Алёна вышла из машины и пошла к подъезду.

Кирилл смотрел, как она нажала кнопки домофона, как открыла и закрыла за собой дверь. Потом выехал из двора и поехал прямо.

— С кем ты была? — Валера никогда не был ревнив, и подобная встреча на пороге спустя тринадцать лет после свадьбы удивила Алёну. — Кто тебя подвозил?

— Знакомый. А что случилось?

— Ты проводишь вечера со знакомыми мужчинами? И часто?

— А ты с кем их проводишь? — взвилась Алёна. — А дни? Кто тебе звонит, чьи звонки ты сбрасываешь тайком?

— А что вдруг тебе стало это интересно? Столько лет тебе до меня не было никакого дела! Только отвези-

привези-купи. Она у нас бизнес-леди, она такая занятая. А есть девушки попроще, подступнее, понежнее.

— Вот и катись отсюда к доступным, видеть тебя не хочу! — Алёна закрылась в ванной, пустила воду и зарыдала. Ну вот и выяснили: есть. Алёна пыталась понять, что она чувствует: боль? обиду? непонимание? Пустота, только пустота внутри, словно тело — огромный пузырь, в который налили воды. Вода перекачивается, булькает и всё. «Хочет — пусть уходит. Не хочет — пусть остаётся, мне всё равно».

— Лен, — в дверь постучали. Ну чего ты там сидишь? Выходи! Давай спокойно поговорим. Я как увидел тебя с этим, на машине, разозлился жутко. Дело не в том, что я святой. За эти годы была ерунда всякая. Лен, но я тебя люблю. И вдруг ты...

Алёна прислушивалась, завернув кран.

— Ты же вечно такая неприступная, занятая. Мы уже несколько лет никуда не выходили вместе.

Алёна открыла дверь:

— То есть у тебя все эти годы была «всякая ерунда»? И я не закатывала тебе скандалов. Я, как ты говоришь, была занята. Да, я работала, отдавала долги. Надеюсь, ты в это время не таскал своих шлюх в мою постель?! А я за десять лет один раз невинно выпила кофе с сокурником, это уже преступление. Да как ты смеешь вообще мне что-либо высказывать?!

Она рванулась по коридору в комнату, открыла шкаф и стала доставать рубашки и пиджаки.

— Забирай свои вещи и уматывай к своим парикмахершам-маникюршам!

— Почему к парикмахершам? — Валера усмехнулся, несмотря на серьёзность ситуации.

— А кто она?

— Лен, важно, кто ты и кто я. Давай поедем в отпуск? Вдвоём.

От неожиданности Алёна бросила вещи на кровать и села.

— Поедем, а? Отдохнём, побудем вместе. Всё наладится.

— Я не знаю, смогу ли я поехать с тобой.

Валера сел рядом и обнял её:

— Ну что ты? Мы же семья. Сейчас Глеб вернётся от Сашки. Ну перестань!

Слёзы катались и катились по щекам. Наверное, это вся вода изнутри выходит наружу, и потом станет сухо и солнечно.

* * *

Сегодня тишина была сиреновой. Она легла слоями на занавески, подоконник, стол. Казалось: протяни руку — и ты зачерпнёшь сгусток, сможешь вымазать щёки, руки, тело чудесной мазью. И кто знает, что будет дальше? Между тяжестью и невесомостью не такой большой разрыв. «Хотя нет, мне больше по вкусу цвет майской сирени, этот темноват, темно, очень темно». Андрей не помог, никто не помог, я сама могу себе помочь! Она кинулась в коридор, схватила сумку, стала рыться в ней, выкладывая вещи прямо на пол. Вот!

Инна сжимала пузырёк в левой руке, а правой продолжала рыться в сумке.

— Где же эта бумажка? Я же записала, сколько нужно наливать. Половину? Кажется, половину. Нельзя всё. Но я всё равно его не увижу. Вчера он сделал вид, будто меня не знает вовсе, а ей комплименты отвешивал. Рыжая! Ну конечно! А она меня тоже за нос водила: у мужа любовница. А сама шашни водила с Кириллом. Хороша же я: верила подруге! Ну они оба поплатятся, ох по-

платятся. Другому нельзя, другому нельзя... Если он не появится, я сначала разберусь с ней. Сегодня звонить бессмысленно: они высадили Инну у метро, и он повёз Ленку дальше, до самого дома. Сидят, наверное, сейчас у подъезда в машине, обнимаются.

Злоба была через край, расплёскивалась вокруг небольшими лужицами, наступать в которые было бы опасно. Хорошо, рядом никого не было. Хорошо ли? Инна убрала пузырёк в сумку, включила музыку и, улыбаясь, стала танцевать.

* * *

Утром Алёна с Валерой поехали за билетами. Взяли путёвку на Бали, номер на двоих четыре звезды. Алёна чувствовала себя странно. Ещё вчера она думала об отчёте; о том, с кем изменяет ей Валера; что делать все праздники в квартире с этим человеком, который её не любит. А сейчас... сейчас она тоже об этом думала. То есть в голове была каша, но она знала, что будет солнце, море, что муж её любит, если едет с ней за тридевять земель и хочет помириться. И она позволила себе немного забыться и пустить всё на самотёк. Они зашли в кафе, сели у окна. В сквере было много снега, и дети лепили снежки и просто возились в сугробах.

— А помнишь, когда Глеб был маленький, ты уехала с ним на лето на дачу? Мне было так одиноко без тебя. Но я не мог признаться, это показалось бы тебе смешным, я ведь взрослый мужчина, а хнычу, как ребёнок, оставшийся без мамки. Но я подумал тогда, что не нужен тебе, не жизненно необходим.

— Валер, наличие маленького ребёнка сводит личные нужды к нулю, остаётся лишь необходимость: одеть-уложить-выгулять-покормить. Нет сил даже на себя. Наверное, это понятно лишь женщинам.

— Да нет, головой это как бы можно понять, но остаётся что-то. Осадок, что ли.

— Да, за долгие годы накапливается толстый слой осадка. Думаю, не стоит вдруг начинать его мешать столовой ложкой.

— Да, наверное, не стоит. Но, может быть, есть смысл обсудить какие-то вещи, чтобы лучше понять друг друга?

— У нас будет время. Я не могу сразу, столько всего...

— У тебя во сколько корпоратив?

— В четыре. Ещё есть время.

— Давай заедем, купим что-нибудь к предстоящему отпуску. Купальник, шляпу, сандалии. Что ты хочешь? Хотя, думаю, и там можно будет купить.

— Лучше там, это всегда память. Помнишь, как я купила огромную сумку с рыбами в Эмиратах? Или смешные футболки со слонами в Тайланде?

— Да, а я очки и шлёпанцы из соломки.

Если бы кто-то смотрел со стороны улицы, то увидели бы за столиком мужчину и женщину, они смеялись и смотрели друг на друга так, словно не виделись последние десять лет.

* * *

— Алён, привет! Как ты? Ты не отвечала. Что-то случилось? Валерка? Здорово. На Бали? Я тут, знаешь, подумала, что вчера забыла привезти тебе подарок. Ты как раз дорожный утюг хотела, вот и возьмишь с собой. Пересечёмся завтра? Ну, с утра. Хорошо, поближе. Да. Пока.

Врёт она всё! Не мог Валера её на Бали позвать, это она с Кириллом едет, сто процентов. И вообще, что в ней все находят? Алёна полновата, ну, волосы рыжие, лицо обычное. Обойдётся без Бали, и так её Валерка в

кучу стран свозил. Не видать ей Кирилла! Лицо Инны скривилось, глаза так и буравили пустоту, в которой ей, вероятно, мерещилась лучшая подруга.

* * *

Корпоратив — то, что никогда не начинается вовремя, точнее, это мероприятие вообще расплывается во времени. Наполнять рюмки втихушку начинают до начала, потом речь руководства, а дальше — как пойдёт. И вот уже немного выпивший Игорь Юрьевич идёт на трибуну, улыбается всем присутствующим, шлёт воздушные поцелуи и перечисляет всё, чего бы он хотел от работников в новом году. Ну и немного радостей самим работникам! Ему аплодируют, но на самом деле он уже никому не интересен. Всю последнюю неделю коллеги мечтали о выходных, и сейчас был слышен громкий смех, звук открываемого шампанского, вопрос: «А вам что наливать?» Запах мандаринов разливался в воздухе приближением новогодней ночи, кто-то дёрнул хлопушку — веселье началось!

«Вы себе не представляете... — говорила Тамара Михайловна соседке по столу, — у них было уже трое детей, и вдруг он ушёл к француженке. А она оказалась убийцей, она до этого двоих мужей отравила. Это мой любимый сериал, — отвечала она на недоумённый взгляд Алёны, — в семь часов по первому каналу. — И продолжала: — И вот она уже готовилась и ему бросить яд в стакан, но вдруг ворвалась милиция, ой, да, полиция, и её повязали. Кто вызвал? А вызвала Катя, его жена, она почувствовала, что ему угрожает опасность. Женская интуиция... Степан Игнатьевич, добрый вечер! — Тамара Михайловна оставила соседку в покое. — Не ходите мимо. Давайте с вами потанцуем!»

«Пошла ва-банк, — улыбнулась Алёна. — Да уж, сериалы, кругом сериалы».

«А моя сидит, ревёт, — слышалось с другой стороны, — ну да, уже чемодан собрала. Говорит, звал на острова, такая довольная ходила. Дверь закроет и щебечет там с ним по телефону. Говорю: «Как звать-то хоть твоего хахаля?» А она: «Да ладно, мам, тебе его никак не звать». Я сразу поняла, что женатый. В выходные дома сидит. Говорю: «Ты чего не выходишь никуда?» А она мрачная такая: юрк в комнату — и сидит за компьютером или телевизор щёлкает, а видно же, что не смотрит, просто пультом играет, чтобы руки занять. И вот, значит, чемодан сложила, ну что у неё там — тряпье нехитрое: купальник, парео какое-то — знать не знаю, что это; тапочки резиновые, а он позвонил, видать, и отбой дал. С женой едет. Ну, у девки истерика. А я что поделаю? В наше-то время так бы отхлестали за эти дела, а сейчас...» — женщина махнула рукой.

У Алёны неприятный холодок скользнул между лопаток: «С женой едет. Отбой. С женой... Давай купим что-нибудь... Купальник... Купальник». Боже, как всё это мерзко. Хочется прямо сейчас в душ. Она проскользнула между столиками и вышла в коридор. Мужчины стояли на лестнице и курили:

- Куда же вы, Алёна Игоревна?
- Сигаретку дайте.
- Вы же не курите!
- Не курю. Спасибо! — протянула руку.

Дым плыл по потолку. Также плавно двигались мысли. «Не думай, не думай ни о чём... Переживёшь и это. Погреешься на пляже, а потом... потом придётся вернуться в холодную Москву, к тем же баранам». Уже не имело смысла спешить: волосы и платье пропитались дымом. Теперь пришла очередь слушать мужские разговоры.

— А моя говорит: «Не может быть, чтобы ты сидел в кафе и футбол смотрел. Ты у любовницы был. Логика железная просто, ничем не докажешь. Впрочем, для женщин что футбол, что любовница — одно вред, равноценный, я бы сказал. Она как увидит, что я дома спортивный канал включил, вопит, режут будто. Вот и приходится чемпионат в кафе смотреть».

Тут Алёна подумала, что некоторые женщины просто не понимают своего счастья. Может быть, и она не понимала? Привыкшая всю жизнь быть правой, имела ли она право ошибиться? И какие последствия это повлечёт? Ладно, Глеб первого уедет к бабушке, ещё через день они с Валерой — на Бали, а там... там начнётся новый год с новыми проблемами и заботами. Зачем гадать наперёд?!

Она поднялась обратно в зал, прошла вдоль стены, откуда видно было практически все столы и людей, взяла с тарелки канапе, положила в рот, оставив лишь ядовито-розовую пластиковую палочку в виде шпаги, покрутила её в руках, вернула на стол. Нужно, наверное, ехать. Помочь Глебу уложить вещи, подумать, что самой взять. Завтра нужно купить еды, но для этого сначала составить список. Она собиралась сделать два салата, запечь мясо. Остальное — так: бутерброды, нарезка. Салат сделать с курицей или с говядиной? Можно сырный ещё... Валеру с утра в магазин пошлю, сама поблизости встречусь с Инкой. Или не встречаться? Говорит, утюг купила, в отпуске пригодится. Да и время есть, в принципе.

Алёна попрощалась с близко стоящими коллегами и вышла на улицу. Ловить машину было холодно, к вечеру температура опустилась градусов до десяти, и в коктейльном платье Алёна чувствовала себя неудобно.

Машины проезжали мимо, не показывая поворотника и не притормаживая. Вдруг из другого ряда к ней ринулся зелёный жигуль, тонированное стекло опустилось, обнаружив за рулём молодого водителя, явно приезжего.

— Академика Пилюгина, знаете?

— Садись, красавица, довезу, не бойся.

Совершенно замёрзшая Алёна села на холодное сиденье, потянула вниз дублёрку, но голые колени продолжали сверкать в полумраке машины.

Минут десять ехали молча, потом водитель спросил:

— Где этот Пилюгина твой находится? Говори, я ехать буду.

Алёна мысленно выругалась. Ведь спрашивала же.

— В общем, сейчас прямо, дальше из тоннеля направо и по проспекту, там покажу.

— Откуда так хорошо дорога знаешь? Машину водишь? Муж подарил? У такой красавицы, наверна, богатый муж, да?!

Его рука внезапно оказалась на Алёнином колене. Она вздрогнула, дёрнула ручку и почти что вывалилась в открытую дверь машины. Хорошо, что машина стояла на светофоре. Теперь она сидела на обочине на короточках и набирала номер Валеры.

— Что случилось? — спросил муж, услышав в трубке её плачущий голос.

— Забери меня отсюда, пожалуйста, забери.

— А где ты?

— На светофоре возле «Ашана». Нет, не наш, предыдущий на проспекте. Я пока погреться зайду.

— Сейчас приеду.

Алёна прошла в магазин. Выглядела она неважно: колготки порвались, тушь потекла, и на лице были

следы от чёрных ручейков. Она направилась в отдел спиртного и взяла небольшую бутылку коньяка. Оплатив, она открутила пробку и глотнула из горлышка тут же, отойдя недалеко от касс.

— Гляди-ка, — кивнула на неё кассирша, показывая своей товарке, — во даёт! Совсем стыда нет.

У Алёны дрожали руки и зубы стучали о горлышко бутылки. Ничего, сейчас приедет Валера, он заберет её, согреет, всё наладится. Так, сжав двумя руками бутылку, она и переместилась в машину и, уткнувшись в воротник дублёнки мужа, разревелась снова.

* * *

— Алло!

— Кирилл, это Инна!

— Да, Инна, здравствуй!

— Привет! Как ты? Не уезжаешь на Новый год? Я завтра собираюсь встретиться с Алёной, может, присоединишься к нам?

Разумеется, она не собиралась сводить его с Алёной. Даже и мысли такой не было. Но это крючок, приманка.

— Вообще-то на завтра у меня были другие планы. А во сколько?

Инна стала прикидывать. Если они встретятся в одиннадцать, то до двенадцати Алёна уже убежит, и тогда...

— В начале первого, думаю.

— Я перезвоню завтра, хорошо?

— Хорошо, звони.

Она положила трубку и подумала, что он легко может перезвонить Алёне, а не ей. Вероятно, он так и сделает. Она снова допустила ошибку. Хорошо, тогда как отвлечь их обоих? Мысли скакали одна за другой. Пузырёк лежал в сумке, но как осуществить задуман-

ное? В крайнем случае, Алёна ответит за всё! — решила Инна и легла спать.

* * *

Алёна потянулась в кровати. После допитой вчера бутылки дико болела голова, выходить никуда не хотелось. «Может, позвонить Инне и отказаться?» — мелькнула спасительная мысль. Валера уже ушёл на рынок. На плите оставил для неё сваренный кофе. Глеб в своей комнате играл в компьютерную игру. В гостиной стояла новая ёлка. Зазвонил телефон, где бы он мог быть? Достав трубку из кармана дублёнки, Алёна ответила.

— Привет! Ты собираешься? — голос Инны был бодр.

— А который уже час?

— Десять минут одиннадцатого. В одиннадцать, как планировали?

— Ой, Инн, в одиннадцать я не успею, я только встала.

Инна зажала трубку ладонью и выругалась.

— А во сколько успеешь?

— К двенадцати, не раньше. Ну хочешь, давай не сегодня, если у тебя свои планы, — Алёна надеялась, что подруга перенесёт встречу.

— Хорошо, жду в двенадцать, — сухо сказала Инна и положила трубку.

— Странно, — мелькнула у Алёны мысль, — какое-то обязательное вручение подарка, уже и правда не хочется идти.

И всё-таки пошла собираться. Приехавший с продуктами Валера предложил подвезти её. Алёна отказалась:

— Тут по прямой на метро три станции, я туда и назад.

* * *

Кафе было на противоположной стороне. Пешеходный переход на площади в конце улицы: долго и холодно. В две полосы была длинная пробка, машины сигналили, но ничего не двигалось. Алёна решила протиснуться между ними, сэкономив время. Оставалось пересечь полосу троллейбуса. Джипа она не видела. Удар был такой силы, что её отбросило на тротуар.

Инна постукивала ноготком по чашке с остывшим кофе, глядя на часы. Алёна не пришла и не отвечала на звонки. Кирилл тоже не перезвонил. «Хорошо, значит в следующем году», — подумала Инна, вышла из кафе и побрела домой.

* * *

Птица билась о стекло. Она была небольшая, серая, похожая на поползня. Как она попала в подъезд этого дома в городе, было неизвестно. Я стояла на третьем этаже и видела каждый удар её о стекло. Глупая, она ударялась снова и снова, с размаха, вскрикивая по-своему, по-птичьи, от боли и бессилия. Окно было высокое, а я — маленькая, и мне было не достать до неё. Я протягивала руки, пытаясь поймать птицу, вынести на улицу, на воздух, на волю. Но она только пугалась моих рук и поднималась всё выше. Вот, ударившись в очередной раз, она осела на раму, я подтянулась, почти коснувшись её крыла, но птица из последних сил взлетела, сделала круг над моей головой и снова ударилась о стекло. Она упала на площадку возле моих ног. Теперь я могла взять её в руки, но уже ничем не могла помочь ей. Тогда, помню, я плакала...

Озеро

*«...И каждая эпоха человеческой жизни, каждая страна,
каждый город, каждый дом, каждая комната имеют свой запах
— точно так же, как имеют свой запах каждый человек,
каждая семья, каждый род...*

*и — за эпохами, за событиями городов и стран — ему, этому,
данному человеку, морщинки у глаза, запах комнаты
существенней, многозначимей, чем события эпох».*

Б. Пильняк

Серость неба давила не только на голову. Она словно ложилась на все внутренние органы, отягощая каждый из них, забывая существующие в них пустоты серой ватой, наполняя тело отзвуками грозовых разрядов. Будто внутри родилась шаровая молния и перемещается от желудка к коленям, от ног к голове, замедляя своё движение то в животе, то в районе горла, и тогда словно спазм схватывает тело, и человек замирает или, наоборот, начинает двигаться, чтобы освободиться от этого груза, чтобы ушло это странное ощущение грозы внутри тебя.

Как странно: стоит пойти дождю, смениться направлению ветра, и ты уже не тот. Стоит позвонить близкому человеку и произнести обычные слова с другой интонацией, и ты уже чувствуешь эту перемену, и в тебе звенит тревожная струна: что-то не так, что-то случилось. Не твоя ли здесь вина? Стоит позвонить просто не тому человеку и не вовремя, и мир рушится в одно мгновение, словно от этого неправильного звонка зависит вся жизнь, даже, пожалуй, жизнь всего

человечества. Можно ли вот так чувствовать, всегда на изломе, убиваясь там, где другие просто радуются; радоваться там, где другие видят пустоту?

Только ли русский человек может чувствовать вот так, не сдерживая этот поток эмоций, перехлестывающий через все возможные пределы?

Да, небо давило с вечера, с утра всё тоже было серым, и вставать и куда-то идти было невыносимо. Степан задвинул поплотнее шторы и лёг обратно в постель. Ирина ушла неделю назад, она просто купила билет на самолёт и исчезла, не оставив записки. Да, она не раз пыталась поговорить, но плохо получалось, всё это приводило лишь к слезам и срывам, ни до чего конкретного они так и не договорились. Претензий у неё было две: жизнь в этом холодном, промозглом месте у озера и его любовь к книгам. Обе были резонны, поскольку климат здесь и вправду был сырой, ветер часто ломал деревья на холме, вода в озере была зеленоватой, пахнувшей талым снегом. Ближе к берегу — заросли шиповника и барбариса. Но он любил это место, особенно на рассвете, когда над водой и дальними горами стоял туман и пейзаж казался нарисованным на холсте. Или в солнечный день, когда каждое облачко отражалось в воде, а цветы на лугу тянулись своими разноцветными головками к свету. Он не представлял своей жизни без озера. Ирине было скучно. Её не радовала ни зелень травы, какой не увидишь в городе; ни цветы, которых не встретишь в средней полосе. Книги были ещё одним камнем преткновения в их отношениях. Он собрал небольшую, но хорошую библиотеку, отвёл ей отдельную комнату в задней части дома и проводил там большую часть дня. Он погружался в параллельные миры, созданные писателя-

ми разных стран, он побывал во многих веках, прожил много жизней вместе с героями.

Надо сказать, что он долго ждал этого, когда можно будет не работать на кого-то, не жить, как затравленный зверёк, опасно поджимающий уши при звуках будильника, уйти от рутины и, сидя вот так на веранде у озера, читать книги. Юность он провёл в квартире в большом городе: учёба, работа — всё как у всех. Он работал инженером-проектировщиком на огромном сером заводе, ежедневно видел серые трубы, серые здания по дороге на работу. Этот дом на озере купил его отец незадолго до своей смерти. Степан даже не знал об этом, узнал уже после, приехал и остался. Потом приехала Ирина, они были вместе уже несколько лет, детей у них не было. Она побыла пару месяцев и вернулась в город. Ирина работала хореографом в училище, скучала по своим воспитанникам, ей хотелось движения, не хватало бешеного ритма города. А на озере ритм жизни был совершенно иной: утро плавно перетекало в вечер, день трансформировался в последующие дни, время можно было размять в пальцах, словно пластилин. Степану не было ни скучно, ни одиноко. По утрам, когда не спалось, он уходил в горы — недалеко, брал палку и Витязя — огромного лохматого пса — и шёл осматривать свой новый мир, свой необитаемый остров.

Ближайшие соседи жили довольно далеко, отец, видимо, специально так выбрал место. Это были старики Долмины, Иван и София. Он иногда заходил к ним, раз в месяц, не чаще, заносил какой-нибудь гостинец или просто болтал с ними на веранде их дома, увитого плющом. Их дети, наоборот, уехали в город с озера, поближе к цивилизации.

— И правильно, — говорила Ирина. — Ну что здесь

делать молодёжи, удить рыбу? Я удивляюсь, как ты можешь изо дня в день сидеть и смотреть на воду? Никакого движения, никакого порыва!

Обычно он ничего не отвечал. Иногда шёл в библиотеку. Иногда и вправду отправлялся удить рыбу, а потом готовить её. Это тоже был процесс. Подготовка наживки, выбор удочки, сидение на берегу в ожидании.

Ирина всё же уехала. Несколько месяцев она активно работала, звонила иногда по вечерам, уговаривая его вернуться в квартиру. Даже затеяла какой-то небольшой ремонт. Степан сразу же отклонил это предложение, он только-только почувствовал себя дома и не хотел расставаться с этим новым комфортным ощущением. Она пыталась привлечь общих друзей, чтобы они повлияли на его решение, но все они — взрослые люди, и если человеку хочется жить на озере — отчего не жить? Большинство из них тоже хотели бы уехать из города, но не могли по тем или иным причинам.

Спустя полгода, испробовав все способы давления на Степана, Ирина вернулась, тихо сидела в кресле-качалке на веранде, укрывшись пледом. Казалось, что и она только и хотела, что покоя, тишины, что именно этой умиротворенности и искала долгие годы. Ему показалось, что между ними наступило истинное понимание, открылась какая-то странная нежность, хрупкость. Она садилась подле него, когда он читал книгу, склоняла голову ему на плечо и замирала, словно чтение никогда не раздражало её. Словно это вообще другая женщина вошла в его жизнь.

В периоды одиночества он вспоминал свою молодость и девушку по имени Татьяна, которая когда-то жила с ним по соседству. Как он был влюблён тогда. Как хотел проводить с ней все дни и ночи. Если и го-

ворят, что бывает только одна весна любви, то у Степана она была как раз тогда. Татьяна была невысокой смешливой шатенкой с маленькими ладонями. Он брал её ладони в свои большие, прижимал к лицу, вдыхал запах кожи с примесью цветов. Перебирал её волосы, смотрел, как забавно морщится её носик, когда она рассказывает что-то смешное. Татьяна была вся — солнце, свет, движение, жизнь. Что случилось потом, он толком не смог бы рассказать. Он переехал, много работал. Она смеялась, подавая руку кому-то ещё. А может быть, это он в какой-то момент отвёл глаза, повернулся спиной. Почему-то это не запомнилось, в памяти остались лишь яркие краски, дорогие сердцу черты.

Как тяжелы были эти воспоминания именно здесь, когда всё располагало к безмятежности, наслаждению жизнью. Порою в городе, на работе, он мечтал оказаться в парке возле пруда или в пасмурный день смотреть с террасы загородного дома дождь, или просто лежать в постели, вдыхая запах сосен за окном. Именно здесь, на берегу, он остро чувствовал своё одиночество, точнее, одинокость. Чувствовал это непонимание людьми в своей библиотеке, на чердаке, на кухне, в палисаднике. Раньше шум города казался ему невыносимым, а сейчас он начал понимать иное, когда в тишине его настигали свои же собственные мысли, от которых было некуда спрятаться, укрыться, некому было защитить его от них.

Возвращению Ирины он обрадовался, надеясь, что она останется с ним. Но гармония оказалась недолгой, и он снова оказался предоставлен своим мыслям. Господи, отчего ты принимаешь наши молитвы буквально? Когда человек просит что-либо, он сам не знает, что творит. Он не знает, во благо ли ему это будет или во зло. Когда он встретил Ирину, он не предполагал, что

сценическая карьера будет для неё дороже, чем их совместная жизнь. Когда он просил отдыха и тишины, он ещё не знал, каково это, когда боишься засыпать один, когда разговариваешь с соседским котёнком, когда отвечаешь шуму ветра и плачешь под дождь. «Словно всю родню схоронил», — отчего-то подумал Степан. Впрочем, это было почти правдой. Отец умер шестнадцать лет назад, и мама скончалась — вот уже четыре года прошло. Где-то на севере жила сестра, но они не общались, сказались разница в возрасте в детские годы.

Два дня назад он купил приёмник. Настроил волну с самыми жизнерадостными песнями, не имеющими особого смысла, слушал много часов подряд, голова начала надуваться звуками, как воздушный шар. Музыка отчасти забивала мысли, но мешала свободно дышать. Он выключил приёмник и снова погрузился в темноту своего сознания. Раньше он думал, что оптимист. Он смотрел вокруг и действительно видел зелень травы, синеву неба, слышал пение птиц, как советуют в книгах по психологии, и всё это приносило ему радость. Но параллельно с этими маленькими радостями внутри маячило большое, грузное, оно давило своей шершавой массой, дышало шумно и прерывисто и словно не могло выкарабкаться наружу. И Степан ничем не мог помочь ему. Он не знал, друг ему ЭТО или враг. Что друг — непохоже, ведь когда Оно появлялось, Степана словно сжимали стены собственного дома, он садился в кресло в тёмном углу библиотеки и старался вспомнить что-то радостное, чтобы отвлечься. Потом Оно стало появляться чаще, светлых моментов стало не хватать, чтобы отбиться. Степан вёл внутренние монологи с недругом, пытался закрыть сознание от тёмного бреда, пытался медитировать. С непривычки не знал,

с чего начать. Начал считать баранов, как в детстве, когда не мог заснуть. Потом убирал баранов, оставляя луг, цветы, небо. Потом убирал все картинки, пытаясь смотреть в Ничто, в пустоту. Отчего-то ему представлялась кора деревьев, глаза блуждали в её изгибах, пытаясь проникнуть в трещины, в сухие дупла, в самую суть ствола. Возможно, под этой сухой корой ещё бились живые соки, которых ему так не хватало, чтобы бороться.

Ирина не звонила, и он ей не звонил, обсуждать было уже нечего, ведь порой слова бывают не нужны вовсе. Достаточно взгляда, жеста, поступка. А когда ряд ледяных слов, резких жестов и неблаговидных поступков выстраиваются в одну цепь, то картина предельно ясна. Нет, нельзя сказать, чтобы сам Степан никогда не совершал подобного. За долгую жизнь ему случалось незаслуженно обижать людей, причинять им боль. Иногда он даже не замечал этого, иногда понимал спустя время.

Он снова вспомнил Татьяну. Кажется, это он обидел её, отстранил от себя. Ему нестерпимо захотелось вернуть назад время, идти за руку с этой девушкой по той улице, где жили его родители, где прошла их юность, вдыхать запах её волос и легонько касаться губами тыльной стороны её руки с запахом цветов.

И, несмотря на верный завет «не встречайтесь с первой любовью», ему в голову пришла безумная мысль разыскать её. Степан с трудом поднялся, медленно оделся. Отчего он не подумал, что она может быть замужем, что у неё, возможно, трое детей, она состарилась, пополнила, и у неё двойной подбородок? Ничего этого не пришло ему в голову, только одно: найти и поговорить.

Он поехал в город, зашёл в кафе, вошёл в интернет и стал забивать на многочисленных поисковых сайтах её имя и фамилию — ту, которую она носила раньше. Он понимал, что она могла сменить фамилию и место жительства, что шансов очень мало, но в голове его всё ещё жил образ этой девушки, почему-то он видел её в длинном белом сарафане, идущей по берегу озера навстречу ему.

Пересмотрев фото найденных Татьян, он понял, что её среди них нет. Потом обратил внимание на несколько строк в конце, где были люди без фотографий. Две или три девушки подходили по описанию, и он отправил им сообщение. Просто: не жили ли вы тогда-то там-то, и приписка о себе. Потратив на это довольно долгое время, он вернулся в дом. В этот вечер он варил глинтвейн и пил его на веранде. Над озером стоял туман, кричала какая-то птица, прошлое было ясным, а будущее неопределённо. Степану хотелось, чтобы в его жизнь снова вошло что-то светлое и радостное. Но туман предсказывал, что это вряд ли совместимо с покоем, с его тихой жизнью здесь, на берегу. Он долго ещё смотрел вдаль, пытаясь угадать в дымке какие-то смутные очертания неизвестных предметов, животных ли, а потом лёг и долго ещё представлял женщину, босую, идущую по берегу. Сарафан развевался, но брызги мочили его, и он облеплял её стройные ноги. На ней была белая шляпа с голубой лентой, которую ей приходилось придерживать рукой, чтобы не унесло ветром. Волосы золотились на солнце, женщина улыбалась. Степану хотелось, чтобы эта улыбка была адресована ему. С этой мыслью он заснул.

Дни шли, один сменяя другой. Погода испортилась. Стало ветрено, шли дожди, озеро покрылось рябью,

и вода в нём стала стального цвета. Степан редко выходил на прогулку, собака тоже лежала на террасе, скрываясь от дождя и ветра. Примерно через неделю он снова поехал в кафе, взял чашку кофе, вошёл в интернет посмотреть, нет ли ответа. Два сообщения были о том, что женщины никогда не жили в названном им городе. А третье было уточняющее: «Степан Глотов с улицы Лесной, дом 5, квартира 47?» Удивившись поразительной точности адреса, он ответил утвердительно в смутной радости, что угадал, нашел её, что именно она — его Татьяна — написала эти строки. Пальцы не попадали на нужные буквы, он спешил, задавал тысячу вопросов, но абонент был не в сети, и он уехал, не получив ответа ни на один вопрос.

Дождь не переставал, перед крыльцом образовалась лужа, напоминая маленькое озеро. Тучи висели низко, наводя тоску, какая нередко бывает у живых людей осенью. Лес вдаль стоял чёрной стеной, словно загораживая ту, дальнюю часть пространства от дождя, ветра, сырости, словно за этим лесом была солнечная поляна, спрятанный кусочек весны.

На следующий день Степан снова собрался в город, дорога была размыта, машина пробуксовывала в нескольких местах, Степан чертыхался, возвращаться не хотелось, его вопросы нуждались в ответах — сегодня, немедленно. Он терпел больше двадцати лет, но сейчас отчего-то не мог дольше терпеть, долго накапливаемая тревога, ожидание, тоска должны были вылиться во что-то.

Наконец он открыл экран. Да, сообщалось в письме, это именно та Татьяна, что жила по соседству. «Зачем Вы искали меня?» — звучал вопрос. И тут его словно прорвало. Он стал писать о том, что лишь тогда всё

было по-настоящему, светло и радостно, что больше ничего подобного в его жизни не случилось никогда, что он хотел бы узнать, как она живёт, где, есть ли у неё семья, сложилась ли жизнь?

Ответ пришёл тут же: «В моей жизни тоже ничего подобного уже не было». Так они стали общаться, договариваясь, в какое время будут выходить на связь. Иногда не совпадали, он просто отправлял письмо, выпивал кофе и уезжал к себе, иногда отвечал на её письмо, пришедшее раньше. Письма становились длиннее. Он уже знал, что она переехала, живёт в Архангельске. Они много говорили почему-то об отвлечённых вещах. Он рассказывал о книгах, об озере, как приехал сюда и хочет дожить здесь свой век, про то, как представляет её молодой в белом сарафане, идущей к нему по воде. Ему казалось, что она понимает его. По крайней мере, она слушала, или как можно ещё назвать чтение всего этого бреда? Может быть, удаляла, не читая? Нет, отвечала всегда. На вопрос, отчего она не вывешивает фотографию, отговорила, что нет подходящей.

Так, за перепиской, незаметно прошла осень, и Степан однажды поймал себя на мысли, что лужа перед домом подёрнулась тонким ледком. Наступило время года, которое он любил и не любил одновременно. Он любил белые равнины, покрытые снегом, любил гулять в лесу, когда птица или белка зацепит ветку, и с неё посыплется снег. Любил небольшой морозец, когда крупные снежинки медленно падают на лицо, тая на веках, щеках, губах. Когда можно набрать пушистого снега и, словно мальчишка, бросить снежком куда-нибудь, неважно куда. Можно взять лыжи и пойти далеко-далеко, а собака будет семенить рядом, и иногда, услышав

хруст в кустах, лаять, и эхо будет разносить звуки по замершему в зимней дрёме лесу.

Но сейчас Степан мало гулял, он кутался в плед в библиотеке, заваривал травяной чай или доставал из бара коньяк, основной его прогулкой была прогулка до города, до маленького окошечка на экране, где светилось новое сообщение. Татьяна становилась ему всё ближе, он уже забыл, что прошло много лет, и что он вряд ли узнал бы её при встрече. Ирина и последние двадцать лет жизни ушли в тень. Осталась мечта — мечта в белом платье.

Они говорили о пустяках, засыпая друг друга смайлами, заменяющими нормальные улыбки, смех, подмигивание. Нормальность. Что стоит за ней? Человеческие отношения, признанные окружающими? Поход ранним утром на работу и возвращение к домашнему очагу? Как нужно жить, чтобы быть нормальным? И как нормальному человеку жить, чтобы оставаться человеком? В разное время людям кажется, что их время — особенное, отличающееся от остальных. А время — это лишь текучее вещество, которое исчезает раньше, чем успеваешь его осознать, понять, счастлив ли ты был в предыдущее мгновение или тебе это только показалось.

В какой-то момент Степан вдруг понял, что ничего не знает о человеке, находящемся по ту сторону экрана. Несмотря на длинные письма и разговоры, они, в общем-то, незнакомые люди. И понимание, и родство душ — всего лишь иллюзия, родившаяся в его уставшем, одиноком сердце. Его обдало холодом от этой мысли, он стал выпивать больше обычного и перестал ездить в город. Степан перечитывал своего любимого Хемингуэя, и ему тоже было страшно, что весна может

не наступить. Всё чаще стало сдавливать грудь в районе сердца. Выходить на дальние прогулки было тяжело и опасно. Собака тихонько выла. Ни одной души не видел он неделями.

Потом отпустило. Снег с крыльца стаял. Солнечные блики заиграли на крыше. Лёд на озере стал косыми пластинами, обнажив жухлую прошлогоднюю траву у берега. Появились птицы, они кричали вдалеке, и Степан никак не мог разглядеть, кто же это вернулся на родную землю первым.

Нужно было сделать кое-какие покупки для дома и сада. Краска облупилась, сломался жёлоб на заднем дворе, Степану пришлось поехать в город. Уже на обратном пути он не удержался, заказал кофе, открыл окно на экране. В ящике было более тридцати сообщений: «Отзовись!», «Что случилось?», «Ты здоров?», «Напиши свой адрес!» и другие тревожные слова. Он ответил, что здоров, написал адрес, а также, что не может часто бывать в городе и что глупо воскрешать то, что давно умерло.

А весна всё-таки пришла. Она пряталась за соседским забором, кокетливо подмигивая; свешивалась с качелей, запрокидывая голову; хохотала и звала радоваться вместе с ней. Озеро стало голубым, вода была ровной, спокойной. Степан снимал ботинки, заходил по щиколотку, потом — по колено. Думал, что, если уйти дальше, ещё дальше, никто и не хватится, и шёл обратно в дом — греться. В прошлую свою поездку в город он купил несколько новых книг, а поскольку часто перечитывал старые и любимые, то эти ждали своего часа, и после обеда он намеревался повесить гамак и предаться там общению с новыми персонажами.

Читал он запоем. В детстве приключенческие романы доставляли ему несказанную радость. Он сражался вместе с героями на шпагах, переживал грозу, боролся с пучиной, претерпевал лишения и в конце книги ужасно расстраивался, что всё так быстро закончилось. Его храброе детское сердце жаждало продолжения. В реальной жизни не было места подвигу, порыву.

Отчего события жизни, некогда кажущиеся самыми важными, самыми значимыми, позже становятся лишь эпизодами, случайными мгновениями? В двадцать лет кажется, что просидел бы вот с этой девушкой под липой, яблоней, каштаном всю жизнь. В тридцать — что нужно заниматься делом, всё ещё придет, успеется, наверстается. В сорок — что сил ещё много, но что-то безвозвратно потеряно, упущено, и закат над рекой вызывает уже не романтические чувства, скорее, грусть, чувство горькой утраты.

Степан сидел с удочкой на берегу и думал: что же для него сейчас природа? Как воздействуют на него её безумные краски, её внезапные порывы? Здесь пахло не весной, нет, это был не тот лёгкий аромат, появляющийся в воздухе ещё задолго до наступления понастоящему тёплых дней, который Степан всегда улавливал. На озере у берега пахло прелой травой, тиной, водой, в которой переваривалось всё, застоявшееся с холодов. Но даже запах прелой листвы — это запах жизни. А он всегда был жаден до жизни, любопытен, он готов был глотать её горстями. Этой зимой ему показалось, что всё изменилось, но, вероятно, всё изменилось гораздо раньше. Или всё осталось по-прежнему? На этот вопрос не ответит никто: ни чудо-рыба, что он поймал только что, ни чайка вдалеке.

Время шло, почтовый ящик пополнялся разве что

квитанциями. Степан отчего-то надеялся, что, спросив его адрес, Татьяна напишет ему длинное обстоятельное письмо, но письма не было. Не было ничего и никого, лишь ветер свистел в водосточной трубе, да собака лаяла иногда на бродившую неподалёку заблудившуюся лису.

Как-то в пятницу он решил навестить соседей, но их не оказалось дома. Дом был заперт и пуст. Возможно, уехали в город навестить сына. Других знакомых здесь у Степана не было.

Он снова окунулся в иллюзорную книжную жизнь и за пару месяцев даже прожил с ними пару десятилетий — так, что у них успели вырасти дети и родиться внуки, были встречи и разлуки, любовь, боль, горе, радость, потери и обретения. Когда уходишь с головой в иную реальность, бывает тоскливо возвращаться обратно, хочется продлить это чувство сродства, сопереживания, дать героям пройти ещё один отрезок пути и сопровождать их в нём неотлучно.

А весна пришла. Настоящая — с проталинами и подснежниками, потом снег и вовсе стаял, и она благоухала, разливалась во всём своём великолепии. Озеро было голубым, и небо было голубым, и было неясно, где одно перетекает в другое, цепляясь краями, касаясь тонкими тканями полотнищ. Рыбалка приелась, Степан сидел на веранде и расчесывал Витязя, машинально проводя щёткой от загривка к хвосту, предаваясь раздумьям. Склонность его к философствованию и анализу часто раздражала окружающих, призывающих жить проще, легче. Другьям часто кажется, что, выводя тебя в «люди», то есть на публику, они делают доброе дело, это называется «развеяться», и даже не догадываются, что нет ничего хуже этого

насилия для человека, далёкого от людей, не желающего сливаться с толпой.

Степан отложил щётку и, не надевая поводка, вывел собаку за калитку. Он шёл вдоль берега, вглядываясь в горизонт над водой, в лодку, видневшуюся вдали. Впереди появилась фигура человека. Или ему только показалось? Он уже давно не встречал здесь никого и порой даже боялся одичать, разговаривая с Витязем. Фигура приближалась, и вот уже стало узнаваемым, что это женщина, женщина с белом платье и шляпе. Степану показалось, что он сошёл с ума, что он бредит, и его мысли о Татьяне материализовались, приобрели реальные очертания. Он шёл навстречу, но видение не исчезало. Девушка шла по кромке берега неспешно, наслаждаясь ласками воды, держа в одной руке босножки, другой — придерживая шляпу с голубой лентой. Степан остановился и не двигался до тех пор, пока видение не приблизилось к нему. Это была Татьяна, но будто бы и не она. Черты лица были похожи, но девушка была выше ростом и столь молода, что у Степана помутилось в голове. Она подошла и стояла напротив, рассматривая его, будто увидела нечто диковинное. Он не мог ничего спросить, какой-то нечленораздельный звук вырвался изо рта. Сердце забухало и надорвалось, он припал на ногу, грузно опустился на землю. Девушка бросилась к нему.

— Плохо, вам плохо, да?

Он всё ещё не мог ничего сказать, ухватившись за её локоть, он силился подняться и лишь нечленораздельно мычал.

— Я помогу, сейчас, сейчас, — она была напугана и растеряна, не зная, что делать. Ей удалось помочь ему встать, теперь он опирался о её плечо, а точнее, давил

на него всем телом, и девушка сомневалась, что продержится долго в таком положении.

— Потихонечку, сейчас дойдём, всё будет хорошо, — она видела дом вдалеке, но дойти до него было невысказано. — Вы можете идти сами? Ну, хотя бы шаг, вот, да, вот так. Степан пытался переставлять ноги, а голова его была повернута к девушке, он рассматривал её, глаза его были расширены, лицо бледно.

— Сейчас, сейчас, — она тяжело дышала, перетаскивая на себе ставшее неподвижным и громоздким непослушное тело, ещё с утра бодро шагавшее вдоль озера. — Дойдем!

Силы Лизы были на исходе, когда ей удалось втолкнуть Степана на крыльцо и буквально уронить в кресло.

Врача пришлось ожидать несколько часов. Хорошо, что Лиза догадалась посмотреть телефон в справочнике, иначе и спросить было бы не у кого. Степан сидел в кресле, привалившись к спинке, закрыв глаза. Он очень устал, правая рука безжизненно свисала с подлокотника. Говорить он не мог. Лиза, не желая его тревожить, обошла дом, задержалась в библиотеке, проводя пальцем по корешкам книг, на некоторых останавливаясь особо. Она любила читать с детства. Помнила, как мама читала ей на ночь. Открывая книгу, всегда рассказывала Лизе об авторе, о героях, чтобы заинтересовать, увлечь.

Девушка перешла в другие комнаты. Оглядела спальню, гостиную, на кухне заглянула в холодильник, поскольку уже много часов у неё во рту и крошки не было. Да и Степана нужно будет как-то покормить. Что она наделала? Зачем приехала? Человек жил, двигался, а теперь из-за неё он калека. Он даже поздороваться с ней не может.

Врачи прибыли вдвоём, сказали, что у Степана инсульт — необходима срочная госпитализация. Речь и чувствительность конечностей, возможно, восстановятся, но нужен будет внимательный долгосрочный уход после больницы.

— Простите, а вы кем больному приходитесь? — уточнил врач.

— Я? Я дочь, — сказала Лиза, удивившись непривычному слову, слетевшему с губ.

Она растерянно проводила глазами носилки. Ехать в больницу сейчас не имело смысла. Она решила воспользоваться временем, что Степан проведёт под присмотром врачей, — съездить домой, рассчитаться на работе, собрать и перевезти вещи. Там, в больнице, какой-никакой присмотр, а здесь... здесь ни одной живой души. Так, не оставаясь ночевать в чужом пустом доме, она отправилась в обратный путь, заперев дом и забыв шляпу с лентой.

— Ты с ума сошла! Ну зачем тебе это? — в сотый раз повторяла подруга Катя. — Он совершенно посторонний тебе человек. Ты даже не знаешь, действительно ли он является твоим биологическим отцом.

— Что значит «биологическим»? — Лиза удивлённо подняла глаза на подругу.

— Ну, то. Что он тебя сделал когда-то маме. И всё ведь: ни слуху, ни духу. Жил где-то всё это время, вот, говоришь, книжки читал. Ну и бог с ним.

— Как это — бог с ним? Ты вообще меня слушала? У него же инсульт! Может статься, что он вообще больше не будет ходить и разговаривать. И это я виновата, я!

— Лиза, ну только вот этого не надо, вечно ты со своим чувством вины. Ни в чём ты не виновата, человек немолодой: сосуды, давление.

— Нет, Кать, давай прекратим этот разговор, я уже написала заявление, получу расчёт и буду складывать вещи. А знаешь, там у него очень хорошо, на озере, спокойно так, — Лиза мечтательно смотрела вдаль.

— Н-да, — махнула рукой Катя, — что тебе говорить, ты вечно живёшь в каких-то своих заоблачных даях. Позвони, если нужно будет помочь с вещами, ну и вообще — попрощаться не забудь.

— Не забуду, — Лиза прикрыла за подругой дверь и стала оглядывать свой нехитрый скарб: «Вот эти вазы нужно отнести тёте Лиде, статуэтки тоже ей, наверное. Посуду часть с собой, остальное — соседке, Марье Сергеевне предложу взять. И книги, да, нужно пересмотреть книги».

Следующий день ушёл на решение вопросов с работой. Она просила отпустить её без двухнедельной отработки в связи с чрезвычайными семейными обстоятельствами, но ведь не будешь рассказывать всем и каждому, что именно произошло. Днём Лиза позвонила в больницу, чтобы узнать о состоянии Степана. Врач сказал, что всё стабильно, но без существенных улучшений. Разумеется, коллеги шушукались и сплетничали, и она не могла им это запретить. Они решили, что Лиза едет к любовнику или вслед тому, кто её бросил. Девушка подписала все необходимые бумаги и с тяжёлым сердцем принялась за раздачу и сбор вещей. Основную часть нужно было оставить, не с пятью же чемоданами тащиться на озеро. Всё необходимое у Степана есть, даже больше. Взять нужно лишь личные вещи, некоторые книги и какие-нибудь пустяки на память. Ей попалась коробка с бижутерией: дешёвые бусы, серьги из бисера и полудрагоценных камней, кулоны на шнурках и среди всей этой мишуры серебряный браслет, остав-

шийся от матери. Его Лиза и взяла, а коробку решила отдать Кате — на память. Не будет носить — выбросит.

Документы собрала. Платья, юбки, бельё и обувь уже лежали в чемодане. Посуду, постельное бельё, лампу, картины отдала соседям. Осталось разобраться с книгами. Лиза нерешительно подошла к полкам: много. Она начала доставать книги с полок и складывать стопками на полу. Затем принесла большие пакеты и стала откладывать то, что можно оставить. Каждый том отрывала от себя с трудом, словно живое существо, прожившее много лет с ней в одной квартире. Наконец, осталась последняя полка. Лиза потянулась наверх за томом Фолкнера, но не удержала, и книга упала на пол.

Поднимая её, Лиза увидела листок, выпавший из книги. Она развернула его и стала читать. Ещё долго она сидела вот так на полу, подогнув под себя одну ногу, пока шум за окном не привлёк её внимание. Мимо проезжала пожарная машина. Лиза встала, разорвала письмо и положила Фолкнера в чемодан.

Ещё три дня ушло на какие-то хлопоты, визиты, формальности. Лиза каждый день думала, что уже пора ехать на вокзал за билетом, но тут всплывала очередная загвоздка, удерживающая её в городе. Наконец, вещи были погружены, на вокзале пролито должное количество слёз, и перрон поплыл перед глазами.

На озере было солнечно, по стенам дома гонялись друг за другом солнечные зайчики. Её встретил Витязь. «Бедный, соскучился тут один», — девушка потрепала его по загривку. Лиза отперла дверь, прислушалась к тишине, разлитой внутри, вошла почти неслышно, оставив вещи на террасе, будто побоявшись нарушить устоявшийся покой. Уже потом внесла чемодан, разложила в пустой дальней комнате, прибра-

лась в гостиной и в кухне. Степана обещали выписать через несколько дней, нужно было приготовить дом к его приезду.

Утром на свой страх и риск Лиза взяла машину Степана и поехала в город за продуктами. Люди в маленьком городке сразу обратили внимание на незнакомую девушку: машину Степана там знали. Через пару часов город облетела весть, что к Степану приехала дочь. А Лиза в это время намывала окна, насвистывая весёлую песенку. Потом тёрла плитку, сбивая ногти, а в голове всё ещё звучали строки письма, вероятно, написанного матерью перед смертью: «Игорь, ты должен знать, что Лиза — твоя дочь, твоя дочь, твоя...» Потом на очереди была посуда, и Лиза чистила, потом стирала, ещё позже — подметала крыльцо, пока в изнеможении не опустилась на ступеньки, когда начало смеркаться. Витязь, поскуливая, лежал у её ног. Луна, словно огромное зеркало, повисла над озером. Воздух стал прохладным, Лиза поёжилась — захотелось завернуться в плед. Она поймала себя на мысли, что ей не страшно вот так сидеть здесь одной, когда вокруг на целые километры никого. Здесь присутствовало что-то большое и важное, что заполняло пространство и мысли, и не оставляло возможности отступить, не заметить, пройти мимо.

СОДЕРЖАНИЕ

Красное платье.....	5
Деревья.....	11
Голубцы для Гриши.....	17
Common giant squirrel, или Немного обо всём.....	21
Огород для Матрёны.....	29
Подарок.....	37
Гера.....	40
Цветы меня утешают.....	44
Удивляться.....	52
Чингисхан.....	61
Роман.....	73
Растерянность.....	80
Кольцо.....	84
Кощей.....	90
Облака.....	92
Пасха.....	110
Равнодушие.....	129
Озеро.....	163

Литературно-художественное издание

Наталья Михайловна Елизарова

ОЗЕРО

16+

В авторской редакции

Техредактор Геннадий Майоров

Художник Ольга Силаева

Рекламно-издательская фирма «3-е ИЮЛЯ»

ISBN 978-5-86843-086-2

Издательство «3-е ИЮЛЯ» (+7 9107-481102)

Сдано в набор 02.07.2023 г. Подписано в печать 03.08.2023 г.

Формат 84 x 108/32. Бумага офсетная. Гарнитура «Minion Pro». Усл. п.л. 8.

Тир. 300 экз.:

Отп. с готового оригинал-макета в ООО Полиграф. фирма «Картуш»

(г. Орёл, ул. 2-я Посадская, 26). Тел. (4862) 44-51-46